

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

<http://www.voennoepravo.ru>

№ 3 (79) 2023

Редакционный совет

1. **Бут Надежда Дмитриевна**, доктор юридических наук, заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в социально-экономической сфере НИИ Университета прокуратуры Российской Федерации

2. **Воронов Александр Федорович**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. **Ермолович Ярослав Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

4. **Корякин Виктор Михайлович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

5. **Маликов Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности «Военное право», профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. **Свинных Евгений Анатольевич**, доктор юридических наук, доцент

7. **Сморчкова Лариса Николаевна**, доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН

8. **Субанова Наталья Викторовна**, доктор юридических наук, доцент, проректор Университета прокуратуры Российской Федерации

9. **Туганов Юрий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Российской таможенной академии

10. **Холиков Иван Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Издается с 2001 г.
Научные направления
периодического издания:
— Военные науки
— Юридические науки

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттеста-
ционной комиссии при Минобрнауки
России от 26 апреля 2019 г. издание
с 7 мая 2019 г. включено в **Перечень
рецензируемых научных изданий, в
которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссер-
таций на соискание ученой степени
кандидата наук, ученой степени докто-
ра наук** по группе научных специальностей
20.00.00 — Военные науки (№ 849
Перечня по состоянию на 25.04.2023)

В период с 18 октября 2016 г. по 26 марта
2019 г. издание было включено в указан-
ный Перечень по группе научных специ-
альностей 12.00.00 — Юриспруденция

В соответствии с информационным
письмом ВАК Минобрнауки России
от 6 декабря 2022 г. № 02-1198 издание
отнесено **ко второй категории** журналов
Перечня ВАК

Главный редактор —
КОРЯКИН
Виктор Михайлович,
доктор юридических наук,
профессор
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Ведущий редактор —
ГУСЕЙНОВА
Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Указатель сокращений	6
Правовое обеспечение национальной безопасности	
1. Ахаев А.К. О некоторых мерах совершенствования публично-правового механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства	9
2. Джейранов С.С. Аксиологическое значение государственного суверенитета в системе государственной безопасности Российской Федерации	15
Теория и история военного права	
3. Маликов С.В., Приставка А.Ф., Сливков А.С. Опыт деятельности военной прокуратуры в период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979—1989 годы)	25
4. Харитонов В.С. О классификации вигилантизма: некоторые подходы в рамках криминологического исследования	38
Военно-административное право	
5. Глухов Е.А. О правовой регламентации функций воинского формирования и полномочий его должностных лиц	40
6. Землин А.И., Холиков И.В. Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях	49
7. Кукушкин М.В. Служебная тайна в области обороны: ответственность военнослужащих за разглашение служебной тайны в области обороны	57
8. Роганов С.А. Функционирование института общественного контроля в сфере противодействия коррупции в деятельности военнослужащих Вооруженных Сил и Федеральной службы безопасности Российской Федерации	62
9. Сидорчук С.Н., Карякин С.С. Организационно-правовые аспекты функционирования территориальной системы медицинского обеспечения войск (сил).....	68
10. Сынков Н.В. Проблемы соблюдения антикоррупционного законодательства военнослужащими в период проведения специальной военной операции	87
11. Шеншин В.М. К вопросу о правовом регулировании водолазных работ в Росгвардии	91
Военные аспекты трудового и гражданского права	
12. Зайков Д.Е. Особенности социального партнерства в сфере труда в Росгвардии, МЧС России и МВД России	97
13. Корякин В.М. Упрощенный порядок признания участников специальной военной операции безвестно отсутствующими и погибшими	104

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

14. Беда Н.В. Некоторые правовые аспекты медико-психологической реабилитации (адаптации) военнослужащих (сотрудников) и лиц, уволенных с военной службы (правоохранительной службы).....	109
15. Грищенко Л.Л. Правовые аспекты медицинского обеспечения военнослужащих	146
16. Зорин О.Л. Поощрительные выплаты военнослужащим в период проведения военных кампаний	113
17. Кириченко Н.С., Богданов С.Л. Организация поиска, сбора и эвакуации тел военнослужащих, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы, как мера реализации социальных гарантий со стороны государства	124
18. Лагашкина Ю.В. К вопросу о прохождении альтернативной гражданской службы в периоды мобилизации и военного положения	129
19. Норенко И.В. Использование цифровых технологий в сфере организации воинского учета и призыва на военную службу: критический анализ нового законодательства	135
20. Фомин А.В. Проблемы назначения единовременных выплат детям погибших (умерших) участников специальной военной операции	144
21. Цуциев С.А. Медицинский контроль за условиями жизнедеятельности войск как показатель актуальности системы обеспечения безопасности военной службы	151

Правоохранительная, судебная, прокурорская деятельность

22. Заказнова А.Н., Харитонов С.С. О рассмотрении военным судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (по материалам судебной практики)	157
23. Махьянова Р.М. Формы реализации тактики надзорной деятельности органов прокуратуры	164
24. Тишкин О.О. Прокурорский надзор в Вооруженных Силах: история образования и развития, отдельные проблемы	170

Уголовное право, криминология, уголовный процесс и криминалистика

25. Ермолович Я.Н. Преступления против правосудия в структуре преступности в Российской Федерации	177
26. Мантеев М.Б. Воинские преступления против порядка пребывания на военной службе (ст. 337 и 338 УК РФ): вопросы теории и практики	188
27. Моргуленко Е.А. К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе	195
28. Смирнов Д.В., Сотникова В.В. Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283 ² УК РФ	199

29. Харитонов С.С., Шарапов С.Н.	
Гражданский иск в уголовном процессе: обращение к военно-судебной практике	209
30. Чукин Д.С.	
Некоторые аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при совершении преступлений против военной службы	214
31. Шевчук А.Н.	
Уголовно-процессуальные гарантии прав личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения	223
Военные проблемы международного права. Зарубежное военное законодательство	
32. Давтян С.С.	
Концептуальные и законодательные основы взаимодействия между штабами объединений Вооруженных Сил и органами территориального управления Республики Армения	229

Указатель сокращений

- абз.** — абзац
- АО** — акционерное общество
- ВВС** — Военно-воздушные силы
- ВВСТ** — вооружение, военная и специальная техника
- ВДВ** — Воздушно-десантные войска
- ВКГ** — военный клинический госпиталь
- ВМКГ** — военно-морской клинический госпиталь
- ВМФ** — Военно-Морской Флот
- ВСУ** — Вооруженные силы Украины
- ВУ** — Военный университет
- ВЦИК** — Всероссийский Центральный исполнительный комитет
- ГВМУ МО РФ** — Главное военно-медицинское управление Минобороны России
- ГВП** — Главная военная прокуратура
- ГК РФ** — Гражданский кодекс Российской Федерации
- гл.** — глава
- ГПК РФ** — Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации
- ГПС** — Государственная противопожарная служба
- ГРУ ГШ** — Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации
- ДНР** — Донецкая Народная Республика
- ДРА** — Демократическая Республика Афганистан
- ЗВО** — Западный военный округ
- КГБ** — Комитет государственной безопасности
- КНР** — Китайская Народная Республика
- КоАП РФ** — Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях
- ЛНР** — Луганская Народная Республика
- МВД России** — Министерство внутренних дел Российской Федерации
- МГП** — международное гуманитарное право
- МИД России** — Министерство иностранных дел Российской Федерации
- Минздрав России** — Министерство здравоохранения Российской Федерации
- Минздравсоцразвития России** — Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации
- Минобрнауки России** — Министерство образования и науки Российской Федерации
- Минобороны России** — Министерство обороны Российской Федерации
- Минпромэнерго России** — Министерство промышленности и энергетики Российской Федерации

Минсельхоз России — Министерство сельского хозяйства Российской Федерации

Минтранс России — Министерство транспорта Российской Федерации

Минтруд России — Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации

Минэкономразвития России — Министерство экономического развития Российской Федерации

млн. — миллион

млрд. — миллиард

МЧС России — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО — Организация Североатлантического Договора (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO)

НИЦ — научно-исследовательский центр

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

ОБСЕ — Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

ОДКБ — Организация Договора о коллективной безопасности

ОКСВ — ограниченный контингент советских войск

ОМС — обязательное медицинское страхование

ООН — Организация Объединенных Наций

ООО — общество с ограниченной ответственностью

ОРД — оперативно-розыскная деятельность

ОУН — Организация украинских националистов

п. — пункт

ПВО — противовоздушная оборона

подп. — подпункт

РВСН — Ракетные войска стратегического назначения

Росархив — Федеральное архивное агентство

Росгвардия — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации

Росреестр — Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

Росстат — Федеральная служба государственной статистики

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

руб. — рубль, рублей

СБУ — Служба безопасности Украины

СВО — специальная военная операция

СВР России — Служба внешней разведки Российской Федерации

СИЗО — следственный изолятор

СК России — Следственный комитет Российской Федерации

СК РФ — Семейный кодекс Российской Федерации

СМИ — средства массовой информации

СНГ — Содружество Независимых Государств

СНК — Совет Народных Комиссаров

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья

США — Соединенные Штаты Америки

ТК РФ — Трудовой кодекс Российской Федерации

тыс. — тысяча

УВС ВС РФ — Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ — Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ФГБВОУ ВО — федеральное государственное бюджетно военное образовательное учреждение высшего образования

ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение

ФГКВОУ ВО — федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования

ФГКОУ ВО — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования

ФГКУ — федеральное государственное казенное учреждение

ФСБ России — Федеральная служба безопасности Российской Федерации

ФСИН России — Федеральная служба исполнения наказаний

ФСО России — Федеральная служба охраны Российской Федерации

ФССП России — Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации

ЦИК — Центральный исполнительный комитет

ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

ЦРУ — Центральное разведывательное управление США

ч. — часть

ШОС — Шанхайская Организация Сотрудничества

ЮВО — Южный военный округ

Правовое обеспечение национальной безопасности

О некоторых мерах совершенствования публично-правового механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства

© Ахаев Алмаз Кайратович,
юрист

Аннотация. Важное значение в современных условиях имеет обеспечение безопасности, правопорядка и построение соответствующей государственной политики. В основу деятельности любого государства положены система условий, которые определяют стабильность развития общества и государства, в том числе посредством обеспечения ее безопасности на различных уровнях (личность, общество, государство). Текущие политические условия требуют повышенного внимания к проблемам обеспечения безопасности. Цель публикации заключается в определении некоторых мер совершенствования публично-правового механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства. На основании изучения правовой базы и позиций исследователей сформулированы выводы о существующих перспективах совершенствования национальной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, личность, общество, государство, публично-правовой механизм, меры, совершенствование механизма обеспечения безопасности.

On some measures to improve the public law mechanism for ensuring the security of the individual, society and the state

© Akhaev A.K.,
lawyer

Annotation. It is important in modern conditions to ensure security, law and order and to build an appropriate state policy. The activity of any state is based on a system of conditions that determine the stability of the development of society and the state, including by ensuring its security at various levels (personality, society, state). The current political conditions require increased attention to security issues. The purpose of the publication is to identify some measures to improve the public law mechanism for ensuring the security of the individual, society and the state. Based on the study of the legal framework and the positions of researchers, conclusions are formulated about the existing prospects for improving national security.

Keywords: security, national security, personality, society, state, public law mechanism, measures, improvement of the mechanism of ensuring security.

Современные социально-экономические и политические условия определяют необходимость создания гарантий обеспечения безопасности на ее различных уровнях. Предполагается, что различными средствами и методами необходимо обеспечить безопасность отдельной личности, общества в целом и государства. Подобное положение определяет необходимость пристального внимания к проблемам, существующим в публично-правовом механизме обеспечения безопасности личности, общества и государства,

требует теоретического осмысления.

На государственном уровне задаются важнейшие векторы обеспечения национальной безопасности. Особую опасность представляет совершение правонарушений и иных преступных действий, затрагивающих обеспечение национальной безопасности. Подобные посягательства ставят под угрозы интересы отдельной личности, общества или же интересы государственного уровня. Процесс обеспечения национальной безопасности имеет определенную специфику, многоуровневую структу-

ру.

Обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации основано на создании нормативно-правовой базы, позволяющей такую борьбу осуществлять. Согласно ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики Российской Федерации и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

Определение национальной безопасности сформулировано в п. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400: национальная безопасность Российской Федерации — состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны.

Здесь важно отметить и то, что согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона «О безопасности» основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности определяет Президент Российской Федерации (см., например, Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213¹).

При этом в ч. 3 ст. 4 Федерального закона «О безопасности» отмечено, что государственная политика в области обеспечения безопасности реализуется федеральными органами государственной власти,

органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления на основе стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов, разрабатываемых Советом Безопасности и утверждаемых Президентом Российской Федерации.

Целесообразно рассмотреть объекты национальной безопасности, отраженные на нескольких уровнях:

- личность — ее права и свободы;
- общество — его материальные и духовные ценности;
- государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Правовые основы обеспечения национальной безопасности на перечисленных уровнях базируются на положениях Конституции Российской Федерации. Например, в гл. 2 Конституции России определены права и свободы человека и гражданина; в ст. 79¹ Конституции указано, что Российская Федерация принимает меры по недопущению вмешательства во внутренние дела государства.

Г.А. Решетникова отмечает: «объекты национальной безопасности имеют свой собственный смысл только во взаимосвязи с человеком, выполняя служебную функцию для реализации социально-политических и правовых интересов человека, в виде социально-политических (личность, общество, государство) и правовых конструкций (физическое и юридическое лицо)»².

Таким образом, в контексте обеспечения национальной безопасности формируются охраняемые объекты, представленные тремя основными уровнями.

В научной литературе сформированы подходы к определению национальной безопасности. По мнению Г.А. Решетниковой, в основу национальной безопасности положены национальные интересы: «Национальные интересы составляют ос-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности».

² Решетникова Г.А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое и правовое значение // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. Вып. 4. С. 695.

нову формирования внешней и внутренней политики государства»¹.

Н.В. Макарейко отмечает: «Сложность национальной безопасности, ее многоуровневая организация, взаимодействие с другими явлениями и процессами требуют осуществления комплексного подхода, использования соответствующего механизма ее обеспечения»².

Как отмечают Ю.Н. Егоров, Л.К. Никитина, О.М. Хохлова: «Национальная безопасность — ориентир положения общества, его стабильного развития, способность выдерживать воздействия, исходящие из всевозможных разрушительных факторов, способность адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, сохраняя при этом высокий уровень жизни населения. Основу «национальной безопасности» представляет триединство основных социальных субъектов: государство — общество — личность»³.

Таким образом, в настоящее время обеспечение национальной безопасности является приоритетной задачей государственного уровня, формируются три уровня охраняемых объектов: личность, общество, государство.

На федеральном уровне определена структура национальной безопасности в контексте охраны различных частных и публичных интересов. Говоря о структуре национальной безопасности, следует обратиться к Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где в гл. IV «Обеспечение национальной безопасности», в рамках которой определены следующие направления:

— сбережение народа России и развитие человеческого потенциала;

- оборона страны;
- государственная и общественная безопасность;
- информационная безопасность;
- экономическая безопасность;
- научно-технологическое развитие;
- экологическая безопасность и рациональное природопользование;
- защита традиционных Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;
- стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Соответственно, в указанных направлениях происходит формирование основных направлений обеспечения национальной безопасности. Многообразие факторов, влияющих на обеспечение безопасности, требуют непрерывного совершенствования применяемых средств согласно текущим потребностям и возникающим угрозам.

Безопасность является устойчивым состоянием и включает в себя определенные механизмы реализации и обеспечивается различными средствами. Требуется совершенствование правовой базы деятельности уполномоченных правоохранительных органов, отдельными учеными предлагается уделять большее внимание взаимодействию с населением. Так, по мнению П.П. Фантрова: «В контексте обеспечения национальной безопасности политическая технология взаимодействия государственных структур и гражданского общества представляет собой открытую систему общественно значимых процедур, приемов и способов деятельности, имеющих апробированный алгоритм применения, которые используются для поддержания устойчивого политического развития, защиты конституционного строя, а также обеспечения целостности и неприкосновенности территории государства»⁴.

Представляется, что пока не сформир-

¹ Решетникова Г.А. Понятие «национальные интересы» в контексте национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. 2020. Т. 30. № 3. С. 438.

² Макарейко Н.В. Проблемы нормативного правового регулирования национальной безопасности // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 119.

³ Егоров Ю.Н., Никитина Л.К., Хохлова О.М. Национальная безопасность России в современном мире в условиях глобализации // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 146.

⁴ Фантров П.П. Политические технологии взаимодействия институтов государства и гражданского общества в процессе обеспечения национальной безопасности России: дис. ... канд. полит. наук. М., 2019. С. 10—11.

рован положительный опыт взаимодействия с гражданским обществом в контексте обеспечения национальной безопасности на ее различных уровнях. Назрела необходимость в развитии данного направления, следует совершенствовать коммуникации и обратную связь от населения. Помимо указанного, требуется развитие правовой культуры и такого ее структурного элемента как правосознание населения. Необходимо проведение работы по развитию патриотизма, идеалов гражданского общества, укреплению национальных интересов и самоидентичности, в первую очередь среди молодежи¹.

Работа с населением как элемент обеспечения безопасности рассматривается и отражается в системе действующего законодательства достаточно слабо, что в условиях «информационной войны» не играет положительной роли. Ответственное отношение населения к правовым нормам и идеалам Российского государства позволит повысить гарантии защищенности охраняемых элементов безопасности. В.В. Борисов по этому поводу отмечает: «Решения и меры, принимаемые властями для борьбы с преступностью, должны быть открытыми, конкретными и понятными для каждого гражданина, проявлять инициативу, обеспечивать равенство всех перед законом и неизбежность ответственности и зависеть от поддержки общества»². С указанной позицией нельзя не согласиться, ценность взаимодействия с обществом недооценивается.

Различные виды безопасности в структуре национальной безопасности реализуют действие институтов и концепций, направленных на поддержание безопасности личности, общества и государства. Несмотря на повышенное внимание со сторо-

ны государства к обеспечению и совершенствованию публично-правового механизма обеспечения безопасности, исследователями отмечаются различные проблемы.

А.И. Подберёзкин, анализируя обеспечение национальной безопасности с учетом текущих политических реалий, отмечает ряд проблем:

— недостатки в темпах развития России, ее национального человеческого капитала и институтов;

— отставание в социально-экономическом развитии как компонент безопасности РФ оказывает влияние на национальную безопасность и внутриполитическую стабильность;

— недостатки идеологии;

— проблемы в части реализации официальной пропаганды, что становится предпосылкой для пренебрежительного отношения к стране, системе ценностей и интересам государства (в разрезе социальных групп);

— создание возможностей для использования СМИ недостатки государственного управления и пропаганды, что по своей сути недопустимо³.

В.М. Корякин отмечает: «Изменения в мире и их динамика сопровождаются военными конфликтами разной интенсивности, неконтролируемым ростом сепаратизма, экстремизма и неонацизма, разрастанием и распространением международного терроризма»⁴.

Такое положение, несомненно, требует совершенствования публично-правового механизма обеспечения безопасности. Е.М. Бухвальд, О.Б. Иванов отмечают существование проблем в определении видов безопасности, определения в целом структуры национальной безопасности в системе правовых актов, что негативно влияет на применимые меры по обеспечению без-

¹ См. подробнее: Харитонов В.С. О необходимости правового закрепления определения военно-патриотического воспитания граждан России // Военное право. 2016. № 4 (40). С. 121—122.

² Борисов В.В. Некоторые проблемы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации и зарубежный опыт обеспечения национальной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. Т. 5. № 2. С. 66.

³ См.: Подберёзкин А.И. Государственная стратегия безопасности России после февраля 2022 года // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2022. С. 15—25.

⁴ Корякин В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2022. № 2 (72). С. 31.

опасности (согласно приоритетам защиты и развития необходимых средств)¹.

Действительно, некоторая непоследовательность в данном вопросе не позволяет обеспечить необходимый уровень правовой регламентации в области повышения качества национальной безопасности и ее элементов, сформировать четкий и отлаженный механизм публично-правового обеспечения безопасности.

Изложенное выше позволяет с определенной степенью обоснованности сделать ряд выводов и предложений:

1. Национальная безопасность представляет собой состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз. Объекты национальной безопасности, отраженные на нескольких уровнях, это личность (ее права и свободы), общество (его материальные и духовные ценности), государство (его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность).

2. Структура национальной безопасности включает в себя ряд компонентов (охраняемых объектов), государством обеспечивается безопасность экономическая, информационная, социальная, политическая, военная. Комплексная организация всех направлений национальной безопасности позволяет обеспечить нормальную жизнедеятельность личности, общества и государства.

3. Применительно к отдельным мерам совершенствования публично-правового механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства, следует отметить, что:

— во-первых, требуется большая степень регламентации в структуре национальной безопасности, систематизация подходов, что должно найти отражение в более четком изложении норм об обеспечении безопасности личности, общества и государства — в том числе посредством выработки государственных программ;

— во-вторых, необходимо проведение

работы с населением, обществом, направленным на формирование идеологии, национальной самоидентификации, культурных ценностей народа и патриотизма;

— в-третьих, назрела потребность в проведении более четкой информационной политики государства, что в конечном итоге положительно повлияет на обеспечение информационной безопасности.

Представляется, что исследование мер, направленных на совершенствование публично-правового механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства востребовано для науки и практики, и требует дальнейшего теоретического и практического осмысления. Подобное положение обусловлено угрозами и рисками, возникшими сегодня перед Российской Федерацией, необходимостью охраны государственных границ, национальных интересов, суверенитета, общественных ценностей, а также полноценной защите интересов граждан.

Библиография

1. Борисов, В.В. Некоторые проблемы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации и зарубежный опыт обеспечения национальной безопасности / В.В. Борисов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — Т. 5. — № 2. — С. 64—71.

2. Бухвальд, Е.М. Национальная безопасность России: новые проблемы и новые приоритеты / Е.М. Бухвальд, О.Б. Иванов // Этап: экономическая теория, анализ, практика. — 2021. — № 4. — С. 7—24.

3. Егоров, Ю.Н. Национальная безопасность России в современном мире в условиях глобализации / Ю.Н. Егоров, Л.К. Никитина, О.М. Хохлова // Вестник Воронежского института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 145—150.

4. Корякин, В.М. Современные проблемы и перспективы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / В.М. Корякин // Военное право. — 2022. — № 2 (72). — С. 30—34.

5. Макарейко, Н.В. Проблемы нормативного правового регулирования национальной безопасности / Н.В. Макарейко // Вестник Воронежского института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 118—122.

6. Подберёзкин, А.И. Государственная стратегия безопасности России после февраля 2022 года / А.И. Подберёзкин // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. — 2022. — № 5-6. — С. 5—26.

7. Решетникова, Г.А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое

¹ Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Национальная безопасность России: новые проблемы и новые приоритеты // Этап: экономическая теория, анализ, практика. 2021. С. 16—17.

и правовое значение / Г.А. Решетникова // Вестник Удмуртского университета. — 2021. — Т. 31. — Вып. 4. — С. 690—696.

8. Решетникова, Г.А. Понятие «национальные интересы» в контексте национальной безопасности Российской Федерации / Г.А. Решетникова // Вестник Удмуртского университета. — 2020. — Т. 30. — № 3. — С. 438—444.

9. Фантров, П.П. Политические технологии взаимодействия институтов государства и граждан-

ского общества в процессе обеспечения национальной безопасности России : дис. ... канд. полит. наук / П.П. Фантров. — М., 2019. — 223 с.

10. Харитонов, В.С. О необходимости правового закрепления определения военно-патриотического воспитания граждан России / В.С. Харитонов // Военное право. — 2016. — № 4 (40). — С. 121—122.

Аксиологическое значение государственного суверенитета в системе государственной безопасности Российской Федерации

© Дзейранов Савва Станиславович,
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Аннотация. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, особое место выделяет суверенитету как основному компоненту обеспечения безопасности. Однако суверенитет, будучи свойством государства, не остаётся в статичном положении, поскольку подвержен внутренним и внешним воздействиям. В работе анализируется историко-правовой процесс суверенизации на основе изменения правового регулирования как формы выражения общественных отношений, который от ограничения суверенитета переходил к его обороне. Особое место в данном ключе занимает Стратегия национальной безопасности, призванная не только обозначить направления защиты государства, но и сформировать правовой щит для всего дальнейшего конституционно-правового строительства.

Ключевые слова: суверенитет, безопасность, Стратегия национальной безопасности, Конституция Российской Федерации, государство, конституционные ценности, конституционная идентичность.

The axiological significance of state sovereignty in the system of state security of the Russian Federation

© Dzheyranov S.S.,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education "Russian State University of
Justice"

Annotation. The Russian Federation, united by a thousand-year history, allocates a special place to sovereignty as the main component of ensuring security. However, sovereignty, being a characteristic, does not remain in a static position, since it is subject to internal and external influences. The paper analyzes the historical and legal process of sovereignization on the basis of changes in legal regulation as a form of expression of public relations, which passed from the limitation of sovereignty to its defense. The National Security Strategy, designed not only to identify areas of state protection, but also to form a legal shield for all further constitutional and legal construction, in this regard occupies a special place.

Keywords. Sovereignty, security, National Security Strategy, Constitution of the Russian Federation, state, constitutional values, constitutional identity.

Существует разнообразное понимание и определение естества суверенитета, но, не вдаваясь в дискуссию, следует отметить, что наиболее устоявшееся в науке мнение связано с отражением этого явления через свойство государства. Также суверенитет зачастую рассматривается как верховенство государства внутри своих границ и политико-правовая независи-

мость на международной арене¹.

Россия по мере государственно-правового становления, как отмечает А.Л. Бредихин, прошла следующие типы суверенитета: военно-феодальный (IX—XII вв.), раздробленный (XII—XV вв.), феодально-монархический (вторая половина

¹ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 томах. Том 2. — 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 45.

XIV — первая половина XVI в.), аристократический (середина XVI — середина XVII вв.), абсолютистский (вторая половина XVII в. — XIX в.), буржуазно-монархический тип (начало XX в. — февраль 1917 г.), буржуазно-демократический тип (март—октябрь 1917 г.), советский тип (1918—1991 гг.), либерально-бюрократический (с 1991 г.)¹. Каждой исторической эпохе было свойственно свое наполнение суверенитета: начиная от отождествления суверенитета с Великим князем вплоть до наречения «рабочего населения страны» единственным источником власти и суверенитета (по п. 10 Конституции РСФСР 1918 г.)².

Переломным моментом для российского суверенитета стали события 1990—1991 гг. Принятая I Съездом народных депутатов РСФСР Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 декабря 1990 г. определила правовые основы перехода советского суверенитета в постсоветский³.

Переход характеризовался политической, экономической, правовой нестабильностью, упадком аспектов существования государства, а также острой борьбой за власть. Обстановка образовала сложный историко-правовой базис для принятия Конституции 1993 г. Победа Б.Н. Ельцина в борьбе за принятие Конституции определила господство либерального и западно-ориентированного направления развития государственности и формирование президентско-ориентированной Конституции. Это не могло обеспечить согласование интересов групп населения, а также учесть сложный исторический путь российской государственности.

Перенятие «западных» ценностей, интеграция в западно-либеральный мир, в т.ч. посредством отчуждения советских

идеалов и советского прошлого, — ретроспектива конституционного развития. На этом была сформирована Конституция многонационального российского народа.

Суверенитет нормативное закрепление принял в ст. 3, 4, 5, 67, 79 Конституции Российской Федерации со следующей характеристикой: верховенство и единство государственной власти и суверенитета России, независимость в международных отношениях, полнота ветвей власти. Многонациональный народ России был наречен единственным источником и носителем суверенитета, что подтверждает указанные теоретические суждения.

Принятие российской Конституции, по мнению И.К. Советова, означало важный переход государственного строительства, который производился посредством принятия «рамочного» документа, обеспечивающего стабильность и компромиссность, предотвращающего дальнейший раскол общества и государства⁴. Правоведы отмечают, что «имитационно-подражательский» характер не прижился в России, попытка установить конституционную модель без учёта специфики региона провалилась; обострилась мысль о «вторичности» и «утрате идентичности», что повлекло изменение курса и поиск своих идеалов⁵.

Непростым был и вопрос о суверенитете республик в составе Российской Федерации. С.А. Авакьян обращает внимание, что ряд республик как субъектов Российской Федерации претендовал на обладание государственным суверенитетом, международной правосубъектностью наравне с Российской Федерацией⁶. Это негативно сказывалось на общем климате в государстве и поощряло сепаратизм в субъектах Российской Федерации, подрывало суверенную природу государства.

В 2000 г. Конституционный Суд Рос-

¹ Бредихин А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен : монография. Москва: ИНФРА-М, 2020. С. 79—89.

² Дорогин В.А. Суверенитет в советском государственном праве. М., 1948. С. 55—56.

³ Декларация о государственном суверенитете (принята Первым Съездом народных депутатов РСФСР 12.06.1990) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. С. 22.

⁴ Советов И.К. Конституция России: достижения, противоречия, перспективы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 1. С. 345.

⁵ Крастев И., Холмс С. Имитация и ее отрицание // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 12.

⁶ Авакьян С.А. Указ. соч. Том 1. С. 370.

сийской Федерации окончательно поставил точку в этом вопросе своим Постановлением: Конституция Российской Федерации допускает единственным источником суверенитета и власти многонациональный народ России; недопустимо признание государственного суверенитета за кем-то, кроме Российской Федерации в силу невозможности существования двух уровней суверенных властей, в т.ч. у любых субъектов Российской Федерации¹.

Дальнейшая модернизация обостряла новые проблемы Конституции, в т.ч. и по вопросам суверенитета, что влекло соответствующие изменения конституционного акта. По мнению М.И. Клеандрова, изменения 2008 г., 2014 г. запустили реформирование, но было оно скорее корректировочным, чем фундаментальным².

Значимым моментом в определении содержания государственного суверенитета стал 2015 г., когда Конституционный Суд Российской Федерации высказался о том, что Россия как член мирового сообщества заключает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передает им часть своих полномочий, что не означает отказ от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, характеризующим ее конституционно-правовой статус³.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

² Клеандров М.И. России нужна новая Конституция // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Том 7. № 4 (28). С. 142—143.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах

Далее были приняты конституционные поправки 2020 г. Была проведена попытка откорректировать и дополнить юридический смысл закона, наполнить новыми идеями систему через множество идеологических посылов, параллельно компенсируя губительную для суверенитета 13-ю статью о запрете установления государственной идеологии (де-факто ограничивающую государство в консолидации и «взращивании» общества). Поправки сделали существенный шаг к оформлению национальной идеи, из которой и должна будет выйти государственная идеология. При этом Заключением Конституционного Суда Российской Федерации указано, что данные поправки не устанавливают идеологию, поскольку не политичны, надпартийны, внеконфессиональны⁴.

Формируемый взгляд на суверенизацию Конституции оформляет российскую государственность, придает народу единое миропонимание и позволяет избежать качественных актов десоверенизации, как изначальное установление верховенства международного права над национальным (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации). Из-за этого отечественному законодателю пришлось в т.ч. прибегнуть к изменениям 2020 г., в которых уточнялось

Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

⁴ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации».

конституционное верховенство над положениями международных договоров. Конечно, адаптация Конституции — это проявление суверенитета, но при этом была нарушена последовательность изложения Конституции в правовых блоках.

Поправки 2020 г. отразили суверенную составляющую российского общества: они сформированы не на «западных» шаблонах, которые поставили Россию в число «копирующих» конституционные ценности Запада, что ограничивало суверенитет, а на своих идеях, сформированных под анализом действительности и с учётом «исторической преемственности»; во-вторых, такие культурные основы позволили балансировать между различными культурно-идеологическими устремлениями населения России, т.е. достигается консолидация в обществе.

Компромиссный характер Конституции в полной мере сумел обеспечить плавный переход общественно-государственного менталитета в российский. Внесённые поправки 2020 г. подтверждают постепенное переосмысление положений действующей Конституции, а попытки внести дополнения зачастую направлены на исправление уже вложенного или свидетельствуют о постепенном исчерпании правового потенциала. Также об этом может свидетельствовать активизация деятельности Конституционного Суда, который в своих решениях нацелился на созидание новых идей и дополнение прежних смыслов¹. Обострение международных конфликтов, попытка организовать изоляцию России соответствующим образом формирует желание обеспечить государственный суверенитет, прежде всего через призму Конституции².

Ученые, оценивая принятые конституционные поправки и, в частности, вопросы

развития государственного суверенитета, отмечают укрепление суверенности Российской Федерации, автономизацию юрисдикции государства и повышение роли России в мировой политической системе³.

Н.С. Бондарь замечает, что наблюдается укрепление ценности суверенитета конституционализма как основоположника конституционной идентичности⁴. А.Н. Писарев по этому поводу писал, что Конституция — это не только нормативный правовой акт, но ещё и универсальный документ, содержащий в себе исторический контекст и преемственность развития российской государственности⁵.

Всё указанное говорит о преобразованиях нарастающего характера. Они должны затронуть юридическое оформление национальной идеи, укрепление суверенитета и его юридизацию.

По мере укрепления российского государства было осознано, что «европейские конституционные шаблоны» для Отечества, у которого «особый путь», неприемлемы. Запрет государственной идеологии обрезал возможность следования этому пути, законодательно уничтожил смысл существования государства, приравняв его природу к примитивному «гедонизму» и организации «удовлетворения потребностей» здесь и сейчас.

Однако государство не может существовать только в настоящем, у него есть прошлое и будущее, последнее зависит от движения в настоящем и осознания прошлого, поэтому ему должно уделяться особое значение. Имперское и советское

³ Бредихин А.Л., Проценко Е.Д. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2020. №11. С. 21—23.

⁴ Бондарь Н.С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 25—29.

⁵ Писарев А.Н. Конституция как гарант сохранения преемственности развития отечественной государственности и общенациональных ценностей, определяющих конституционную идентичность России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 2. С. 47.

¹ Бондарь Н.С., Баринов Э.Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 3.

² Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2020. № 7 (8061).

государство как элементы российского государственно-правового развития обладали целью существования: в первом случае это идеи защиты православия, самодержавия и народности, панславизм; во втором случае это построение социализма и коммунизма.

При этом запрет государственной идеологии нельзя однозначно рассматривать негативно: постсоветское государство нуждалось не в формировании советского мировоззрения и мышления, не возрождении Империи, а в чем-то, соответствующем реальным запросам времени. Распавшаяся «советская» национальная идентичность не содержала в себе «русской», для формирования которой также должно было пройти время. В этом ключе решительным шагом стало наименование русского народа «государствообразующим», поскольку русская нация составляет почти 80 %¹, являясь ядром российской идентичности. При этом поправками 2020 г. было не только подчеркнуто значение русского народа, но и закреплена защита самобытности и культуры всех народов России. Это крайне важно для отечественного суверенитета: невозможно выразить народную идею и отобразить суверенитет вне национального большинства; «общероссийская культурная идентичность» базируется на русском народе и его идентичности. Но вместе с этим ст. 3 Конституции определяет, что носителем суверенитета и единственным источником власти является многонациональный народ.

Национальная идея представляет не только единый концепт существования народов России, но и является воплощением национального суверенитета, призванного обеспечиваться государственным. Положения поправок 2020 г. об исторической памяти, государствообразующем народе, государственном и культурном правопреемстве, а также Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее

— Стратегия безопасности) направлены на укрепление суверенитета и как следствие защиту национальной безопасности, культурных, семейных ценностей и пр. ценностей.

Из анализа документов видно, что в настоящее время основным идеологически ориентированным актом, защищающим суверенитет России, является Стратегия безопасности: «Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности» (п. 2). Представляется, что столь важные положения, отражающие реальную безопасность государства, должны отражаться непосредственно в конституционном акте.

Документ делает опору на направления обеспечения национальной безопасности, которые защищают субсуверенитеты России: социальный (народный), духовно-нравственный (культурный), международно-стратегический, военный (оборонительный), государственно-общественный, экономический, научно-технологический, информационный, экологический.

Народ в п. 28 Стратегии безопасности (вслед за Конституцией Российской Федерации) называется носителем суверенитета и главным достоянием России, поэтому документ ставит его на первое место с точки зрения защиты государством. Без населения России невозможно не только обеспечить иные суверенитеты, но и сохранить государственный суверенитет.

В.Д. Зорькин подчеркивает, что суверенитет Российской Федерации как правовой принцип реализуется внутри и во вне страны через социальную и экономическую сферы, в целях обеспечения достойной жизни россиян².

В рамках защиты *социального суверенитета* государство выделяет: защиту семьи, отцовства и материнства, качества жизни граждан, повышение уровня демо-

¹ Национальный состав России 2022 (перепись 2010) // <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii> (дата обращения 01.01.2023)

² Зорькин В.Д. Десять лекций о праве : монография. М.: Норма, 2021. С. 398.

графии. Конституционными поправками 2020 г. законодатель ввёл положения, касающиеся населения в области образования, здравоохранения, социального обеспечения.

Народный суверенитет, будучи телом, не может существовать без души, *культурного суверенитета*, который призван защитить по п. 85 Стратегии безопасности: моральные, культурные, религиозные, семейные ценности. Традиционными ценностями российского общества Стратегия безопасности называет: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России».

Однако Конституция до 2020 г. не содержала в своем тексте закрепление многих традиционных ценностей, на основе которых должна строиться политико-правовая реальность: патриотизм, государственная и народная преемственность, крепкая семья (как союз мужчины и женщины), историческая память. Часть из этих ценностей, которые не менее важны, а с точки зрения государственного строительства обязательны, до сих пор отсутствуют в конституционном тексте, хотя перечислены в Стратегии безопасности: служение Отечеству, ответственность за его судьбу, безопасность государства, а также его ценность как гаранта сохранения народного суверенитета. При этом сам Конституционный Суд отмечает, что государственный суверенитет является самостоятельной ценностью¹.

Как отмечает О.Ф. Шабров, идентич-

ность нации поддерживается «культурной матрицей», вбирающей в себя общую ценностную ориентацию, идеологические воззрения и образы желаемого будущего; в противовес ставит ослабление чувства национально-государственной идентичности, атомизации (как это было при распаде советской идентичности)².

Конституция, Стратегия безопасности и Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» отмечают, что необходимо содействовать взаимному пониманию, терпимости и уважению в вопросах, касающихся веры. Законодатель, вводя в текст Конституции поправками 2020 г. слова об «идеалах и вере в Бога», указывает не только на фундаментальный статус и незыблемое положение для народов России религиозных институтов, но и на особый государственно-религиозный формат отношений, что необходимо для сохранения суверенитета.

Защита традиционных ценностей необходима для укрепления единства народов России, в этом проявляется взаимосвязь народного и культурного суверенитетов, что важно в условиях роста русофобии в мире. По мере укрепления этих типов суверенитета наблюдаются рост национального самосознания и попытка защитить русское население как самим населением (напр., ДНР и ЛНР), так и Российской Федерацией в ходе проведения специальной военной операции³.

В результате указанного, как верно отметил В.Д. Зорькин, российская действительность столкнулась с беспрецедентной гибридной войной со стороны «эксклюзивных тоталитарных демократий» во главе с США; это противостояние не только экономико-политическое, но имеет и правовой окрас, выраженный в догматическом неприятии западными

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

² Шабров О.Ф. Культурная политика и национально-государственный суверенитет // Власть. 2020. № 6. С. 296.

³ Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/bye-date/24.02.2022> (дата обращения: 10.10.2022).

странами различия в понимании права как подлинной сущности объективной реальности и закона как нормативного закрепления, отхода от вырабатываемых веками принципов, а также ряда посягательств на суверенитеты иных государств¹.

Поэтому защита *международно-стратегического суверенитета* представляется фундаментальной с точки зрения закрепления России как цивилизационного центра мира. Стратегия безопасности в п. 95—101 устанавливает, что Россия противостоит расшатыванию международных принципов и норм права, укрепляет международную безопасность на основе многополярности, противодействует попыткам фальсификации истории, терроризму, экстремизму, содействует культурному, политическому и экономическому равноправию, но прежде всего обеспечивает свой суверенитет. Поправками 2020 г. в рамках защиты международно-стратегического суверенитета было затронуто: правовая преемственность с СССР, защита соотечественников за рубежом и их поддержка; была добавлена ст. 79.1, декларирующая меры России на поддержание и укрепление международного мира и безопасности.

Оборонительный суверенитет призван обеспечить целостность, неприкосновенность Российской Федерации, создать условия для мирного развития. Стратегия безопасности ставит военно-промышленный потенциал одной из ключевых задач по сохранению российского суверенитета от глобальных и региональных центров силы, сражающихся за сферы влияния, в т.ч. и на территориях, исконно подпадающих под стратегические интересы Российской Федерации. В частности, военный суверенитет России, должен быть готов к современной войне, характеризующейся: локализацией, укреплением региональных центров силы, усилением национального и религиозного экстремизма, активизацией сепаратизма, распространением оружия массового поражения, активным использованием информационных

средств борьбы².

Государственно-общественный суверенитет обладает двойкой характеристикой: мы говорим, что государство, проявляя свой суверенитет, обладает верховенством по отношению к населению, но через это реализует свои полномочия. Основными задачами государственно-общественного суверенитета, как указано в п. 46 Стратегии безопасности, являются: защита конституционного строя, суверенитета (независимость, целостность), прав и свобод граждан, укрепление законности, противодействие коррупции, терроризму, экстремизму и иной преступной деятельности. Несмотря на достаточно широкий перечень задач в п. 47 Стратегии, Конституция содержит лишь абстрактное наполнение этого типа суверенитета в рамках первых двух глав, что также не затронуто поправками 2020 г. При этом государственно-общественный суверенитет обладает рядом правовых вопросов.

Например, система властных взаимодействий между органами публичной власти. Установленные субъекты осуществления государственной власти в ст. 11 Конституции (Президент, Федеральное собрание, Правительство и суды), должны представлять каждая отдельную и самостоятельную ветвь, а не как это декларировано в ст. 10 — законодательную исполнительную, судебную. Российскому обществу свойственен архетип «сильного лидера», поэтому тяготение к президентской республике естественно для государственного строительства. Де-факто Президент играет существенную роль, представляет из себя целую ветвь власти, которая сохраняет баланс между прочими. Вместе с этим Президент, являясь гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина, является гарантом суверенитета России, что также отсутствует в конституционном акте.

Другой пример, как верно заметила И.А. Умнова-Конюхова, это выведенные из сферы федерально-конституционного

¹ Зорькин В.Д. Право России: альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=92> (дата обращения: 10.10.2022)

² Бабурин С.Н., Дзлиев М.И., Урсул А.Д. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты : монография. М.: Магистр : ИНФРА-М, 2018. С. 57.

регулирующие вопросы гражданства, обороны, безопасности, государственных границ, что существенно вредит обеспечению суверенитета страны¹.

Суверенитет Российской Федерации в информационном пространстве обеспечивается через: создание защищенной информационной инфраструктуры, расширение доступности достоверной информации, пресечение информационных преступлений, противодействие распространению запрещенных материалов через информационные ресурсы, развитие технологий в данной сфере (п. 57 Стратегии безопасности). Несмотря на то, что сфера информационных отношений стремительно развивается, Конституция не содержит никаких положений о важности обеспечения не только «информационного суверенитета» от посягательств иных государств, но и защите прав и свобод граждан в условиях фиксации всей жизни человека, изменении условий контроля и регулирования человека и общества со стороны государства и частно-корпоративных организаций.

Не меньшего внимания заслуживает *киберсуверенитет* как продолжение информационного. Он связан с обеспечением независимого определения правовых рамок Сети Российской Федерацией как исключительного права в выборе концепции развития Интернета внутри своих границ. В частности, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг. закрепляется это суверенное право на регулирование информационного пространства в пределах государства². Но, как отмечает Э.В. Талапина, этот суверенитет укрепляется через свободную блокировку Интернет-ресурсов, нарушающих законодательство Российской Федерации, хранение и обработку информации о пользователях и их

деятельности в Сети и пр.³

В условиях санкционного режима в отношении России, неустойчивости международной финансовой системы, политизации экономических отношений ещё большое значение приобретает *экономический суверенитет*. Государственный суверенитет, как подчеркивает Конституционный Суд, предполагает возможность определять внутреннюю экономическую политику и позиционирование страны в мировом экономическом пространстве⁴.

Стратегия национальной безопасности указывает, что для обеспечения суверенитета Россия опирается на внутренний потенциал, сохраняя открытость для взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, обеспечивает устойчивость экономики, стимулирует её модернизацию, преодолевает зависимость от импорта зарубежных технологий, формирует самостоятельную финансово-банковскую систему и пр. (п. 64, 65, 67).

В современных реалиях *научно-технологический суверенитет* — ключевой индикатор конкурентоспособности, позволяющий обеспечивать прочие суверенитеты, сохранять независимость (прежде всего от импортных технологий), а также повышать уровень жизни граждан. В п. 74 указывается на обязательное государственное стимулирование научно-технической и инновационной деятельности, но вместе с этим Конституция даже после поправок 2020 г. не имеет положений о стимулировании и обеспечении достойного финансирования научной отрасли, что тормозит потенциал данной сферы. Например, добившийся существенных научных достижений СССР в Конституции 1977 г. закреплял следующие положения: наука должна быть передовой, развиваю-

¹ Умнова-Конюхова, И.А. Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии : монография. М.: РУСАЙНС, 2021. С. 281.

² Талапина Э.В. Государственный суверенитет в информационном пространстве: новые задачи права // Государство и право. 2018. № 5. С. 66—67.

³ Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы».

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации - Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации».

щейся и обеспечивающей качественный рост различных сфер жизни общества. КНР, ставшая передовой экономикой, в своем конституционном акте закрепляет: государство обеспечивает распространение, развитие, популяризацию науки, любовь к науке как духовную ценность нации. Эти примеры показывают, что научно-технологический суверенитет является такой же ценностью населения, которую надо поддерживать во благо будущих поколений.

Экологический суверенитет России обостряется на фоне усиления напряженности между государствами в борьбе за природные ресурсы. Цели защиты этого суверенитета: обеспечение качества окружающей среды, сохранение природной среды, качественное природопользование на благо государства и её населения. Также указывается, что повышается эффективность стратегического управления развитием России и государственным регулированием экономики, а в п. 81 Стратегии безопасности, что Российская Федерация рассматривает свою территорию (ландшафт, биологическое разнообразие и т.д.) в качестве национального достояния. В связи с этим необходимо пересмотреть ч. 2 ст. 9 Конституции Российской Федерации, исключив из неё положения о возможности нахождения земли и других природных ресурсов в какой-либо иной собственности, кроме государственной. Основой жизни и деятельности народов может быть только общий ресурс, принадлежащий населению в лице государства.

Действительность развития государств позволяет рассуждать о суверенитете как о динамичном свойстве, обуславливающем функционирование государства и его зависимость от иных субъектов. В таком ключе можно говорить и об его ограничении. Однако оно не может быть связано с установлением ограничений на его носителя, т.к. проявление воли такого субъекта по отторжению, ограничению своих прав – само по себе проявление суверенитета; но вместе с тем следует констатировать, что суверенитет может ограничиваться под воздействием превосходящих сил извне. При этом экономическая, военная и иная зави-

симость государств вынуждает, руководствуясь целесообразностью, выбирать, какой из субсуверенитетов защищать особенно (в т.ч. с уступками в остальных). Примером может служить размещение войск США в государствах членах НАТО, которые, теряя военный суверенитет, сохраняют экономический (посредством сохранения средств на невоенные цели). В этом ключе необходимо рассматривать суверенитет как структурное явление.

Десуверенизация может быть вызвана внешними и внутренними факторами. В первом случае иностранное государство политическими, экономическими, военными средствами подчиняет себе волю иного государства для удовлетворения собственных потребностей. Во втором случае внутренние силы (кланы, мафия и пр.), исходя из собственного интереса, присваивают государственную власть, как следствие теряется государственный суверенитет, проистекающий от народного. Итогом в первом и во втором случае является неудовлетворение широкого перечня потребностей населения, снижение безопасности. Именно поэтому крайне важно расценивать суверенитет как ценность, защита которой важна для населения и государства.

Конституционные поправки 2020 г. и Стратегия безопасности стали содержательным прототипом конституционной модернизации, направленной на защиту суверенитета. Меняющиеся общественно-политические отношения свидетельствуют о качественно меняющемся пространстве, в т.ч. затрагивая вопросы права и российского суверенитета. Сами конституционные поправки обошли стороной или затронули вскользь те сферы жизнеобеспечения государства, которые сформированы Стратегией безопасности. При этом, по замечанию С.Н. Бабурина, Стратегия содержит в себе излишнюю декларированность без последующих нормативных изменений, что не может претендовать на основополагающее значение при защите суверенитета¹.

¹ Бабурин С.Н., Дзалиев М.И., Урсул А.Д. Указ. соч. С. 76.

Подводя итог, следует указать, что конституционные изменения 2008, 2014 и 2020 гг. позволяют отчетливо определить их качественно нарастающий характер, а меняющаяся аксиологическая реальность, рост самооценности государства и его суверенитета вместе с отсутствием детальной правовой регламентации, позволяют сделать вывод об ожидаемых глобальных изменениях (в том числе принятии новой, ориентированной на суверенитет Конституции Российской Федерации).

Нашему конституционному строительству свойственна «этапность», предполагающая формирование Конституции как ответа на актуальные средовые факторы в мире. Поэтому все обозначенные новеллы были призваны своевременно обезопасить Россию через защиту её суверенитетов. По изложенным в работе причинам считается, что для защиты суверенитета российского государства необходимо продолжить начатый процесс правовой суверенизации государства.

Библиография

1. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие: в 2 томах. — 7-е изд., перераб. и доп. / С.А. Авакьян. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 936 с.
2. Бабурин, С.Н. Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты: монография / С.Н. Бабурин, М.И. Дзлиев, А.Д. Урсул. — Москва: Магистр: ИНФРА-М, 2018.
3. Бондарь, Н.С. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия / Н.С. Бондарь, Э.Э. Баринов // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 2. — С. 3—10.
4. Бондарь, Н.С. Предмет конституционного права в контексте практики конституционного правосудия: стабильность и динамизм // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 10. — С. 24—35.
5. Бредихин, А.Л. Государственный

суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. / А.Л. Бредихин, Е.Д. Проценко // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 11. — С. 21—23.

6. Бредихин, А.Л. Суверенитет как политико-правовой феномен: монография / А.Л. Бредихин. — Москва: ИНФРА-М, 2020. — 128 с.

7. Дорогин, В.А. Суверенитет в советском государственном праве / В.А. Дорогин. — М., 1948. — 208 с.

8. Зорькин В.Д. Десять лекций о праве: монография / В.Д. Зорькин. — Москва: Норма, 2021. — 400 с.

9. Клеандров, М.И. России нужна новая Конституция / М.И. Клеандров // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2021. — Том 7. — № 4 (28). — С. 139—151.

10. Крастев, И. Имитация и ее отрицание / И. Крастев, С. Холмс // Сравнительное конституционное обозрение. — 2019. — № 1. — С. 11—20.

11. Писарев, А.Н. Конституция как гарант сохранения преемственности развития отечественной государственности и общенациональных ценностей, определяющих конституционную идентичность России / А.Н. Писарев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2022. — № 2. — С. 42—50.

12. Советов, И.К. Конституция России: достижения, противоречия, перспективы / И.К. Советов // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — № 1. — С. 344—347.

13. Талапина, Э.В. Государственный суверенитет в информационном пространстве: новые задачи права / Э.В. Талапина // Государство и право. — 2018. — № 5. — С. 60—67.

14. Умнова-Конюхова, И.А. Конституционное футуристическое право и конституционная футурология в XXI столетии : монография / И.А. Умнова-Конюхова. — Москва: РУСАЙНС, 2021. — 286 с.

15. Шабров О.Ф. Культурная политика и национально-государственный суверенитет / О.Ф. Шабров // Власть. — 2020. — № 6. — С. 295—299.

Теория и история военного права

Опыт деятельности военной прокуратуры в период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979—1989 годы)

© **Маликов Сергей Владимирович**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

© **Приставка Александр Федорович**,
полковник юстиции, заместитель начальника
управления кадров Главной военной
прокуратуры

© **Сливков Антон Сергеевич**,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий 25 кафедрой Военного университета

Аннотация. В статье на основе анализа данных о взаимодействии СССР с Демократической Республикой Афганистан, а также правовых основ деятельности органов военной прокуратуры в период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979—1989 годы) предлагается рассмотреть формы организации работы и основные направления деятельности военных прокуратор того периода.

Ключевые слова: органы военной прокуратуры, прокурорский надзор, военные прокуроры, прокурорско-следственные работники, преступление, ограниченный контингент советских войск в Афганистане, ввод советских войск, военная служба, боевые действия.

Experience of Military Prosecutor's Office during the Limited Contingent of Soviet Forces in Afghanistan (1979—1989)

© **Malikov S.V.**,
doctor of law, professor, Honored Lawyer of the
Russian Federation

© **Prystavka A.F.**,
colonel of justice, deputy head of the Personnel
Department of the Chief Military Prosecutor's Office

© **Slivkov A.S.**,
candidate of law, academic title associate professor,
head of the 25 Department, Military University

Abstract. The article analyses data on interaction of the USSR with the Democratic Republic of Afghanistan and legal basis of military procurator's offices activity during the period of presence of the limited contingent of the Soviet troops in Afghanistan (1979—1989). Based on this analysis the authors propose to consider the forms of organization of work and the basic directions of activity of military prosecutor's offices of that period.

Keywords: military procurator's offices, procuratorial supervision, military prosecutors, prosecutors and investigators, crime, limited contingent of Soviet Forces in Afghanistan, introduction of Soviet troops, military service, combat operations.

Ограниченный контингент советских войск (ОКСВ) находился в Афганистане почти 10 лет — с 25 декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. Это стало наиболее длительным и масштабным присутствием и применением Вооруженных Сил СССР за рубежами нашей страны в послевоенной истории XX в. Ввод войск был призван стабилизировать обстановку в дружественной стране.

Вопрос о необходимости и правомочности ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. до сих пор вызывает споры среди политиков и историков. Вместе с тем по прошествии времени такой шаг руководства СССР, от которого оно максимально долго воздерживалось, все более представляется неизбежным и вынужденным¹.

Президент России В.В. Путин на встрече с ветеранами боевых действий в Афганистане 15 февраля 2015 г. отмечал: «Сейчас, когда годы проходят и когда становятся известными всё больше фактов, мы понимаем лучше и лучше, что послужило тогда поводом и причиной для ввода советских войск в Афганистан. Конечно, ошибок было очень много, но были и реальные угрозы, которые в то время советское руководство пыталось купировать вводом войск в Афганистан»².

5 декабря 1978 г. между Союзом Советских Социалистических Республик и Демократической Республикой Афганистан (ДРА) был заключен Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве³.

¹ Богданов В.А. Афганская война: Воспоминания. М.: Советский писатель, 2005. С. 45; Путин: Мы все лучше понимаем, что послужило причиной для ввода войск в Афганистан // Взгляд. 2015. 15 фев.

² Встреча с представителями ветеранских организаций. Президент России // Официальный сайт Президента Российской Федерации: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47690>.

³ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Демократической Республикой Афганистан (Москва, 5 декабря 1978 г.): ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР 20 апреля 1979 г., Революционным советом Демократической Республики Афганистан 17 марта 1979 г.: обмен ратификационными

Следует отметить, что взаимодействие РСФСР и СССР с Афганистаном в военной сфере к тому времени имело уже давнюю историю. Начало ему было положено сразу же после того, как в марте 1919 г. Правительство РСФСР первым признало независимость Афганистана. 24 июня 1931 г. в Кабуле был подписан советско-афганский Договор о нейтралитете и взаимном ненападении. На основе подписанного в августе 1956 г. советско-афганского соглашения о поставках Афганистану на льготных условиях различных видов вооружения и военной техники (ВВТ) Советский Союз в 60—70-х годах помог оптимизировать организационно-штатную структуру вооруженных сил Афганистана, укрепить военно-воздушные силы, создать противовоздушную оборону, качественно изменить бронетанковые части и подразделения, подготовить персонал для применения и обслуживания современных ВВТ. В стране постоянно работали советские военные советники, специалисты и переводчики⁴.

Статья 4 Договора 1978 г. о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве содержала положение, в соответствии с которым Высокие Договаривающиеся Стороны, действуя в духе традиций дружбы и добрососедства, а также Устава ООН, будут консультироваться и с согласия обеих Сторон предпринимать соответствующие меры в целях обеспечения безопасности, независимости и территориальной целостности обеих стран.

В интересах укрепления обороноспособности Высоких Договаривающихся Сторон они будут продолжать развивать сотрудничество в военной области на основе

грамматами произведен в Кабуле 27 мая 1979 г. / Ведомости Верховного Совета СССР. 27 июня 1979 г. № 26 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Слинкин М. Роковая ошибка или вынужденное решение? // URL: <https://энциклопедия.минобороны.пф/encyclopedia/history/more.htm?id=12270037@cmsArticle>.

заключаемых между ними соответствующих соглашений.

На основании указанной ст. 4 Договора руководство ДРА, начиная с 15 марта 1979 г., неоднократно обращалось к СССР с просьбой о вводе войск и оказании помощи в вооруженной борьбе с антиправительственной оппозицией, а также защите от внешнего вмешательства¹.

В условиях обострения афганского кризиса Политбюро ЦК КПСС 12 декабря 1979 г. приняло решение ввести советские войска в Афганистан «в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспреещения возможности антиафганских акций со стороны сопредельных государств».

Боевой и численный состав ОКСВ в Афганистане не был постоянным. К началу февраля 1980 г. на территории этой страны сосредоточились управление 40-й армии, три дивизии (две мотострелковые и одна воздушно-десантная), десантно-штурмовая бригада, два отдельных полка и другие части. В первой половине 1980 г. группировка советских войск была усилена еще одной мотострелковой дивизией (201-й) и двумя отдельными полками. Ее общая численность составила 81,8 тыс. человек (из которых военнослужащих 79,8 тыс.), в том числе в боевых частях Сухопутных войск и ВВС — 61,8 тыс. человек. Наибольшая численность ОКСВ (1985 г.) составляла 108,8 тыс. человек (военнослужащих — 106 тыс.), в том числе в боевых частях Сухопутных войск и ВВС — 73,6 тыс. человек².

Военную службу в Афганистане прошли около 620 тыс. офицеров, прапорщи-

ков, сержантов и солдат. В том числе в составе ОКСВ — 525,2 тыс., от погранвойск и других формирований КГБ СССР — около 90 тыс., от МВД СССР — около 5 тыс. человек. Из них 546 тыс. были непосредственными участниками боевых действий. Кроме того, на должностях рабочих и служащих в советских войсках находилось 21 тыс. человек. Общие безвозвратные советские потери в Афганистане составили 14 453 человека. При этом органы управления, соединения и части ОКСВ потеряли 13 833 человека.

Директивой Министра обороны СССР от 24 декабря 1979 г. устанавливалось, что советские войска на территории Афганистана расположатся гарнизонами и возьмут под охрану важные объекты. При этом их участие в военных действиях не предусматривалось³.

Однако уже 10—11 января 1980 г. несколько подразделений ОКСВ были привлечены к боевым действиям. В последующем боевые действия против антиправительственных формирований стали главным содержанием пребывания ОКСВ в Афганистане. ОКСВ и правительственным войскам Афганистана противостояли крупные силы афганской вооруженной оппозиции, общая численность которой в различные годы составляла от 47 до 173 тыс. человек. В 1980—1988 гг. соединения и части 40-й армии в Афганистане почти непрерывно вели активные боевые действия.

С учетом значительного количества войск советского контингента уже в январе 1980 г. Главной военной прокуратурой были сформированы, в основном за счет прокурорских работников военной прокуратуры Туркестанского военного округа (ТуркВО), военная прокуратура армии и четыре военные прокуратуры гарнизонов: войсковые части полевые почты 82724, 51017, 46373, 51014 и 70431. Эти прокуратуры дислоцировались в наиболее крупных гарнизонах ограниченного контингента: Кабульском

¹ В 1979 г. просьб о направлении в ДРА различных контингентов советских войск, переданных через советских представителей в Кабуле, было около двадцати. См.: Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 125—126.

² Слинкин М. Ограниченный контингент советских войск // URL: <https://энциклопедия.минобороны.пф/encyclopedia/history/more.htm?id=11901960@cmsArticle>.

³ Там же.

(штаб 40-й армии), Баграмском, Кандагарском, Шиндандском и Пули-Хумрийском.

В дальнейшем, с учетом численности ограниченного контингента советских войск в ДРА и служебной нагрузки, были созданы еще пять военных прокуратур гарнизонов: войсковые части полевые почты 48802, 68551, 51431, 21772 и 25856, дислоцированные в Кабульском, Гардезском, Джалалабадском, Кундузском и Хайратонском гарнизонах¹.

Организация работы военных прокуратур во время нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане в отличие от периода Великой Отечественной войны основывалась на формировании постоянно дислоцированных военных прокуратур гарнизонов в непосредственном контакте с поднадзорными войсками.

Штаты военных прокуратур составляли: военной прокуратуры 40-й армии в г. Кабуле — 8 офицеров, 1 переводчик, 1 водитель и 2 служащих; 9 военных прокуратур гарнизонов в городах Кабул, Джелалабад, Гардез, Хайратон, Шинданд, Кандагар, Пули-Хумри, Баграм и Кундуз — 2—12 офицеров, 1 переводчик, 1—2 водителей, 2—5 служащих. Итого 60—64 человек прокурорско-следственного состава, 10—11 переводчиков, 15 водителей, 28 служащих (технический персонал).

Такая форма организации работы военной прокуратуры обусловлена была следующими факторами:

- нахождением группировки за пределами своего государства;
- территориальным размещением частей 40-й армии²;

- решаемыми боевыми задачами;
- значительностью этого контингента (до 108,8 тыс. чел. в 1985 г.);
- продолжительностью всей кампании (1979 г. по 1989 г.).

Девять военных прокуратур гарнизонов располагались в пунктах базирования крупных соединений Сухопутных войск. Общее руководство осуществлялось военной прокуратурой 40-й армии, находящейся в Кабуле. Все они входили в состав военной прокуратуры Туркестанского военного округа, дислоцированной в Ташкенте.

Организовывать работу и инспектировать подчинённые военные прокуратуры регулярно прилетал прокурор Туркестанского военного округа. За девять лет в этой должности последовательно были генерал-майоры юстиции Иван Игнатьевич Лебедь, Владимир Анисимович Макарченко и Анатолий Фёдорович Шатохин, которые профессионально оценивали возникающие у прокуроров гарнизонов проблемы и оказывали организационно-методическую помощь в их решении³.

Генерал-майор юстиции И.И. Лебедь, возглавлявший прокуратуру Туркестанского военного округа в период с 1978 по 1985 г., впоследствии вспоминал: «Условия для прокурорско-следственной работы были очень сложными, так как все приходилось начинать, как говорится, с чистого листа — от организации размещения прокуратур в полевых условиях, обеспечения жильем и бытового обустройства до охраны и обороны. К тому же, как говорится, «на войне, как на войне» — боевые действия, постоянные обстрелы, потери... Все эти вопросы, а также комплектование военных прокуратур оперативным составом. Главный военный прокурор генерал-полковник юстиции Горный А.Г. с самых первых дней взял на личный контроль, что позволило в кратчайший

¹ Приставка А.Ф. Работа военных прокуроров во время военного конфликта на территории Демократической Республики Афганистан в 1979—1989 годах // Ведомости Главной военной прокуратуры. 2021 (37). С. 39.

² Части 40-й армии размещались более чем в 200 больших и малых гарнизонах, на 534 сторожевых постах и 424 боевых постах, в 65 гарнизонах насосных станций. Более 30 % сил 40-й армии было задействовано для охраны коммуникаций и 40 % —

для охраны режимных зон // Архив ПУ ТуркВО. 1989. Д. 89. Т. 1.

³ Триполев И.М. Боевой опыт не забывается // Красная Звезда. 2014. 15 фев.

срок укомплектовать их лучшими прокурорско-следственными работниками»¹.

Главный военный прокурор генерал-полковник юстиции Артём Григорьевич Горный — фронтовик, участвовавший в Великой Отечественной войне в качестве военного следователя и прокурора, неоднократно вылетал в служебные командировки в ДРА и посещал дислоцированные там военные прокуратуры. Он всегда с глубоким пониманием относился к условиям службы и быта военных юристов в боевых условиях. Дважды посетил подчинённые прокуратуры сменивший его на этом посту генерал-лейтенант юстиции Борис Сергеевич Попов.

Прокурорско-следственные работники проходили службу в ДРА сроком до двух лет. После формирования и укомплектования военных прокуратур они работали в обычном режиме с учетом специфики, обусловленной ведением боевых действий и пребыванием за границей.

Военные прокуроры гарнизонных военных прокуратур 40-й армии были действительно прокурорами переднего края. Их имена уже стали достоянием истории:

— 152-я военная прокуратура армии — Малевич А.И., Смирнов Н.И., Мануйко Г.Л., Степанюк С.И., Яременко В.Г.;

— военная прокуратура Баграмского гарнизона — Шкода Л.К., Матвеев В.К., Поляков Н.К., Костылев А.Г.;

— военная прокуратура Гардезского гарнизона — Коваленко А.Т., Устинов О.В.;

— военная прокуратура Джалалабадского гарнизона — Токарев Ю.А., Дмитриев А.Я.;

— военная прокуратура Кабульского гарнизона — Бабик А.М., Суровский А.П., Астапов К.Г., Голубцов Л.Т.;

— военная прокуратура Кандагарского гарнизона — Онуфриев В.Ф., Селезнёв Н.Ф., Аржанов Н.П.;

— военная прокуратура Кундузского гарнизона — Ким А.П., Свиридов В.В., Волнянский С.П.;

— военная прокуратура Пули-Хумрийского гарнизона — Кучеренко Г.И., Ярошенко В.П., Дементьев И.Н., Круглов К.И., Ушенин В.Л.;

— военная прокуратура Хайратонского гарнизона — Кириллов В.А., Галлямов О.Р.;

— военная прокуратура Шиндандского гарнизона — Шакарьян Л.В., Игнатов Б.Н., Фаин В.Я., Завьялов И.П., Жужома А.Н., Казак В.Н.²

Всего в течение девяти лет и двух месяцев нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане на постоянной основе там прошли военную службу свыше 220 военных прокуроров и следователей, не считая прокурорских работников, которые прибывали в краткосрочные командировки из СССР.

В период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979—1989 годы) правовые основы деятельности органов военной прокуратуры составляли следующие нормативные правовые акты:

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.)³;

2. Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-Х «О прокуратуре СССР»⁴;

3. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утвер-

² Триполев И.М. Боевой опыт не забывается // Красная Звезда. 2014. 15 фев.

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07 октября 1977 г. / Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-Х «О прокуратуре СССР» / Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. № 49. Ст. 843 // СПС «Консультант Плюс».

¹ Бобреньев В.А. Прокуроры на войне. М., 2020. С. 401.

ждены Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»¹;

4. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления»²;

5. Уголовный кодекс РСФСР, утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 г.³;

6. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, утверждены Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик»⁴;

7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР»⁵;

8. Положение о военных трибуналах, утверждено Законом СССР от 25 декабря 1958 г.⁶;

9. Положение о военной прокуратуре, утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1966 г. № 558-VII⁷;

10. Положение о военной прокуратуре, утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1981 г. № 5403-X⁸;

11. Инструкция органам дознания Советской Армии и Военно-Морского Флота, утверждена Главным военным прокурором 24 октября 1977 г., введена в действие приказом Министра обороны СССР 1978 г. № 1⁹;

12. другие законодательные акты Союза ССР и союзных республик.

Статья 54 Конституции СССР 1977 г. устанавливала, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как на основании судебного решения или с санкции прокурора.

Глава 21 Конституции СССР 1977 г. (ст. 164—168), определявшая конституционно-правовые основы деятельности прокуратуры СССР, закрепляла следующие положения:

— высший надзор за точным и единообразным исполнением законов всеми министерствами, государственными комитетами и ведомствами, предприятиями, учреждениями и организациями, исполнитель-

¹ Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» / Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6, Ст.15 // СПС «Консультант Плюс».

² Закон СССР от 25.12.1958 «Об уголовной ответственности за воинские преступления» / Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 10 // СПС «Консультант Плюс».

³ Уголовный кодекс РСФСР : утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. / Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» / Ведомости Верховного Совета СССР.1959. № 1. Ст. 15 // СПС «Консультант Плюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» / Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592 // СПС «Консультант Плюс».

⁶ Положение о военных трибуналах: утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. / Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 14 / Ведомости

Верховного Совета СССР. 1980. № 27. Ст. 546 // СПС «Консультант Плюс».

⁷ Положение о военной прокуратуре: утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1966 г. № 558-VII / Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 50. Ст. 1021 // СПС «Консультант Плюс».

⁸ Положение о военной прокуратуре: утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1981 г. № 5403-X / Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 32. Ст. 956 // СПС «Консультант Плюс».

⁹ Инструкция органам дознания Советской Армии и Военно-Морского Флота: утв. Главным военным прокурором 24 октября 1977 г.: введена в действие приказом Министра обороны СССР 1978 г. № 1 / Справочник по законодательству для офицеров Советской Армии и Военно-Морского Флота. М.: Воениздат, 1988 // СПС «Консультант Плюс».

ными и распорядительными органами местных Советов народных депутатов, колхозами, кооперативными и иными общественными организациями, должностными лицами, а также гражданами возлагается на Генерального прокурора СССР и подчиненных ему прокуроров;

— органы прокуратуры осуществляют свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору СССР;

— организация и порядок деятельности органов прокуратуры определяются Законом о прокуратуре СССР.

Статья 2 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-Х «О прокуратуре СССР» в качестве задач прокуратуры СССР определяла охрану от всяких посягательств:

— укрепленного Конституцией СССР общественного строя СССР, его политической и экономической систем;

— социально-экономических, политических и личных прав и свобод граждан, провозглашенных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами;

— прав и законных интересов государственных предприятий, учреждений и организаций, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Основные направления деятельности прокуратуры СССР в соответствии со ст. 3 цитируемого Закона определялись:

— надзор за исполнением законов органами государственного управления, предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (общий надзор);

— надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия;

— надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах;

— надзор за соблюдением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом;

— борьба с нарушениями законов об охране социалистической собственности;

— борьба с преступностью и другими правонарушениями, расследование преступлений, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, обеспечение неотвратимости ответственности за преступление;

— разработка совместно с другими государственными органами мер предупреждения преступлений и иных правонарушений;

— координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями;

— участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов.

Положение о военной прокуратуре было утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 августа 1981 г. № 5403-Х (далее также — Положение о военной прокуратуре 1981 г.), то есть уже в период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

До этого момента военные прокуроры руководствовались Положением о военной прокуратуре, утвержденным Указом Президиума ВС СССР от 14 декабря 1966 г. № 558-VII в части, не противоречащей Закону СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-Х «О прокуратуре СССР».

Положение о военной прокуратуре 1981 г. определяло, что в соответствии с Конституцией СССР и Законом СССР «О прокуратуре СССР» высший надзор за точным и единообразным исполнением законов в Вооруженных Силах СССР возлагается на Генерального прокурора СССР и подчиненных ему военных прокуроров.

Деятельностью военной прокуратуры руководит Генеральный прокурор СССР как непосредственно, так и через Главного военного прокурора.

Военная прокуратура, осуществляя задачи, возложенные на прокуратуру СССР Законом СССР «О прокуратуре СССР», направляет свою деятельность на всемерное укрепление социалистической законности и

правопорядка в Вооруженных Силах СССР и охрану от всяких посягательств:

— безопасности СССР, боеспособности и боевой готовности его Вооруженных Сил, воинской дисциплины и установленного порядка несения воинской службы;

— прав и свобод военнослужащих, военных строителей и призванных на сборы военнообязанных, членов их семей, рабочих и служащих Вооруженных Сил СССР и других граждан;

— прав и законных интересов воинских частей, учреждений, военно-учебных заведений, предприятий и организаций Вооруженных Сил СССР.

Всей своей деятельностью военная прокуратура способствует воспитанию должностных лиц Вооруженных Сил СССР, всех военнослужащих и призванных на сборы военнообязанных в духе точного и неуклонного исполнения Конституции СССР, советских законов, военной присяги и воинских уставов, соблюдения правил социалистического общежития.

Основными направлениями деятельности военной прокуратуры определялись следующие (ст. 3 Положения):

— надзор за исполнением законов, воинских уставов и других актов военного законодательства всеми органами военного управления, воинскими частями, учреждениями, военно-учебными заведениями, предприятиями, организациями, командирами (начальниками) и другими должностными лицами Вооруженных Сил СССР, всеми военнослужащими и призванными на сборы военнообязанными, военными строителями и другими лицами, в отношении которых имеется специальное указание в законодательстве Союза ССР, а также рабочими и служащими Вооруженных Сил СССР при выполнении ими обязанностей по службе (общий надзор);

— надзор за исполнением законов органами дознания, действующими в Вооруженных Силах СССР, следователями военных прокуратур, а также органами дознания и следователями органов государственной

безопасности при расследовании ими дел, подсудных военным трибуналам;

— надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в военных трибуналах;

— надзор за соблюдением законов и воинских уставов на гауптвахтах, в других местах содержания задержанных и арестованных военнослужащих, военных строителей и в дисциплинарных частях, а также при исполнении в воинских частях наказаний, назначаемых военными трибуналами;

— борьба с преступностью, нарушениями законов об охране социалистической собственности и другими правонарушениями в Вооруженных Силах СССР. На военную прокуратуру возлагается производство предварительного следствия по уголовным делам, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, обеспечение неотвратимости ответственности за преступления, принятие мер к предупреждению правонарушений, выявлению и устранению их причин и способствующих им условий;

— участие в разработке командованием и политическими органами мер по укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений и иных правонарушений, в подготовке предложений о совершенствовании военного законодательства и пропаганде советских законов в Вооруженных Силах СССР.

Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления», Уголовный кодекс РСФСР, утвержденный Законом РСФСР от 27 октября 1960 г. (УК РСФСР 1960 г.)¹, действовавшие в период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане

¹ В рассматриваемый период времени уголовная ответственность за воинские преступления в СССР устанавливалась Законом СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за воинские преступления». Одновременно с утверждением указанного закона Президиум Верховного Совета СССР предписывал Президиумам Верховных Советов союзных республик внести положения этого закона в уголовные кодексы союзных республик.

(1979—1989 годы), предусматривали уголовную ответственность за совершение воинских преступлений в военное время и в боевой обстановке.

Основными направлениями деятельности органов военной прокуратуры в период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979—1989 годы) являлись:

— мероприятия по обеспечению правопорядка;

— борьба с преступностью в советских воинских частях и подразделениях;

— предупреждение правонарушений среди военнослужащих;

— обеспечение законности при проведении боевых операций;

— оказание помощи в становлении органам военной прокуратуры вооруженных сил Демократической Республики Афганистан¹.

К выполнению своих задач военная прокуратура приступила уже на этапе подготовки к вводу и непосредственно вводу ограниченного контингента советских войск в Афганистан.

Перед началом ввода ограниченного контингента советских войск помощником военного прокурора Туркестанского военного округа подполковником юстиции А.В. Порывкиным совместно с заместителем председателя военного трибунала Туркестанского военного округа в г. Термез (Узбекская ССР) проводились беседы с личным составом 40-й армии, которая преимущественно формировалась военнослужащими из Узбекской ССР и Таджикской ССР, владеющими языками народов Афганистана.

Порядок действий офицеров военной прокуратуры, предназначенных для ввода в Афганистан, согласовывался с командующим войсками Туркестанского военного округа генерал-полковником Ю.П. Максимовым.

¹ Военной прокуратуре 150 лет. М., 2017. С. 40; Фридинский С.Н. Военная прокуратура в России: 145 лет на службе Отечеству и Закону // Прокурор. 2012. № 4.

При выдвижении двух колонн советских войск в Афганистан в их составе следовали военные прокуроры:

— в составе первой колонны, вышедшей 25 декабря 1979 г. из г. Термез Узбекской ССР, следовал военный прокурор Термезского гарнизона майор юстиции Р.Э. Ибрагимов;

— в составе второй колонны, вышедшей 27 декабря 1979 г. из г. Кушка Туркменской ССР, — военный прокурор Кушкинского гарнизона майор юстиции А.А. Пахолков².

Главная военная прокуратура принимала активное участие в разработке основных положений международно-правовых актов, касающихся временного пребывания советских войск в Афганистане.

На основании Договора между правительством СССР и правительством ДРА об условиях временного пребывания советских войск на территории Демократической Республики Афганистан от 14 марта 1980 г. (ратифицированы законодательные органы Союза Советских Социалистических Республик и Демократической Республики Афганистан 5 апреля 1980 г.)³ в составе группы военных экспертов в ДРА находился начальник организационно-инспекторского отдела Главной военной прокуратуры генерал-майор юстиции В.П. Левицкий.

В период работы указанной группы военных экспертов были подготовлены, переведены на язык дари, согласованы с афганской стороной и подписаны 19 июня 1980 г. в г. Кабуле:

— Соглашение между Правительством СССР и Правительством ДРА об оказании взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием советских войск на территории ДРА;

² Приставка А.Ф. Работа военных прокуроров во время военного конфликта на территории Демократической Республики Афганистан в 1979-1989 годах // Ведомости Главной военной прокуратуры. 2021 (37). С. 38—39.

³ Международный ежегодник. Политика и экономика. М., 1981.

— Соглашение о порядке расчетов и условиях пользования советскими войсками, временно находящимися на территории ДРА, различного рода объектами и услугами, предоставляемыми афганской стороной;

— Соглашение об условиях использования средств государственной сети связи ДРА советскими войсками, временно находящимися на территории ДРА;

— Положение о деятельности Уполномоченных Правительства СССР и Правительства ДРА по делам временного пребывания советских войск в ДРА;

— Положение об использовании сил и средств ПВО советских войск, временно находящихся на территории ДРА, для действий по иностранным самолетам (летательным аппаратам) — нарушителям воздушного пространства ДРА;

— Протокол о пунктах и порядке пересечения советско-афганской государственной границы советскими воинскими частями, лицами, входящими в состав советских войск, временно находящихся на территории ДРА, и членами их семей, о способах контроля и перечне документов на право пересечения границы;

— Протокол о воинских перевозках по автомобильным, воздушным и водным путям сообщения ДРА для советских войск, временно находящихся на территории ДРА, включая порядок перевозок через границу ДРА;

— Правила о порядке полетов над территорией ДРА советской военной авиации при выполнении задач боевой подготовки и воздушных перевозок в интересах советских войск, временно находящихся в ДРА, а также о порядке перелетов из ДРА в СССР и обратно¹.

В рамках борьбы с преступностью в ограниченном контингенте советских войск военными прокуратурами производилось предварительное следствие по уголовным

делам, привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, обеспечивалась неотвратимость ответственности за преступления, принятие мер к предупреждению правонарушений, выявлению и устранению их причин и способствующих им условий.

Только за первый год работы пять военных прокуратур гарнизонов окончили следствие по 353 уголовным делам, из них в суд направлено 207, в том числе в месячный срок — 141.

За весь период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане (1979—1989) было зарегистрировано 7 241 преступление, совершенное военнослужащими².

К ноябрю 1989 г., когда Верховный Совет СССР объявил амнистию в отношении всех преступлений, совершенных советскими военнослужащими в Афганистане³, в местах лишения свободы находились более 420 бывших воинов-интернационалистов. Всего же, по данным военной прокуратуры, с декабря 1979 г. по февраль 1989 г. в составе 40-й армии в ДРА к уголовной ответственности были привлечены 4 307 человек.

В структуре судимости военных трибуналов, действовавших в составе войск в Афганистане, значительное место занимали преступления, связанные с нарушением правил обращения с оружием, утратой оружия и боеприпасов, нарушением уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, хищением государственного имущества и контрабандой⁴. Также военной прокуратурой расследовались преступле-

² Маликов С.В., Савенков А.Н. Руководство по военно-полевой криминалистике. М., 2011. С.499.

³ Постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 г. № 842-1 «Об амнистии совершивших преступления бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане» / Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 25. Ст. 492 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Григорьев О. В. Деятельность военных трибуналов в период ввода ограниченного контингента советских войск в Республику Афганистан // Общество и право. № 3 (45). 2013. С. 43.

¹ Докладная записка начальника организационно-инспекторского отдела Главной военной прокуратуры генерал-майора юстиции Левицкого В.П. // Архив ГВП. Наряд № 62.

ния, связанные с нарушением правил эксплуатации военной техники, преступления против порядка подчиненности, умышленные убийства, посягательства на личную собственность граждан ДРА, дезертирства; самовольные оставления части и некоторые другие.

В марте 1980 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Постановление «О предоставлении права применять нормы уголовного законодательства военного времени военным трибуналам, действующим в составе ограниченного контингента советских войск, находящихся на территории ДРА». Мотивировалось принятие такого решения тем обстоятельством, что ограниченный контингент советских войск, находящийся на территории ДРА, оказывая помощь афганскому правительству в отражении агрессии извне, выполняет боевые задачи, поэтому в интересах поддержания высокого уровня воинской дисциплины требуется более быстрое и строгое реагирование военно-судебных органов на преступные проявления со стороны отдельных советских военнослужащих, подрывающих боевую готовность и наносящих ущерб престижу советских войск среди афганских граждан¹.

Исходя из этого политического решения, Военная коллегия Верховного Суда СССР признала, например, правильной квалификацию преступных действий офицера Игнатенко, осужденного военным трибуналом ТуркВО по п. «в» ст. 260 УК РСФСР за превышение власти в боевой обстановке, повлекшее тяжкие последствия. Игнатенко, участвуя в боевой операции по ликвидации баз мятежников, обнаружил в одном из кишлаков оружие и боеприпасы, а также нескольких местных жителей. Полагая, что они являются мятежниками, Игнатенко, превышая предоставленную ему власть, приказал подчиненным военнослужащим расстрелять их, что и было ими исполнено. В 1980—1988 гг. имели место и другие слу-

чай осуждения военным трибуналом ТуркВО военнослужащих за преступления, совершенные в боевой обстановке на территории ДРА с применением данного квалифицирующего признака².

Условия политической и боевой обстановки требовали от военных прокуроров и следователей проведения в максимально сжатые сроки предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими в отношении местного населения.

В связи с этим сроки следствия по делам о разбое в отношении гражданского населения Афганистана составляли в среднем от 7 до 20 дней, после чего дело с обвинительным заключением передавалось в военный трибунал, а еще, максимум через неделю, происходило выездное, открытое судебное заседание военного трибунала, завершавшееся приговором, — примерно лет 10—12 лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима. Эффективность такого реагирования на преступления была реально очень высока, и во многом благодаря этому широкого распространения преступления против местного населения среди советских военнослужащих не получили³.

В целях укрепления законности и правопорядка, предупреждения преступлений и иных правонарушений военными прокурорами и следователями с военнослужащими проводилась правовая работа в каждой роте, батарее, батальоне, а при необходимости — даже во время боевых операций⁴.

Еще одним приоритетным направлением деятельности Главной военной прокуратуры в тот период являлось создание орга-

¹ Архив ГВП. Наряд № 62. С. 173.

² Шупленков В.П. Некоторые особенности борьбы с воинскими преступлениями, совершаемыми в боевой обстановке // БВК ВС и УВТ МЮ. 1987. №1 (127). С. 77—82; Петухов Н.А. История военных судов России. М., 2003. С. 321—322.

³ Сидоров А.С. В месячный срок с приговором // Книгиздат. М., 2021. С. 391—392.

⁴ Триполев И.М. Боевой опыт не забывается // Красная Звезда. 2014. 15 фев.

нов военной прокуратуры вооруженных сил ДРА. С этой целью из Главной военной прокуратуры была направлена группа советников, сформированная по принципу — по одному советнику в каждую военную прокуратуру армейского корпуса вооруженных сил ДРА, военную прокуратуру пограничных войск, военную прокуратуру военно-воздушных сил. Руководил группой старший советник прокурора вооруженных сил ДРА помощник Главного военного прокурора — начальник группы систематизации и пропаганды советского законодательства 1 отдела Главной военной прокуратуры полковник юстиции В.Г. Провоторов.

Благодаря проводимой аппаратом советников работе, уже в декабре 1980 г. работа по формированию органов прокуратуры Вооруженных сил ДРА завершилась, кандидатуры военнослужащих Вооруженных сил ДРА на прокурорские должности согласованы с Главным политическим управлением ДРА и представлены на рассмотрение министру обороны ДРА.

Повышение специальной подготовки прокурорско-следственных кадров ДРА проводилось в форме двух- и шестидневных сборов в Кабуле, на которых изучались уголовное и уголовно-процессуальное законодательство ДРА, а также некоторые вопросы организации их деятельности (составление таблиц со сведениями о преступности, показателях следственной работы, ведение оперативного учета в журналах учета уголовных дел, заявлений и сигналов о преступлениях, проделанной работе по правовой пропаганде и др.). В качестве основной формы профессиональной подготовки офицеров военных прокуратур ДРА применялось их обучение в ходе практической деятельности. С помощью советников была налажена систематизация военного законодательства, подготовлена Инструкция органам дознания вооруженных сил ДРА.

За сентябрь — ноябрь 1980 г. в производстве прокуратур Вооруженных сил ДРА находилось 572 уголовных дела, из них следствием окончены 254. Среди преступ-

лений преобладали хищение, продажа и утрата оружия и боеприпасов, неисполнение приказов, автотранспортные происшествия, хищение государственного имущества. Большое внимание советники военных прокуроров ДРА уделяли воспитательно-предупредительной работе, направляя на ее проведение в войсках усилия военных прокуроров ДРА. Практиковались совместные выезды военных прокуроров ДРА с советскими советниками в войска ДРА, в ходе которых проводилось разъяснение действующего законодательства ДРА, что способствовало добровольному возвращению в ноябре 1980 г. в воинские части более 6 тыс. военнослужащих ДРА, совершивших летом 1980 г. дезертирство.

В заключение необходимо отметить, что стойкостью, терпением, трудом военных прокуроров и следователей в Афганистане был накоплен огромный боевой и профессиональный опыт, который востребован и ныне.

За все годы нахождения в Афганистане ограниченного контингента советских войск не было случая, чтобы кто-либо из военных прокуроров отказался участвовать в выполнении служебных заданий, связанных в том числе с участием в боевых операциях. Ратные дела и подвиги многих из них золотыми буквами вписаны в историю Главной военной прокуратуры.

Следователь военной прокуратуры Баграмского гарнизона старший лейтенант юстиции Евгений Александрович Евсеев, возвращаясь в октябре 1986 г. из служебной командировки в Кабул на бронетранспортере, попал в засаду, организованную душманами. Был тяжело ранен, но до последнего сдерживал атаки боевиков, прикрывая отход товарищей. Погиб в неравном бою, окруженный врагами. За проявленные мужество и героизм старший лейтенант юстиции Е.А. Евсеев был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Военные прокуроры и следователи своей профессиональной служебно-боевой деятельностью сыграли важную роль в поддер-

жании законности и правопорядка, борьбе с преступностью в советских войсках в сложный период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане и этим, несомненно, способствовали поддержанию высокого уровня боеспособности войск, а значит, успешному решению войсками поставленных перед ними боевых задач, снижению боевых и небоевых потерь личного состава.

Библиография

1. Бобреньев, В.А. Прокуроры на войне / В.А. Бобреньев. — М., 2020.
2. Богданов, В.А. Афганская война: Воспоминания / В.А. Богданов. — М.: Советский писатель, 2005.
3. Григорьев, О.В. Деятельность военных трибуналов в период ввода ограниченного контингента советских войск в Республику Афганистан /

О.В. Григорьев // Общество и право. — 2013. — № 3 (45). — С. 42—45.

4. Ляховский, А.А. Трагедия и доблесть Афгана / А.А. Ляховский. — М.: ГПИ «Искона», 1995. Маликов, С.В. Руководство по военно-полевой криминалистике / С.В. Маликов, А.Н. Савенков. — М., 2011.

5. Приставка, А.Ф. Работа военных прокуроров во время военного конфликта на территории Демократической Республики Афганистан в 1979—1989 годах / А.Ф. Приставка // Ведомости Главной военной прокуратуры. — 2021 (37).

6. Фридинский, С.Н. Военная прокуратура в России: 145 лет на службе Отечеству и Закону / С.Н. Фридинский // Прокурор. — 2012. — № 4. — С. 81—90.

7. Шупленков, В.П. Некоторые особенности борьбы с воинскими преступлениями, совершаемыми в боевой обстановке / В.П. Шупленков // БВК ВС и УВТ МЮ. — 1987. — №1 (127).

О классификации вигилантизма: некоторые подходы в рамках криминологического исследования

© Харитонов Вячеслав Станиславович,
юрист, Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация. В статье предпринята попытка провести классификацию вигилантизма.

Ключевые слова: вигилантизм, вигиланты, классификация

On the classification of vigilantism: some approaches within criminological research

© Kharitonov V.S.,
lawyer, All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract. The article attempts to classify vigilantism

Keywords: vigilantism, vigilants, classification

Явление вигилантизма, даже несмотря на, казалось бы, непривычность этого слова, знакомо, пожалуй, каждому человеку. Достаточно произнести «самосуд», и воображение рисует картину действий обычных граждан по осуществлению, по их мнению, «правосудия» без помощи правоохранительных органов как реакция на предполагаемое преступное действие личности или группы.

В то же время следует признать, что столь широкое понятие вигилантизма нуждается в некоторой детализации, что, в свою очередь, вряд ли возможно сделать без исследования особенностей его градации. Другими словами, с тем, чтобы дать универсальную характеристику вигилантизма, следует провести его классификацию, поскольку, как справедливо отмечал Ю.М. Антонян, любая классификация содействует движению науки от эмпирического накопления знаний до их теоретического осмысления¹.

Изученные автором как научные, так и беллетристические публикации в периодических (в основном правовой направлен-

ности) изданиях позволяют с определенной степенью осторожности предложить следующую классификацию вигилантизма:

- 1) по численности физических лиц, планирующих и применяющих насилие
 - насилие со стороны физического лица (единичное насилие)
 - насилие со стороны группы лиц (групповое насилие).

Очевидно, что в первом случае мы понимаем индивидуума, действия которого направлены как ответ на преступление (в его понимании), совершенное физическим лицом или группой. Во втором случае мы говорим добровольном объединении лиц, в какой-то степени имеющих принятую или выработанную идеологию восстановления справедливости заменой установленными нормативными актами системой правосудия. При этом группы вигилантов могут возникать и действовать не только в виде какого-то объединения, но и стихийно.

- 2) по объекту воздействия:
 - на персонализированное физическое лицо (являющееся должностным лицом или нет)
 - на группу лиц (имеющих принадлежность к власти либо нет);

¹ См.: Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М.: Логос, 2004. С. 90—91

3) по реакции на свои действия со стороны государства:

- признаваться и даже поощряться;
- пресекаться государством;

4) по виду насилия со стороны вигилантов:

- моральное (психологическое), в т.ч. через соцсети, Интернет
- физическое, как то избиение, сексуальное насилие;

5) по мотивации действий вигилантов:

- общеморальные ценности;
- ценности, которые исповедует отдельный вигилант или сообщество вигилантов;

6) по направленности действий вигилантов:

- на сохранение существующего общественного порядка;
- на совершенствование институтов общественного порядка;

7) по видам вигилантизма: религиозный, расовый, моральный, сексизм;

9) по территориальному признаку:

- территориальный (двор, район, город)
- экстерриториальный («охота» на преступников (в понимании вигилантов) на территории страны);

10) по возможности применения: реальное применение или только угрозы применения насилия;

11) по гендерному признаку — на мужские, женские, смешанные;

12) по последствиям для жертв вигилантов:

— ближайшие, когда у пострадавших развивается первичная реакция в виде болезненных физических и эмоциональных проявлений;

— отдаленные, когда формируются стойкие поведенческие и личностные нарушения.

Мы понимаем, что каждая классификация, в особенности — правовая, ни в коей мере не является законченной научной системой, но это, наверное, один из первых шагов на пути всестороннего понимания вигилантизма.

В заключение подчеркнём, что уровень знаний о содержании вигилантизма вряд ли можно признать достаточным, и это предопределяет необходимость типологизации вигилантизма по тем или иным признакам. Для разрешения проблемной криминальной ситуации, связанной с вигилантизмом, требуется дальнейшее проведение криминологического исследования складывающихся общественных отношений в этой области.

Военно-административное право

О правовой регламентации функций воинского формирования и полномочий его должностных лиц

© Глухов Евгений Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Военный университет

Аннотация. В статье анализируется правовое положение воинских формирований Вооруженных Сил, других войск и органов в контексте специфики возлагаемых на них функций. Автор формулирует концептуальные подходы к построению системы военного управления и ее правовому регламентированию. Кроме того, выявляется взаимосвязь функций самого воинского формирования и обязанностей ее сотрудников применительно к системе военной службы, анализируется дисфункция вмешательства в деятельность воинских должностных лиц со стороны вышестоящих командиров.

Ключевые слова: военное управление, иерархия управления, структура публичного органа, воинские должностные лица, воинские формирования, единоначалие, орган военного управления, субординация.

On the legal regulation of the functions of the military formation and the powers of its officials

© Glukhov E.A.,
Candidate of Law, Associate Professor, Military University

Abstract. The article analyzes the legal status of military formations of the Armed Forces, other troops and bodies in the context of the specifics of the functions assigned to them. The author formulates conceptual approaches to the construction of a military command system and its legal regulation. In addition, the interrelation of the functions of the military formation itself and the duties of its employees in relation to the system of military service is revealed, the dysfunction of interference in the activities of military officials by higher commanders is analyzed.

Keywords: military administration, competence, structure of a public body, military officials, military formations, unity of command, military administration body, subordination.

Вооруженные Силы Российской Федерации не являются монолитной и неделимой организацией. Они состоят из различного уровня иерархии и предназначения военных организаций, построенных на отношениях субординации. Каждое из таких воинских формирований, каждый орган его управления должны функционировать согласно определенной для них компетенции, в пределах предоставленных им законодательством полномочий.

Правовой статус любого государственного органа предполагает юридическое закрепление его организационной

структуры, а также форм, методов и процедур его функционирования. Ведь реализация компетенции требует соответствующей организационной «мощности» (штатного расписания) органа и правовой организации деятельности его подразделений и лиц, занимающих в нем должности¹. Структура государственного органа должна быть нормативно определена для устранения неопределенности в его взаимоотно-

¹ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления : учебник. М.: Омега-Л, 2010. С. 263.

ношениях, как с другими публичными органами власти, так и с иными субъектами.

Решающим образом на структуру государственной организации влияют ее функции, определяемые при ее создании этой организации. В этом плане структура органа управления организацией, таким образом, есть орудие, обеспечивающее выполнение возложенных функций оптимальным образом.

Военная организация не является исключением, она также не может функционировать и эффективно использовать предоставленные в соответствии с определенной для нее компетенцией полномочия без рациональной организации своих внутренних структурных элементов, без определения их субординации и связей между ними.

Вооруженные Силы, как и любая другая достаточно сложная организация, строятся по иерархическому принципу. Термин «иерархическая организация» используется для описания многих структур древовидной топологии. Руководитель нижестоящей военной организации подчиняется руководителю вышестоящего органа военного управления (его руководителю) и обязан исполнять его приказы. В свою очередь, каждый орган военного управления обладает определенной самостоятельностью и функционирует согласно определенной для него компетенции¹.

Для решения задач обороны государства мало определить ответственный за исполнение данной задачи орган власти. Необходимо оптимально создать структуру данного органа и наделить его необходимыми ресурсами, в т.ч. властными, техническими, людскими. При этом согласно системному подходу и законов синергетики полученная структура должна обладать большим потенциалом, чем сумма потенциалов входящих в нее элементов. Сказанное означает, что при рациональном построении организационной структуры Вооруженных Сил и системы органов военного управления (прежде всего, в высшем

звене) общий боевой потенциал военной организации будет значительно больше, чем простая сумма боевых потенциалов объединений, соединений, воинских частей и организаций Вооруженных Сил. И по мере усложнения военной организации, по мере увеличения количества ее компонентов и уровней управления роль синергии будет возрастать.

Необходимо отметить важность и прямую зависимость строения организации от целей, которые она перед собой ставит. Организационно-штатная структура военной организации выступает в качестве несущей конструкции, каркаса боевой системы и отражает ее статическую составляющую. Нарушение установленных этой структурой отношений порядка, субординации, иерархии, приоритета, предпочтения между элементами боевой системы ведет к деградации системы².

Организационная структура Вооруженных Сил должна быть гибкой и позволять осуществлять быстрый перевод их на военное положение, реализовывать в короткие сроки необходимую структурную модернизацию органов управления без значительных материальных и временных затрат. Это означает, что в иерархии подчиненности должны использоваться одни и те же понятия, принципы, алгоритмы и сопрягаемые технические средства обмена информацией. Кроме того, организационная структура объединений, соединений и частей видов Вооруженных Сил должна быть экономически целесообразной, т.е. иметь оптимальное количество личного состава и военной техники на каждую организационную единицу при одновременном обеспечении их максимальных боевых возможностей³.

Военными теоретиками выявлено несколько законов, присущих построению структуры управления военных организаций:

¹ Компетенция, в самом общем виде, есть возложенный законно на уполномоченный субъект объем публичных дел. (Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001.).

² Современные проблемы управления силами ВМФ: теория и практика. Состояние и перспективы / под ред. В.И. Куроедова. СПб.: Политехника, 2015. С. 61.

³ Военная администрация : учебник / Глухов Е.А. и др. Под общ. ред. В.М. Корякина. М.: РАП, 2012.

1) зависимости структуры системы управления от организационной структуры Вооруженных Сил, группировки войск (сил) в регионе, используемой ими боевой техники, вооружения и решаемых задач;

2) сохранения единства организационно-методологических основ управления на всех уровнях (звеньях);

3) зависимости методов работы органов управления от применяемых в системе управления технических средств;

4) зависимости эффективности решения задач управления от наличия времени, объема и содержания используемой информации¹.

И, конечно же, организационная структура конкретного воинского формирования зависит от возлагаемых на него задач, методов их решения, от места в структуре Вооруженных Сил, от оснащенности вооружением и техникой, от применяемых ею форм и способов вооруженной борьбы, а также от применяемых средств управления и порядка взаимодействия с иными воинскими формированиями, а также гражданами и организациями. Важно отметить, что вместе с развитием технического прогресса, коррекции возлагаемых на органы военного управления функций и задач должна соответственно изменяться и структура органа военного управления. В этом ракурсе стремление к унификации типовых штатов воинских формирований в совокупности с длительной процедурой согласования различного рода изменений в указанные штаты вступают в противоречие с необходимостью изменения структуры военной организации, вследствие чего такого рода изменения происходят со значительным опозданием.

Одновременно должностные права и обязанности сотрудников любого воинского формирования должны быть производны от функций и полномочий самой военной организации, в штате которой они состоят, и направлены на их реализацию. Методы алгоритмизации и формализации

позволяют разделить функции самой организации на множество задач, возложенных на конкретных ее сотрудников, сгруппированных по направлениям деятельности.

Таким образом, воинские должностные лица выступают в качестве основных носителей полномочий государства в области военной безопасности, а их должностные полномочия являются составной частью компетенции государственного органа, в котором проходят службу указанные военнослужащие. Круг обязанностей воинского должностного лица, таким образом, должен быть производным от компетенции воинского формирования, где он проходит военную службу, не выходя за его пределы и соотноситься как часть с целым².

Но в отличие от руководителя коммерческой организации или публичного учреждения, сфера деятельности военного руководителя гораздо шире и включает в себя организацию боевой подготовки, образовательные, воспитательные, элементы работы по обслуживанию и применению вооружения и техники, организацию питания, всех видов обеспечения, охрану жизни и здоровья подчиненных, решение бытовых вопросов и т. д. Чрезмерная разнородность задач, функций и звеньев военных организаций затрудняет руководство воинскими коллективами, не позволяет создать единый и неизменный алгоритм для всех возможных ситуаций и разного уровня командиров. Отсюда следует и наделение воинских руководителей широким пределом усмотрения при принятии ими управленческих решений.

Воинский начальник (например, командир дивизии) отвечает за состояние дел во всей возглавляемой дивизии, а, следовательно, и в подчиненном дивизии полку, в которой имеется свой руководитель — командир полка. Вместе с ответственностью вышестоящему командиру предоставляется и набор полномочий, право отдавать приказы и наказывать любого подчиненно-

¹ Савченко В.Ф. Теория военного управления: история и современность // Военная мысль. 2007. № 11. С. 50—58.

² Глухов Е.А. О необходимости разграничения компетенций руководителей по принятию решений в системе военного управления // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 7. С. 81.

го, в т.ч. командира подчиненного полка и его подчиненных. Получается, подчиненный, даже будучи руководителем самостоятельного воинского формирования (в том числе и юридического лица) все равно не может считаться полностью свободным в своих действиях и принимаемых решениях, он в любой момент не просто зависим от старшего начальника, а должен выполнять его указания, даже, возможно, перечеркивающие его собственные или ранее утвержденные решения.

В Уставе внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (УВС ВС РФ) содержатся два положения, на основе которых можно обосновать любое вмешательство старшего начальника в деятельность нижестоящего:

1) любой командир (в том числе и командир более крупного воинского формирования) обязан знать действительное состояние дел в подчиненной военной организации (ст. 76 УВС ВС РФ);

2) любой подчиненный (в том числе сам являющийся командиром нижестоящего воинского формирования) обязан докладывать своему непосредственному начальнику обо всех случаях, которые могут повлиять на исполнение им своих обязанностей (ст. 19 УВС ВС РФ).

Стало быть, воля старшего начальника (реализованная в приказе, устном указании, плане, телеграмме и т.п.) обязательна для подчиненного даже по тем вопросам, которые входят в его собственную компетенцию согласно руководящим документам. Принцип единоначалия позволяет любому старшему начальнику под эгидой контроля за работой подчиненных вмешиваться в их деятельность, в сферу их компетенции, в любой момент времени принимать на себя часть функций младшего начальника по администрированию. Наличие власти и пробельность в регламентации сфер ответственности позволяют старшему начальнику не только вмешиваться в насущные дела нижестоящего, но и весьма субъективно, а порой даже и произвольно оценивать принятые младшим руководителем решения, изменять их по своему усмотрению.

Учитывая изложенное, одной из управленческих проблем в военной сфере является опасность подмены периодического контроля деятельности за подчиненным ежедневным администрированием его деятельности со стороны старшего начальника и мелочной опекой.

По мнению автора, руководитель высшего звена управления должен определять лишь направления и задачи для нижестоящего руководителя, но не регламентировать детально саму форму и порядок исполнения своих указаний, если такую регламентацию не требует законодательство¹.

Во-первых, в каждом воинском формировании имеется специфика и в характере возложенных задач, в вопросах дислокации, в наличии личного состава в конкретный момент времени, в наличии материальных средств и даже в индивидуальном общении между членами воинского коллектива. Все эти факторы необходимо учитывать непосредственному командиру и с учетом их особенностей определять алгоритм выполнения задач. Вышестоящий начальник в большинстве случаев не знает указанных факторов, его управленческое влияние носит более общий, стратегический характер, а потому оно вряд ли целесообразно по тем вопросам, которые входят в компетенцию нижестоящего руководителя и которые он сам вправе решать.

Во-вторых, если старший руководитель будет вникать во все детали функционирования нижних структурных единиц со своего высокого уровня иерархии, определять методику выполнения задач подчиненных гораздо низшего уровня, то фактически он станет сам работать за своих «менеджеров», а для выполнения своей функций на своем уровне власти у него не останется ни времени, ни возможности. За частными вопросами низового уровня из виду скроется стратегическое планирова-

¹ Нормативные правовые акты, устанавливающие порядок предоставления государственных услуг (административные регламенты), имеют место лишь в сфере взаимоотношений публичных образований и получателей их услуг и осуществляются лишь по запросам последних.

ние и общая координация. Согласно П. Друкеру, начальники должны избегать «ловушек времени», когда они вовлечены в процесс решения текущих ежедневных задач (тем более нижестоящего уровня иерархии), поскольку это приводит к тому, что они начинают забывать о выполнении главных задач, направленных на достижение результатов (целей)¹.

В-третьих, руководитель уровня «генерал» не должен отдавать индивидуальных указаний лейтенантам и капитанам по вопросам их уровня компетенции; не должен рассылать, например, раз и навсегда признанный самым правильным вариант конспекта занятия для них и т.п. В юридической литературе встречалась и такая точка зрения, согласно которой чем выше уровень управления, тем реже с него должны поступать управляющие воздействия, поскольку, проходя по нижестоящим уровням иерархии, требуется большой промежуток времени для усвоения и привыкания к новому правилу (распоряжению)².

Действительно, указания сверху упрощают деятельность подчиненных, избавляют от необходимости самим планировать деятельность и решать возникшие проблемы. С другой стороны, подобные указания приучают подчиненных к пассивности, несамостоятельности, а также сковывают любое индивидуальное, даже положительное, начало. Указанный подход влечет и перенесение в разряд правонарушений любой отход, отступление от присланного сверху распоряжения, даже если такое отступление вполне уместно, а распоряжение уже устарело либо неприменимо к данной конкретной ситуации.

Следование действующим правилам и требованиям руководящих документов в обстановке, для которой они неприемлемы или неэффективны, иррационально. Так, в одном из заключений комиссии относи-

тельно оценки действий экипажа в критической ситуации по предотвращению катастрофы было записано: «Экипаж делал все правильно, согласно инструкции. Но не то, что надо было делать»³.

Здесь важно отметить и весьма детальную регламентацию всей воинской деятельности, причем подобная регламентация, естественно, весьма часто не поспевает за активным развитием общественных отношений и достижениями технического прогресса. Однако даже при устаревании указанных руководящих документов в условиях быстрого изменения обстановки или факторов военных действий, командир все равно не вправе отходить от их требований.

Указанную коллизию необходимо нормативно устранить. Инструкция не должна быть догмой, если ее требования не вписываются в новые обстоятельства. Совершенно верно отметил Президент России, что «Если мы будем работать в рамках стандартных бюрократических процедур, прятаться за формальностями, нужного результата не получим ни по одному направлению»⁴.

Довольно интересное и рациональное решение вышеуказанной проблемы находим в Своде военных постановлений Российской Империи, который требует инкорпорации в современное российское законодательство:

«Начальник обязан направлять все действия как свои, так и подчиненных ему лиц, к цели учреждения части, ему вверенной. Ему воспрещается обращаться за указаниями и разъяснениями к старшим начальникам по таким вопросам, разрешение которых предоставлено законом власти его самого; по всем же делам, власть его превышающим или требующим особого разрешения, он обязан входить с представлениями по команде и неуклонно следовать указаниям и распоряжениям по сим делам своего начальства.

¹ Друкер П.Ф. Эффективный руководитель. М., 2021. С. 83.

² Лукашов Н.В. Организационно-правовые меры повышения эффективности управления органами внутренних дел России на основе представлений об управленческом цикле // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2. С. 43—46.

³ Трушин В.В. О творческом подходе к управлению войсками (силами) // Военная мысль. 2020. № 8. С. 6—18.

⁴ Ильина В. Путин призвал не прятаться за формальностями в условиях СВО // Рос. газ. 2022. 25 окт.

Со своей же стороны, давая указания и наставления подчиненным, он предоставляет им действовать и распоряжаться в пределах присвоенной им власти и возложенных на них обязанностей»¹.

Вторжение в компетенцию подчиненного начальника возможно не только со стороны его старшего руководителя в иерархии построения военной структуры, поскольку фактически у военнослужащего имеется не один, а несколько прямых начальников.

В идеале у подчиненного должен быть лишь один непосредственный начальник, а у этого начальника — свой непосредственный начальник, тоже только один. Недаром ведь провозглашается принцип единоначалия (одного начальника, единовластия), а не многоначалия (многовластия). В юридической литературе справедливо отмечается, что в широком смысле единоначалие — это принцип построения организации, согласно которому подчиненный должен принимать полномочия только от одного начальника и быть ответственным только перед ним².

В армейской среде субординация реализуется в установлении для каждого военнослужащего одного непосредственного начальника, через которого и происходит все взаимодействие подчиненного с любыми начальниками и органами военного управления. Вместе с тем, о единоначалии в чистом виде можно говорить в системе, где служащий имеет только одного начальника и только с ним взаимодействует, вышестоящие должностные лица выполняют, скорее, контрольные по отношению к нему функции. Речь идет о том, что все формальные коммуникации по служебным вопросам должны направляться по цепи команд последовательно³, т.е. при соблюдении участниками правил субordi-

нации, когда команды поступают строго по иерархической линии вниз.

Но в реальности команды поступают и не только по указанной вертикальной системе. Так, УВС ВС РФ наделяет правами прямых начальников всех заместителей командиров подразделений воинской части (заместители командира роты, батальона, полка). И все они обладают властью отдавать приказы, требовать исполнения своих распоряжений, поощрять и наказывать. Причем необходимо отметить, что заместители командиров в плане распорядительной власти пользуются всей ее широтой в полном объеме, а не только по своим направлениям деятельности⁴.

Кроме того, по ряду вопросов обязательны к выполнению указания начальников служб, отделов и отделений вышестоящих штабов, юридически не имеющих властных полномочий к тем лицам, которым они отдают указания⁵. Даже находясь в равном воинском звании, не являясь начальником по должности и не обладая дисциплинарной властью, они вправе руководить подразделениями и должностными лицами по специальным, отнесенным к их компетенции вопросам.

Положение начальника (даже не прямого) дает право отдавать подчиненному приказы, требовать их выполнения, контролировать и наказывать подчиненных. УВС ВС РФ не предписывает, чтобы все приказы различных должностных лиц (особенно устные либо не представленные на юридическую экспертизу) были согласованными между собой. Каждый начальник субъективно воспринимает

¹ Голов Г.В. Прохождение службы по военному ведомству. (Книга 7 С.В.П. 1869 г. изд. 1907 г., с изменениями, разъяснениями и дополнениями по 12 января 1917 г.). Изд. 2-е, доп. Петроград, 1917.

² Федосеев С.Е. Кадры решают, но все ли? // Административное право. 2013. № 4. С. 73.

³ Заложнев А.Ю. Внутрифирменное управление. Оптимизация процедур функционирования. М.: ЗАО «ПМСОФТ», 2005.

⁴ Используемая в УВС ВС РФ формулировка правомочий «является начальником для всего личного состава» изначально не корректна, т.к. заместители командира воинской части (подразделения) не являются начальниками друг для друга, для помощника командира части по правовой и по финансово-экономической работе, а также для гражданского персонала воинской части, не находящего в их непосредственном подчинении. Уже поэтому они не могут быть начальниками собственно для всего личного состава.

⁵ Глухов Е.А. Вторжение в компетенцию воинских должностных лиц в иерархичной системе управления // Военное право. 2017. № 4. С. 49—53.

целесообразность, важность и срочность каких-либо мероприятий, а кроме того заинтересован в качественном выполнении только своего направления деятельности.

При конкуренции требований начальников приоритет отдается приказу наиболее старшего из них. По общему правилу, старший начальник может отменить либо приостановить выполнение приказа нижестоящего должностного лица и перенаправить энергию исполнителя в иное русло. При этом он не обязан как-либо мотивировать свой приказ подчиненному. Возможны ситуации, когда один подчиненный получает два противоречащих друг другу (или взаимоисключающих) приказа от начальников, равных по объему власти и должностному положению.

Заместители командира воинской части (подразделения) равны между собой по объему власти, но имеют разные интересы, отвечают за различные стороны жизни и деятельности подчиненных, по-разному могут понимать интересы военной службы и своей военной организации. Согласовывать их волю и служебную деятельность призван командир воинской части (подразделения), он контролирует работу всех своих заместителей. Но такого рода контроль и согласование невозможны по всем, порой мелким вопросам жизнедеятельности. По довольно обширной сфере деятельности заместители командира самостоятельны и могут воздействовать почти на весь личный состав своего воинского формирования безо всякой оглядки на вышестоящего командира, имеющаяся власть это позволяет¹.

Можно ли отнести вышеуказанную систему управления к построенной на принципе единоначалия? Полагаю, что нет. Количество начальников над подчиненным здесь гораздо больше, нежели это должно быть в классической иерархической системе управления, и власть указанных начальников даже не ограничена направлением деятельности, за который

они отвечают (например, вопросами боевой готовности, воспитательной работы или тыловыми вопросами). Старший командир всегда может вмешиваться в компетенцию подчиненного командира, ввести мелочную опеку, перекраивать его планы по своему разумению. Характерно, что при этом старший начальник не обязательно отменяет приказ младшего, он просто ставит свой приказ в приоритет выполнения первым.

Полагаю, что существующее положение, где над каждым подчиненным множество начальников, причем не по прямой иерархической лестнице управления, негативно сказывается и на эффективности управления военной организацией. Ведь, во-первых, приказы различных начальников могут быть не согласованы между собой. А во-вторых, подчиненные, видя над собою двух и более начальников, чьи интересы и приказы разнятся между собой, имеют возможность саботировать выполнение задач, ссылаясь на приказ или мнение другого начальника.

Поэтому такую систему нельзя отнести ни к линейным (базирующимся на принципе единоначалия и четкой иерархии отношений), ни к функциональным (построенным на основе подчинения в зависимости от выполняемых функций).

Для сравнения хотелось бы привести специфику правовой регламентации деятельности сотрудников федеральной службы безопасности. В соответствии с абз. 2 ст. 16.1 одноименного Федерального закона² при осуществлении оперативно-служебной деятельности сотрудники органов ФСБ подчиняются *только* непосредственному и прямому начальнику, т.е. никаким иным лицам он в это время не подчинен и не должен выполнять их указаний.

Представляется, что аналогично необходимо подойти и к вопросу единоначалия во всех военных структурах. Речь идет об удалении заместителей командиров воинских формирований из числа прямых командиров для военнослужащих, непосредственно им не подчиненным. Распоряди-

¹ Глухов Е.А. Воплощение принципа единоначалия в практику военного управления // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 11. С. 72.

² Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности».

тельную власть заместителей командиров воинских частей и подразделений необходимо сузить до сферы курируемых ими направлений, по остальным вопросам они не должны иметь правомочие отдавать обязательные для исполнения приказы и вторгаться в компетенцию командиров воинских формирований. Тем более не должны это делать начальники по воинскому званию, минуя прямых начальников военнослужащего (по должностному положению).

По нашему мнению, устранение мелочного контроля и вмешательства в деятельность командиров на местах избавит их от страха быть наказанными за множество несущественных мелочей, приведет к повышению их управленческих навыков и к снижению бюрократических тенденций в военном управлении. Вмешательство со стороны старшего начальника объективно допустимо либо как реакция на нарушение со стороны подчиненного, либо для предотвращения конфликтной ситуации. И такого рода вмешательство не должно осуществляться, во-первых, без письменного оформления (устно), а, во-вторых, при отсутствии на то веских причин.

Должностные обязанности воинского руководителя должны быть понятно и недвусмысленно сформулированы для каждого воинского начальника, без применения принципа аналогии закона.

Функциональное предназначение воинского должностного лица производно от его общих, специальных и, главным образом, должностных обязанностей. В отличие от трудовых отношений, характер и объем функциональных обязанностей воинского должностного лица может изменяться без его согласия в зависимости от служебной необходимости и решения старшего начальника.

Кроме того, многие воинские должностные лица по мобилизационным планам переводятся на иные воинские должности. Следовательно, они уже в мирных условиях наделяются дополнительными обязанностями по изучению и привитию навыков выполнения функций по будущей должности. Подобное же увеличение обязанностей происходит ввиду необходимо-

сти выполнять внештатные обязанности в составе членов постоянных или временных коллегиальных органов, боевых расчетов, создаваемых при приведении в высшие степени боевой готовности. Следовательно, компетенция такого должностного лица может объединять несколько должностей: занимаемую, планируемую к замещению, а также по внештатной должности.

Однако совокупный объем и характер обязанностей должен быть сформулирован таким образом, чтобы они могли быть исполнены воинским должностным лицом в отведенное время имеющимися в его распоряжении ресурсами без нарушения законодательства.

Библиография

1. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления : учебник / Г.В. Атаманчук. — М.: Омега-Л, 2010. — 525 с.
2. Военная администрация : учебник / под общ. ред. В.М. Корякина. — М.: РАП, 2012. — 400 с.
3. Глухов, Е.А. Вторжение в компетенцию воинских должностных лиц в иерархичной системе управления / Е.А. Глухов // Военное право. — 2017. — № 4. — С. 49—53.
4. Глухов, Е.А. Воплощение принципа единоначалия в практику военного управления / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 11. — С. 72—79.
5. Глухов, Е.А. О необходимости разграничения компетенций руководителей по принятию решений в системе военного управления / Е.А. Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 7. — С. 81—90.
6. Друкер, П.Ф. Эффективный руководитель / П.Ф. Друкер. — М., 2021. — 240 с.
7. Заложнев, А.Ю. Внутрифирменное управление. Оптимизация процедур функционирования / А.Ю. Заложнев. — М.: ЗАО «ПМСОФТ», 2005. — 290 с.
8. Лукашов, Н.В. Организационно-правовые меры повышения эффективности управления органами внутренних дел России на основе представлений об управленческом цикле / Н.В. Лукашов // Труды Академии управления МВД России. — 2014. — № 2. — С. 43—46.
9. Савченко, В.Ф. Теория военного управления: история и современность / В.Ф. Савченко // Военная мысль. — 2007. — № 11. — С. 50—58.
10. Современные проблемы управления силами ВМФ: теория и практика. Состояние и перспективы / под ред. В.И. Куроедова. — СПб.: Политехника, 2015. — 434 с.

11. Тихомиров, Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. — М., 2001. — 355 с.

12. Трушин, В.В. О творческом подходе к управлению войсками (силами) / В.В. Трушин // Военная мысль. — 2020. — № 8. — С. 6—18.

13. Федосеев, С.Е. Кадры решают, но все ли? / С.Е. Федосеев // Административное право. — 2013. — № 4. — С.73—82.

Некоторые проблемные вопросы деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях

© Землин Александр Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской
Федерации, профессор ФГКВОУ ВО «Военный
университет имени князя Александра Невского»
Минобороны России

© Холиков Иван Владимирович,
доктор юридических наук, профессор, главный
научный сотрудник центра международного
права и сравнительно-правовых исследований,
профессор кафедры международного права
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве Российской
Федерации

Аннотация. Предлагаемая заинтересованному читателю статья подготовлена авторами по результатам проведенного в четвертый раз конкурса профессионального мастерства «Лучший специалист юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации», состоявшегося 27—28 апреля 2023 года на базе Общевойсковой академии в Москве. При осуществлении экспертной оценки рефератов и публичных выступлений участников заключительного этапа конкурса авторами были выявлены вызывающие наибольший интерес и, одновременно, существенные затруднения в теоретическом аспекте направления деятельности подразделений и должностных лиц юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции. В целях оказания методологической помощи в выборе направлений и методов решения возникающих проблемных вопросов в практике работы военных юристов, с применением системно-правового метода научного исследования осуществлена проработка некоторых из указанных аспектов деятельности. Результатами проведенного исследования стали выводы и умозаключения, использование которых могут, по мнению авторов, способствовать оптимизации усилий и повышению эффективности деятельности военных юристов.

Ключевые слова: правовое обеспечение; юридическая служба; правовая культура; международное гуманитарное право

Some Problem Issues of Activity of Legal Service of the Russian Federation Armed Forces in Modern Conditions

© Zemlin A.I.,
Doctor of law, candidate of philosophical sciences,
professor, Honored scientist of the Russian Federa-
tion, Professor of Military University

© Kholikov I.V.,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the
Center of International Law and Comparative-Legal
Studies, Professor of the Chair of International Law
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation, e-

Abstract. The article offered to the interested reader is prepared by the authors on the basis of the results of the professional mastery contest “The best specialist of the legal service of the Russian Federation Armed Forces”. During the expert evaluation of essays and public presentations of the participants at the last stage of the contest the authors revealed the most interesting and simultaneously the difficult in theoretical aspect directions of the activity of units and specialists of the legal service of the Russian Federation Armed Forces in the conditions of special operation. In order to assist methodologically in the selection of directions and methods of solving of problem issues that occur in the practical work of military lawyers the elaboration of some of them was conducted using system-legal scientific method. As a result of the study the conclusions and considerations were made the usage of which can, according to the authors, contribute to optimization of efforts and increase of efficiency of military lawyers’ activity.

Keywords: legal support, legal service, legal culture, international humanitarian law.

Нарастание внешних угроз национальной безопасности Российской Федерации, проявляющееся в активной деятельности враждебных государств по принуждению России к началу специальной военной операции на Украине, а также дальнейшей ее эскалации, детерминируют особое внимание общества и государства к боевой готовности и профессиональной подготовке личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации, иных войск, воинских формирований и органов. Выполнение в соответствии с международными обязательствами задач по борьбе с терроризмом за территорией Российской Федерации, участие Вооруженных Сил страны в специальной военной операции требуют отлаженности и эффективности функционирования различных видов обеспечения.

Любые властные и силовые действия как внутри страны, так и вызванные необходимостью отражения агрессии на государство, его территорию и граждан осуществляются на основании соответствующих правовых норм международного гуманитарного права, применяемого в вооруженных конфликтах, а также национального законодательства, регулирующего безопасность, оборону, борьбу с терроризмом и основы введения военного положения. При этом характер военных угроз и вытекающих из них оборонных задач, коренные изменения в характере вооруженной борьбы, формах и способах боевого применения сил и средств, предопределяют направленность дальнейшего строительства и преобразований в Вооруженных Силах, что нуждается в развитии и уточ-

нении, то есть в научном сопровождении¹. Особое значение при этом имеют нормы военного права², составляющие предмет исследования военно-правовой науки, включающей, в том числе и методологию военно-правового исследования³.

Крайняя необходимость оперативного подбора, эффективного применения и адекватной оценки степени реализации различных правовых норм в ходе выполнения вооруженными силами поставленных задач обуславливает необходимость

¹ См. подробнее: Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий // Военное право. 2019. № 3(55). С. 21—28; Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12(293). С. 116—120; Холиков И.В., Лиховидов К.С., Плакса В.Н. Современные тенденции международно-правового регулирования вооруженных конфликтов на море // Военный академический журнал. 2019. № 4(24). С. 144—149.

² Военное право / В.К. Белов, А.Ф. Воронов, Е.Н. Голенко, О.В. Дамаскин О.К., Зателепин, А.И. Землин и др. : учебник. М., 2004; Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. М.: Центр правовых коммуникаций, 2021; Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022; Землин А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 233—237.

³ Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум. М., 2021; Землин А.И., Корякин В.М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021. eLIBRARY ID: 47117663

создания в их структуре специально-подготовленных профессиональных подразделений, квалифицированных специалистов, способных выполнять разносторонние юридические функции. Как показал опыт локальных военных конфликтов и специальной военной операции, потребность в юридическом сопровождении и обеспечении действий войск все более возрастает¹.

В Обращении Президента Российской Федерации В.В. Путина «О начале специальной военной операции на территории Украины» от 24 февраля 2022 года особо отмечается именно правовая обоснованность и юридическая основательность действий Российского государства по самозащите «от создаваемых нам угроз и от ещё большей беды, чем та, что происходит сегодня»².

Практиками обоснованно отмечается, что в настоящее время традиционные для мирного времени консервативные подходы к правотворчеству в условиях современных вызовов и угроз утрачивают свою актуальность. Напротив, к организации правовой работы все более предъявляются требования оперативности и гибкости, что детерминирует необходимость высокой правовой культуры как должностных лиц юридической службы, так и военнослужащих, принимающих решения в условиях сложной и динамично меняющейся обстановки.

Ответы на многие вопросы, возникающие в настоящее время в процессе деятельности подразделений и должностных лиц юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции, содержатся в трудах таких представителей военно-правовой науки,

как В.М. Корякин³, О.А. Овчаров⁴, В.Н. Старцун⁵, А.Н. Савенков⁶, О.В. Дамаскин⁷, С.С. Харитонов⁸, В.Н. Рымашевский⁹, К.В. Фатеев¹⁰ и др. Особо следует отметить труды Г.А. Золотухина, посвященные исследованию деятельности правовых основ организации деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации¹¹. Ничуть не утратили своего значения работы классиков военного-правовой науки, рассматривавших применительно к избранной ими проблематике вопросы взаимодействия с юридической службой¹².

³ Корякин В.М. Правовое обеспечение военно-социальной политики Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005; Корякин В.М. Правовые основы военно-социальной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

⁴ Овчаров О.А. Правовые основы организации и деятельности юридической службы военного округа Вооруженных Сил Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

⁵ Старцун В.Н. Юридические гарантии реализации прав граждан, уволенных с военной службы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

⁶ Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—34.

⁷ Дамаскин О.В. Криминологические проблемы правовой работы в Вооруженных Силах Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.

⁸ Харитонов С.С. Организационно-правовые основы договорной работы в воинской части : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; Харитонов С.С. Правовая экспертиза как элемент правового обеспечения (сопровождения) договорной работы с участием воинских частей // Военно-юридический журнал. 2018. № 2. С. 7—10.

⁹ Рымашевский В.Н. Правовое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемные вопросы нормативного характера // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2011. № 3 (165). С. 92—93.

¹⁰ Фатеев К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

¹¹ Золотухин Г.А. Правовые основы организации деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

¹² Побежимов И.Ф. Единичное, воинская дисциплина и законность в Советской Армии : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВЮА, 1955; Старов Б.Ф. Обеспечение боеготовности Вооруженных Сил

¹ Землин А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации // Вестник военного права. 2016. № 3. С. 39—46; Военно-административное право (Военная администрация) : Учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]. М.: Российский государственный университет правосудия, 2022.

² <http://prezident.org/tekst/stenogramma-obraschenija-prezidenta-rossiiskoi-federacii-24-02-2022.html> (дата обращения 30.04.2023)

Вместе с тем, результаты анализа научной литературы свидетельствуют о том, что на настоящий момент времени многие теоретические, правовые, организационные и методологические аспекты деятельности юридической службы, имеющие сущностное значение для ее эффективного функционирования в условиях специальной военной операции, не получили надлежащей углубленной проработки.

Таким образом, представляется своевременным и научно обоснованным на основе применения методологии военноп правового исследования осуществить анализ основных направлений деятельности, задач и функций юридической службы войск в современных условиях.

Естественно, авторами статьи анализируется далеко не весь спектр имеющихся проблем. Нами избраны для освещения лишь те, которые, как показали результаты экспертной оценки рефератов и публичных выступлений участников конкурса профессионального мастерства «Лучший специалист юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации», вызвали интерес или наибольшие затруднения в деятельности подразделений и должностных лиц юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях специальной военной операции. К их числу нами отнесены вопросы формирования правовой культуры военнослужащих, обеспечения их правомерного поведения, а также соблюдение норм международного гуманитарного права (МГП) в условиях специальной военной операции. Это обусловлено тем, что военное применение новых технологий может принести пользу в той мере, в какой оно помогает воюющим сторонам свести к минимуму неблагоприятные последствия для гражданского населения и обеспечить соблюдение норм международного гуманитарного права¹.

Российской Федерации средствами прокурорского надзора : дис. ... д-ра юрид. наук. М.: ВАЭиФП, 1993; Кузнецов Н.И. Организационно-правовые проблемы контроля в Вооруженных Силах СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981.

¹ Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного

Представляется необходимым отметить активное участие руководства Правового департамента Минобороны России в научном осмыслении потребностей и возможностей совершенствования качества правовой работы органов военного управления, осуществлении ее методического обеспечения в интересах укрепления воинской дисциплины, законности и правопорядка.

При этом авторы исходят из того, что юридическая служба Вооруженных Сил в своей деятельности руководствуется принципами, учет которых в их системной взаимосвязи позволяет выполнять поставленные задачи и обеспечить контроль за законностью решений и действий должностных лиц, а также за соблюдением законности при выполнении военными служащими боевых задач, соблюдение прав и свобод человека и гражданина, обеспечить единичность и централизацию управления, а также организовать деятельность юридической службы по осуществлению комплекса мер по правовому обеспечению военной организации государства. Следует учитывать, что условия специальной военной операции определяют особый интерес к такого рода вопросам, имеющим, на первый взгляд, исключительно теоретический характер. Так, обоснованно отмечается, что в качестве одного из принципов организации правовой работы в войсках национальной гвардии следует особо выделить организацию постоянного взаимодействия с органами военного управления Минобороны России, органами военной юстиции по вопросам обмена правовой информацией и фиксации правонарушений².

При анализе проблемных вопросов, связанных с формированием правовой культуры военнослужащих, следует учитывать, что специфика службы в Воору-

права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 11. С. 132—148.

² Землин А.И., Рошин С.Р. Актуальные вопросы правового положения юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 37—44.

женных Силах Российской Федерации проявляется в принципах, которые и отличают ее от гражданской. Принципы военной службы неотделимы от общих принципов государственной службы, которыми являются законность и демократизм, профессионализм и социально-правовая защита. Однако, поскольку военная служба есть вполне самостоятельное и своеобразное правовое явление, характеризующееся спецификой содержания и порядка ее осуществления, ей, естественно, присущи специальные принципы. К числу специальных принципов военной службы следует отнести: принцип верности государству; политический нейтралитет; беспрекословность выполнения задач; призывание к службе и учет результатов служебной деятельности¹.

Объективная сторона правовой культуры имеет такие содержательные характеристики, как: требование всеобщего должностования безотносительно к социальному статусу людей; наличие жесткой императивности в предъявлении личности норм и правил поведения².

Военная служба имеет ряд особенностей, которые существенно влияют на характер служебных взаимоотношений в государственных органах и организациях, в которых граждане проходят военную службу, порядок возникновения, развития и прекращения военно-служебных отношений. При этом, разумеется, следует учитывать комплексность правовой культуры, включающей в свой состав правовые знания и навыки, относящиеся к различным отраслям права, необходимые для ориентации в правовом материале и совершения правозначимых действий в той или иной области человеческой жизнедеятельности, например, в сфере финансовой, налоговой, бюджетной, осуществления государственных закупок³,

а также учета законно установленных запретов и ограничений⁴.

К ним относятся: принятие военнослужащими Военной присяги, наличие у военнослужащих воинских званий, обязательный характер военной службы, детальность правового регулирования военно-служебных отношений, беспрекословность воинского повиновения, особенности в защите прав участников военно-служебных отношений, право на хранение, ношение, применение и использование оружия, ограничение военнослужащих в гражданских, личных, политических и социально-экономических правах.

Таким образом, особенности военной службы определяют содержание, формы и методы решения задач, выполняемых военнослужащими в процессе исполнения возложенных на них обязанностей.

Перечисленные ранее особенности жестко детерминируют специфику правовой культуры военнослужащего. Она обусловлена характером Вооруженных Сил,

чев А.Ю. Финансовый контроль как способ борьбы с коррупцией в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Организационно-правовые проблемы противодействия коррупции при осуществлении государственных и муниципальных закупок : сборник научных статей. Чехов, 2015; Землин А.И. Коррупционные риски при осуществлении государственных закупок // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 3. С. 92—102; Землин А.И., Землина О.М. Проблемные вопросы правового регулирования государственного финансового контроля за расходованием бюджетных средств при осуществлении государственных закупок // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей / под редакцией Г.В. Дегтева, И.П. Гладиловой. М., 2014.

⁴ Землин А.И., Идрисов Р.Ф. К вопросу о некоторых деформациях системы предупреждения коррупции и направлениях совершенствования антикоррупционного законодательства Российской Федерации // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — COUNTER-TERRORISM, 2018. № 4. С. 32—45; Землин А.И. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — COUNTER-TERRORISM. 2014. № 2. С. 47—53.

¹ Землин А.И. Правовая культура личности российского офицера: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. М., 1996. С. 28.

² Землин А.И. Там же. С. 104.

³ Землин А.И. Налоговое право : учебник. М.: Форум, 2006; Землин А. И. Бюджетное право : схемы и комментарии М., 2001; Землина О.М., Мига-

особенностями воинского уклада, службы и жизни, всей системой жизнедеятельности воинов. К таким особенностям относятся:

— особая социальная функция Вооруженных Сил: быть средством вооруженной защиты России;

— выполнение воинского долга в сложной обстановке, нередко, а порой и зачастую, связанной с риском для жизни;

— специфическая организация и профессиональная структура армии и флота;

— строгое распределение бюджета времени, обусловленное интересами постоянной боевой готовности частей и кораблей;

— ярко выраженная централизация общего военного управления и боевого управления в особенности;

— детальная регламентация воинского труда и быта;

— императивность, обязательный характер воинской дисциплины и другие¹.

Основными из этих качеств являются: постоянная готовность к действию; мужество и требовательность к себе и подчиненным; высокая личная примерность; способность принять правильное решение и обеспечить его выполнение в экстремальных условиях боевой обстановки.

Подобный вывод логичен и имеет своей основой положения И.Ф. Побежимова о характере и специфике воинской дисциплины — того субстрата и того правового поля, на основе и в рамках которого экстериоризируется личностная правовая культура военнослужащего. «В отличие от трудовой, плановой и других видов государственной дисциплины, — указывает ученый, — требования воинской дисциплины не ограничиваются отношениями служебного подчинения (хотя эти отношения и имеют исключительно важное значение), не ограничены они и временем непосредственного исполнения обязанностей по военной службе, а распространяются на всех военнослужащих, независимо от места их нахождения и занятия в данный момент (в

том числе и на военнослужащих, находящихся в командировке, на лечении, в краткосрочном отпуске, в доме отдыха или санатории и т.д.)»².

С учетом изложенного, а также, как показывает опыт проведения специальной военной операции, необходимо существенное уточнение должностных, специальных и функциональных обязанностей специалистов юридической службы, а также форм и методов организации и осуществления правовой работы в условиях регулярного применения оружия (военной техники), взаимодействия с мирным населением, необходимости правового консультирования командиров (начальников), личного состава, раненых (больных, травмированных). Также в условиях специальной военной операции остро встает вопрос использования нормативных правовых источников, юридической литературы и информационно-справочных баз нормативных правовых актов.

Кроме того, следует согласиться с автором, которым предлагается внесение изменения в федеральное законодательство в части предоставления участникам специальной военной операции права на получение всех видов бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи путем внесения изменений в ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ч. 1 ст. 20 дополнить пунктом 10 следующего содержания: «граждане, привлекавшиеся к выполнению боевых (оперативных, оперативно-служебных) задач специальной военной операции или граждане, чьему имуществу, жизни или здоровью причинен вред в ходе её проведения»)»³.

Таким образом сохраняется потребность объективного комплексного исследования состояния, проблем и перспектив правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности, ликвидация, с одной стороны, разрыва между теорией и практикой, а с другой проведение фундамен-

¹ Землин А.И. Правовая культура личности российского офицера. С. 86—88.

² Побежимов И.Ф. Указ. соч. С. 31.

³ Рошин С.Р., Землин А.И. Указ. соч.

тальных и прикладных исследований по тематикам, учитывающим потребности практики и состояние научной разработанности теоретических проблем. Необходимо обоснование организационных и правовых мер их позитивного развития в соответствии с положениями доктринальных документов в сфере национальной безопасности России и в дальнейшем последовательная и четкая реализация этих мер в интересах национальной обороны и безопасности нашего государства.

Библиография

1. Военно-административное право (Военная администрация) : учебник / М.М. Баранников, О.Г. Безбабнов, П.И. Гаврюшенко [и др.]. — Москва: Российский государственный университет правосудия, 2022. — 449 с. — ISBN 978-5-93916-949-3. — EDN LPSPHA.
2. Военное право / В.К. Белов, А.Ф. Воронов, Е.Н. Голенко, О.В. Дамаскин О.К., Зателепин, А.И. Землин и др. : учебник. М., 2004. Сер. Выпуск 45 «Право в Вооруженных Силах — консультант». EDN: PFZIBB.
3. Военное право / А.В. Кудашкин, В.К. Аулов, В.В. Бараненков [и др.]. Том II. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2021. — 888 с. — EDN WODYTL
4. Военное право / Е.А. Глухов, В. М. Корякин, А. В. Кудашкин [и др.]. Том III. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с. — EDN SNMELJ.
5. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 3(55). — С. 21—28.
6. Землин, А. И. Бюджетное право : схемы и комментарии / А.И. Землин. — М.: 2001. — Сер. Подготовка к экзамену. — EDN: TSGAYR.
7. Дамаскин, О.В. Криминологические проблемы правовой работы в Вооруженных Силах Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Дамаскин Олег Валерьевич. — Москва, 1994. — 50 с.
8. Землин, А.И. Актуальные вопросы военной деятельности государства: правовое измерение / А.И. Землин // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 233—237. — EDN: SLNHFA.
9. Землин, А.И. К вопросу о некоторых деформациях системы предупреждения коррупции и направлениях совершенствования антикоррупционного законодательства Российской Федерации / А.И. Землин, Р.Ф. Идрисов // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. — COUNTER-TERRORISM. — 2018. — № 4. — С. 32—45.
10. Землин, А.И., Корякин В. М. Электронный учебник «Методология военно-правового исследования» / Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021665665, 30.09.2021. Заявка № 2021664733 от 21.09.2021. eLIBRARY ID: 47117663.
11. Землин, А.И. Коррупционные риски при осуществлении государственных закупок / А.И. Землин // Государственный аудит. Право. Экономика. — 2016. — № 3 — С. 92—102.
12. Землин, А.И. Методология военно-правового исследования. Общая часть : учебник и практикум для студентов, обучающихся в военных учебных центрах при федеральных образовательных организациях высшего образования / А.И. Землин, В.М. Корякин. — Москва, 2021. Сер. Адьюнктура. — EDN: JXKGDY.
13. Землин, А.И. Налоговое право : учебник / А.И. Землин. — М.: Форум, 2006. — Сер. Профессиональное образование. EDN: QWNEIB;
14. Землин, А.И. О генезисе и перспективах развития военной администрации / А.И. Землин // Вестник военного права. — 2016. — № 3. — С. 39—46. — EDN: XQOMZJ.
15. Землин, А.И. О новациях и деформациях антикоррупционного просвещения и воспитания в современной России / А.И. Землин // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века — COUNTER-TERRORISM. — 2014. — № 2. — С. 47—53.
16. Землин, А.И. Правовая культура личности российского офицера: социально-философский анализ : дис. .. канд. филос. наук. / А.И. Землин. — М., 1996.
17. Землин, А.И. Проблемные вопросы правового регулирования государственного финансового контроля за расходованием бюджетных средств при осуществлении государственных закупок / А.И. Землин, О.М. Землина // Государственные и корпоративные закупки как форма государственно-частного партнерства : сборник научных статей / под редакцией Г. В. Дегтева, И. П. Гладиловой. — Москва, 2014. — EDN: UAUJSR.
18. Землина, О.М. Финансовый контроль как способ борьбы с коррупцией в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд / О.М. Землина, А.Ю. Мигачев // Организационно-правовые проблемы противодействия коррупции при осуществлении государственных и муниципальных закупок : сборник научных статей. — Чехов, 2015. — EDN: UDWRCZ.
19. Золотухин, Г.А. Правовые основы организации деятельности юридической службы Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. канд. юрид. наук / Г.А. Золотухин. — М., 2000.
20. Корякин, В.М. Правовое обеспечение военно-социальной политики Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / В.М. Корякин. — М., 2005.
21. Корякин, В.М. Правовые основы военно-социальной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / В.М. Корякин. — Москва, 1998. — 257 с.
22. Кузнецов, Н.И. Организационно-правовые

проблемы контроля в Вооруженных Силах СССР : дис. ... д-ра. юрид. наук / Н.И. Кузнецов. — М., 1981.

23. Овчаров, О.А. Правовые основы организации и деятельности юридической службы военного округа Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Овчаров. — М., 2000.

24. Побежимов, И.Ф. Единоначалие, воинская дисциплина и законность в Советской Армии : дис. ... д-ра юрид. наук / И.Ф. Побежимов. — М.: ВЮА, 1955.

25. Роцин, С.Р. Актуальные вопросы правового положения юридической службы войск национальной гвардии Российской Федерации / С.Р. Роцин, А.И. Землин // Военное право. — 2020. — № 1 (59). — С. 37—44.

26. Роцин, С.Р. Принципиальные подходы и направления совершенствования деятельности юридической службы войск национальной гвардии России: от опыта к перспективам / С.Р. Роцин, А.И. Землин // Военное право. — 2021. — № 6 (70). — С. 131—139.

27. Рымашевский, В.Н. Правовое обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации: проблемные вопросы нормативного характера / В.Н. Рымашевский // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 3 (165). — С. 92—93.

28. Савенков, А.Н. Военное право: постановка проблемы и пути решения / А.Н. Савенков, А.В. Кудашкин // Государство и право. — 2021. — № 4. — С. 7—34.

29. Старов, Б.Ф. Обеспечение боеготовности Вооруженных Сил Российской Федерации средствами прокурорского надзора : дисс. ... д-ра юрид.

наук / Б.Ф. Старов. — М.: ВАЭиФП, 1993.

30. Старцун, В.Н. Юридические гарантии реализации прав граждан, уволенных с военной службы : дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Старцун. — Москва, 2000. — 258 с.

31. Фатеев, К.В. Правовое регулирование обеспечения военной безопасности Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / К.В. Фатеев. — М.: ВУ, 2005.

32. Харитонов, С.С. Организационно-правовые основы договорной работы в воинской части : дис. ... канд. юрид. наук / С.С. Харитонов. — М., 2000.

33. Харитонов, С.С. Правовая экспертиза как элемент правового обеспечения (сопровождения) договорной работы с участием воинских частей / С.С. Харитонов // Военно-юридический журнал. — 2018. — № 2. — С. 7—10.

34. Холиков, И. В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12(293). — С. 116—120. — EDN VBEXDG

35. Холиков, И.В. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / И.В. Холиков, А. Милованович, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26, № 11. — С. 132—148. — DOI 10.12737/jrl.2022.122. — EDN ABBLLM.

36. Холиков, И.В. Современные тенденции международно-правового регулирования вооруженных конфликтов на море / И.В. Холиков, К.С. Лиховидов, В.Н. Плакса // Военный академический журнал. — 2019. — № 4(24). — С. 144—149. — EDN XGDWXA.

Служебная тайна в области обороны: ответственность военнослужащих за разглашение служебной тайны в области обороны

© Кукушкин Михаил Валерьевич,
юрист

Аннотация. В контексте ограничения права на доступ к информации исследуется такой специфический правовой институт, как служебная тайна в области обороны, введенная Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об обороне"». В статье раскрываются содержание понятия «служебная тайна в области обороны»; соотношение ее с иными видами тайн; ответственность за разглашение сведений, отнесенных к служебной тайне в области обороны; высказаны некоторые вопросы об особенностях ответственности военнослужащих за разглашение сведений, составляющих служебную тайну в области обороны.

Ключевые слова: профессиональная тайна, служебная тайна, конфиденциальность информации, ответственность за разглашение служебной тайны.

Official secret in the field of defense: Responsibility of servicemen for disclosure of service secrets in the field of defense

© Kukushkin M.V.,
lawyer

Annotation. In the context of restricting the right to access information, such a specific legal institution as an official secret in the field of defense, introduced by the Federal Law of June 11, 2021 No. 172-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Defense", is being studied. The article reveals the content of the concept of "official secret in the field of defense"; its relationship with other types of secrets; responsibility for the disclosure of information classified as official secrets in the field of defense; some questions are raised about the specifics of the responsibility of military personnel for the disclosure of information constituting official secrets in the field of defense.

Keywords: professional secret, official secret, confidentiality of information, responsibility for disclosing official secrets.

В современных условиях стремительного внедрения передовых информационных технологий во все сферы жизнедеятельности государства и общества, важное значение имеет надлежащее обеспечение защиты информации. Непреднамеренная или умышленная утечка служебной информации в области обороны, может послужить причиной угрозы обороне страны и безопасности государства, жизни и здоровья военнослужащих, выполняющих обязанности военной службы, создать предпосылки для организации адресного шантажа и дискредитации деятельности Вооружённых Сил Российской Федерации, других войсках, воинских формирований и органов.

Частью 3 ст. 55 Конституции России закреплена возможность ограничения федеральными законами доступа к информации в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Конституционное положение, дающее право ограничения федеральными законами доступа к информации в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, отражено в ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации,

информационных технологиях и о защите информации».

Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 172-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон «Об обороне»: он дополнен ст. 3.1 «Служебная тайна в области обороны». Данным законом осуществлено правовое закрепление понятия «служебная тайна в области обороны», под которой понимаются сведения, которые образуются при осуществлении полномочий органами государственной власти Российской Федерации, функций органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления и организациями по организации и выполнению мероприятий в области обороны, распространение которых может нанести вред при выполнении указанных мероприятий.

Служебная тайна в области обороны как один из видов профессиональной тайны¹ (банковская тайна, налоговая тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений (тайна связи), врачебная тайна, тайна следствия и судопроизводства и другие) отнесена к разряду информации ограниченного доступа и распространения.

Перечни сведений, составляющих служебную тайну в области обороны, утверждаются руководителями федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (п. 2 ст. 3.1 Закона об обороне).

¹ Крюченко Т.С. Проблема правового регулирования служебной тайны // Вестник современных исследований 2018. № 3.2. С. 217—218; Тыртышный А.А., Рекунов И.С., Атрехалина И.А. Правовое регулирование отношений в области профессиональной тайны // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2018. № 3. С. 18—24; Хорев А.А., Новиков В.К., Щербаков В.А. Проблемные вопросы защиты информации, отнесенной к профессиональной тайне // REDS: Телекоммуникационные устройства и системы. 2017. № 4. С. 504—507; Корякин В.М., Гундилович И.В. Профессиональная тайна: некоторые вопросы ответственности за разглашение относящихся к ней сведений // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 10. С. 22—26.

В настоящее время утверждены перечни сведений, составляющих служебную тайну в области обороны в Минобороны России (приказ от 17 января 2022 г. № 22), МЧС России (приказ от 29 декабря 2021 г. № 940), Росгвардии (приказ от 27 декабря 2021 г. № 480).

Порядок обращения со сведениями, составляющими служебную тайну в области обороны, определяется Правительством Российской Федерации (п. 3 ст. 3.1 Закона об обороне).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2021 г. № 2052 утверждены Правила обращения со сведениями, составляющими служебную тайну в области обороны. Данные Правила устанавливают порядок обращения с документами и другими материальными носителями информации, содержащими сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, в органах государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления и организациях, участвующих в организации и выполнении мероприятий в области обороны.

В то же время, в п. 19 Правил сказано, что в ФСБ России и Росгвардии, а также в подведомственных им организациях обращение с документами, содержащими сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, осуществляется в соответствии с Положением о порядке обращения со служебной информацией ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, уполномоченном органе управления использованием атомной энергии и уполномоченном органе по космической деятельности, утверждённым постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 1994 г. № 1233.

Таким образом, законодатель определил общий и специальный порядки обращения со служебной тайной в области обороны. Установление таких порядков обращения со служебной тайной в области обороны не противоречит ст. 3.1. Закона об обороне, поскольку и Правила, и Положение в равной степени направлены на

обеспечение сохранности сведений, составляющих служебную тайну в области обороны, которые по своей природе относятся к сведениям, ограниченного распространения, и подлежат в защите со стороны государства.

Сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, равно как и сведения, составляющие служебную информацию ограниченного распространения, являются информацией ограниченного доступа и не подлежат разглашению.

Документы, содержащие сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, так же, как и документы, содержащие информацию ограниченного распространения, имеют пометку «Для служебного пользования». В отличие от документов, содержащих сведения ограниченного распространения, на документах, содержащих служебную тайну в области обороны, пометка «Для служебного пользования» проставляется со ссылкой на пункт перечня сведений, подлежащих отнесению к служебной тайне в области обороны, соответствующего органа, уполномоченного на издание перечня, используемого в организации.

Доступ к информации, содержащей сведения, составляющие служебную тайну в области обороны, лица получают в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей. Лица, получившие доступ, обязаны соблюдать конфиденциальность такой информации и не разглашать указанные сведения без согласия соответствующих органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций, предоставивших данные сведения. За разглашение сведений, составляющих служебную тайну в области обороны, они несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность (ст. 3.1 Закона об обороне, п. 6 Правил, п. 1.8 Положения).

Военнослужащие доступ к служебной тайне в области обороны, получают в связи с исполнением ими служебных обязанностей.

Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» хранение государственной и военной тайны относит к числу важнейших общих обязанностей военнослужащих (ст. 26). Строгое хранение военной и государственной тайны в качестве требования, предъявляемого к военнослужащим, закреплено в общевоинских уставах.

Ответственность за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну, установленная в ст. 283 и ст. 284 УК РФ, на общих основаниях распространяется и на военнослужащих.

Понятие «военная тайна» охватывается введенной ст. 3.1 Закона об обороне служебной тайной в области обороны, за разглашение которой законодательством предусмотрена ответственность.

В зависимости от характера и наступивших последствий лица, допустившие разглашение служебной тайны в области обороны, несут ответственность: дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную.

Так, ст. 13.14 КоАП РФ предусматривает, что разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 14.33 и ст. 17.13 данного Кодекса, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на должностных лиц — от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц — от ста тысяч до двухсот тысяч рублей.

При этом следует учитывать, что за совершение данного правонарушения ответственность могут нести только те лица, которые получили доступ к указанной выше информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей. В частности, адвокат, исполняющий свои профессиональные обязанно-

сти, будет нести ответственность за разглашение адвокатской тайны. При этом адвокат несет ответственность как должностное лицо. Разглашение информации с ограниченным доступом может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 206-ФЗ в КоАП РФ введена ст. 13.14.1. «Незаконное получение информации с ограниченным доступом», предусматривающая административную ответственность за получение информации любым незаконным способом, доступ к которой ограничен федеральным законом, за исключением случаев, предусмотренных ст. 5.53, ч. 1 и 2 ст. 13.11, ст. 14.29, ч. 5 ст. 15.19, ч. 2 ст. 17.13 Кодекса, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, которая влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на должностных лиц — от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей или дисквалификацию на срок до трех лет; на юридических лиц — от ста тысяч до двухсот тысяч рублей.

Следует обратить внимание на то, что ст. 13.14.1 КоАП РФ введена в тот же день — 11 июня 2021 г., в который были внесены изменения в Закон об обороне и установлена служебная тайна в области обороны, что очередной раз подчеркивает особый правовой режим информации, имеющей ограниченный доступ, и необходимость ее защиты.

Особенность привлечения к ответственности военнослужащих состоит в том, что согласно ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ за совершение административных правонарушений (за исключением административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 данной статьи) они несут не административную, а дисциплинарную ответственность. Поскольку ст. 2.5 КоАП РФ не позволяет применять к военнослужащим, допустившим разглашение служебной тайны в области обороны либо незаконно получившим информацию с ограниченным доступом, административную ответственность, они за совершение указанных действий (бездействия) несут дисциплинар-

ную или уголовную ответственность.

В силу п. 2 ст. 28.5 Закона о статусе военнослужащих административное правонарушение, за которое военнослужащие в соответствии с КоАП РФ несут дисциплинарную ответственность, является грубым дисциплинарным проступком. За совершение данного проступка к военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, может быть применен такой вид дисциплинарного взыскания, как досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта (п. 2 и п. 3 ст. 28.4). Данные нормативные положения полностью согласуются с подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», предусматривающим досрочное увольнение военнослужащего, который не выполнил условия контракта, а значит, перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе.

Следует учитывать, что досрочное увольнение военнослужащего с военной службы в связи с совершением дисциплинарного проступка, за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 13.14, и ст. 13.14.1 КоАП РФ, за которые военнослужащие в соответствии с КоАП РФ несут дисциплинарную ответственность, должно осуществляться с соблюдением общих принципов юридической ответственности и процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности¹.

Библиография

1. Корякин, В.М. Профессиональная тайна: некоторые вопросы ответственности за разглашение относящихся к ней сведений / В.М. Корякин, И.В. Гундзилович // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 10. — С. 22—26.
2. Крюченко, Т.С. Проблема правового регулирования служебной тайны / Т.С. Крюченко // *Вестник современных исследований*. — 2018. — № 3.2. — С. 217—218.
3. Тыртышный, А.А. Правовое регулирование отношений в области профессиональной тайны / А.А. Тыртышный, И.С. Рекунков, И.А. Атрехалина // *Вестник Росийского нового университета. Серия*

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 г. № 6-П.

«Человек и общество». — 2018. — № 3. — С. 18—24.

4. Хорев, А.А. Проблемные вопросы защиты информации, отнесенной к профессиональной

тайне / А.А. Хорев, В.К. Новиков, В.А. Щербаков // REDS: Телекоммуникационные устройства и системы. — 2017. — № 4. — С. 504—507.

Функционирование института общественного контроля в сфере противодействия коррупции в деятельности военнослужащих Вооруженных Сил и Федеральной службы безопасности Российской Федерации

© Роганов Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, профессор ЛГУ им. А.С. Пушкина

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с общественным контролем в деятельности Вооруженных Сил и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, как одной из прогрессивных форм борьбы с коррупцией. Представлены особенности функционирования института общественного контроля в сфере противодействия коррупции в силовых структурах Российской Федерации, а также специфика их деятельности. Рассмотрен краткий анализ законодательной регламентации вышеназванной деятельности и показаны пути совершенствования правовых норм в рамках антикоррупционных действий.

Ключевые слова: законность, общественное мнение, общественный контроль, коррупция, военнослужащий.

The functioning of the institution of public control in the field of combating corruption in the activities of military personnel of the Armed Forces and the Federal Security Service Russian Federation

© Roganov S.A.,
Doct. Sci. (Law), Associate Professor Saint Petersburg military order of Zhukov Institute of national guard troops, professor at Leningrad State University A.S. Pushkin

Abstract. The article deals with issues related to public control in the activities of the Armed Forces and the Federal Security Service of the Russian Federation, as one of the progressive forms of the fight against corruption. The features of the functioning of the institution of public control in the field of combating corruption in the power structures of the Russian Federation, as well as the specifics of their activities are presented. A brief analysis of the legislative regulation of the above activities is considered and ways to improve legal norms in the framework of anti-corruption actions are shown.

Keywords: legality, public opinion, public control, corruption, soldier.

В настоящее время в Российской Федерации идет процесс реформирования силовых структур, что, в конечном итоге, должно привести не только к повышению эффективности их деятельности, но и к большей открытости как для институтов гражданского общества, так и населения в целом. Гласность в функционировании таких органов исполнительной власти позволит разработать более эффективную систему общественного контроля. Поэтому

актуальной является разработка вопросов организации системы общественного контроля над силовыми структурами.

Термин «силовые структуры» не закреплен в законодательстве. Под силовыми структурами мы будем понимать федеральные органы исполнительной власти, которые наделены специальными полномочиями, в том числе, возможностью применить силу, и которые несут ответственность за безопасность граждан, общества и

государства как в мирное, так и в военное время. Для таких структур характерен ряд признаков: наличие вооружения, регламентация деятельности уставом (положением); наличие иерархии должностей. К силовым структурам относятся, в том числе, Вооруженные Силы Российской Федерации, а также ФСБ России.

С целью получения информации об отдельных аспектах общественного контроля в силовых структурах мы воспользуемся логическим научным методом исследования деятельности Вооруженных Сил и ФСБ России. С помощью этого метода постараемся определить специфику контроля в вышеназванных силовых структурах, обобщить полученные знания и предложить правовые и организационные новеллы общественного контроля в рамках противодействия коррупции.

Прежде чем рассматривать специфику отдельных положений общественного контроля за деятельностью Вооруженных Сил и ФСБ России, нам необходимо обратиться к принципам, которые должны приниматься во внимание при осуществлении деятельности субъектов такого контроля:

— силовые структуры обязаны принимать меры к тому, чтобы заручиться общественным доверием граждан;

— деятельность силовых структур должна происходить не только в рамках правового поля, но и быть понятной для населения;

— обязанность силовых структур в рамках представленных полномочий восстановить нарушенные ими права граждан (организаций);

— постоянный мониторинг общественного мнения о деятельности силовых структур, а также по вопросам их взаимодействия с субъектами общественного контроля;

— одним из критериев оценки деятельности силовых структур является общественное мнение.

Согласованная деятельность граждан и государственных органов является одним из признаков демократии¹. Общественный

контроль представляет собой одну из прогрессивных форм борьбы с коррупцией. Анализ функционирования института общественного контроля в сфере противодействия коррупции в силовых структурах Российской Федерации имеет свои особенности, которые связаны со спецификой их деятельности. Однако данный вопрос требует более детальной проработки с целью определения негативных и позитивных факторов, оказывающих влияние на уровень коррупционной составляющей.

Большое значение в функционировании института общественного контроля в сфере противодействия коррупции в силовых структурах отводится таким субъектам, как общественные советы, создающиеся при федеральных органах исполнительной власти. Такие контролирующие советы способны обеспечить эффективность общественного контроля, повысить правовую культуру населения и сформировать практические навыки, оказывающие влияние на реализацию задач субъектами такого контроля.

Анализ литературных источников позволил нам определить *общественный совет* как действующий на постоянной основе консультативно-совещательный общественный орган, который формируется в рамках нормативных правовых актов с целью обеспечить максимальное единство интересов населения и органов государственной власти в сферах общественной жизни (экономической, социальной, политической, духовной), а также гарантировать эффективную деятельность общественного контроля, в том числе по противодействию коррупционным проявлениям. Для общественного совета характерно то, что его деятельность не финансируется государством, а также отсутствие у него властных полномочий и возможности по осуществлению законодательных инициатив.

Общественные советы при федеральных органах исполнительной власти являются разновидностью общественных

¹ Тепляшин И.В. Участие институтов гражданского общества в формировании общественных советов

при органах государственной власти: основные способы и некоторые проблемы // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 57.

структур¹. Правовыми основаниями деятельности таких советов выступают как законы, так и подзаконные нормативные правовые акты². Однако процесс правового регулирования вопросов, связанных с функционированием советов, требует своего совершенствования.

Функционирование института общественного контроля в сфере противодействия коррупции в Вооруженных Силах. Коррупция характерна не только для должностных лиц государственной власти, но и для военизированных государственных организаций. Количество коррупционных правонарушений в российской армии имеет тенденцию к росту, что угрожает обороноспособности Российской Федерации.

Так, в 2022 г. в России было зарегистрировано 3 047 происшествий, направленных против военной службы (гл. 33 УК), и по результатам проверки были установлены факты по 2 835 преступлений. По сравнению с 2021 г. эти цифровые данные возросли в два раза: в 2021 г. зарегистрировано 1 514 происшествий, из которых в 1 089 деяниях установлены признаки преступлений³.

Особенность коррупции в армии проявляется в том, что:

— во-первых, строго ограничен доступ представителей общественного контроля

на территории воинских частей;

— во-вторых, режим секретности воинских формирований обеспечивает возможность скрывать факты коррупции, что, в конечном итоге, приводит к рецидиву коррупционных правонарушений;

— в-третьих, отсутствие в штате специалистов, деятельность которых сводилась бы только к профилактике и пресечению правонарушений в рассматриваемой сфере;

— в-четвертых, строжайшая дисциплина и минимизация гласности о деятельности военнослужащих;

— в-пятых, военная служба помимо федеральных законов регламентируется и подзаконными нормативными правовыми актами (уставами, наставлениями, приказами, распоряжениями), которые могут быть отнесены к категории «для служебного пользования», что влечет невозможность ознакомления с ними населения.

Специфика реализации военнослужащими своих прав заключается в том, что некоторые из них могут быть воплощены в жизнь только путем согласования с командованием. Реализация принципа единоначалия в Вооруженных Силах, с одной стороны, приводит к повышению служебной дисциплины, а с другой, при определенных условиях, может являться одним из факторов, способствующим формированию коррупционного поведения военнослужащих.

Е.А. Глухов отмечает, что многое происходящее в армии скрыто от общественного контроля, а также от гласности⁴. С таким категоричным мнением можно согласиться только частично, так как на сайте Мин обороны Россия загружена информация, которая способна сформировать представления у населения о военнослужащих отношениях на определенный период времени. В результате этого субъекты общественного контроля способны предварительно оценить целесообразность принятого решения и вмешаться в управленческую сферу командования, например,

¹ Тепляшин И.В. Общественные советы в системе субъектов общественного контроля // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 9. С. 3.

² См., например: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»; Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам».

³ Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской информации [Электронный ресурс]. 2023. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения 12.02.2023).

⁴ Глухов Е.А. О необходимости общественного контроля в армии // Военное право. 2017. № 5 (45). С. 5—13.

воинской части.

Одной из мер противодействия коррупционным проявлениям в армии является возможность населения знакомиться с информацией о работе военизированных государственных организаций, в том числе с использованием сети Интернет. Отсутствие на сайте Минобороны России сведений о значимых вопросах противодействия коррупции среди военнослужащих приводит к завуалированной коррупции. Полная и объективная информация о деятельности государственной организации позволяет населению сформировать представление о качестве службы военнослужащих и выявить их служебные и бытовые проблемы, а также предложить разрешить вопросы, связанные с корректировкой финансирования и изменением объема полномочий.

На информационном ресурсе Минобороны России в рамках вопросов противодействия коррупции, по сравнению с сайтом МВД России, можно получить дополнительную информацию, касающуюся следующих вопросов:

1. Основные задачи на 2021—2023 гг. в сфере профилактики коррупции в воинских и трудовых коллективах, а также обнаружение и устранение причин и условий коррупционной деятельности. Военное ведомство справедливо обратило внимание на трудовой коллектив, в котором работают лица, заключившие трудовой договор и работающие в воинских частях. Эта категория лиц гражданского персонала может быть тоже втянута в коррупционные процессы и поэтому данный вопрос требует дополнительного и самостоятельного исследования.

2. Итоги методических сборов за определенные периоды времени. Недостатком этого сайта является отсутствие статистических данных за определенный период времени по вопросам исследуемой нами темы. Этот пробел не позволяет отслеживать динамику правонарушений, совершенных не только военнослужащими, но и гражданским персоналом Вооруженных Сил. Анализ цифровой характеристики коррупционных деяний не позволяет конкретизировать составы правонарушений и предложить превентивные меры, что, в ко-

нечном итоге, скажется негативно на эффективности результатов борьбы с коррупцией. Полагаем, что субъектов общественного контроля этот показатель мог бы заинтересовать и придать им большую активность в реализации форм такого контроля.

Позитивным моментом в деятельности Вооруженных Сил можно назвать дополнение сайта «Первое антикоррупционное СМИ» (<https://pasmi.ru/>) информацией о коррупционных скандалах в Минобороны России. Представители общественности имеют возможность проанализировать данные сведения и сформировать свое собственное мнение о достаточности усилий этого силового блока, направленных на противодействие коррупции в армии.

На основании Указа Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842¹ и приказа Министра обороны Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 490² образован Общественный совет при Министерстве обороны Российской Федерации, который является совещательным органом и его решения носят рекомендательный характер.

Не умаляя важность этого общественного органа, созданного из 100 % представителей общественности, все же необходимо отметить недостаток нормативно-правового регулирования его деятельности, который проявился в том, что в числе его задач не определено такое направление, как осуществление общественного контроля за противодействием коррупции в Минобороны России. В итоге эта деятельность совета оказалась провальной в связи с пассивностью работы в данной сфере и невозможностью показать свои

¹ Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2006 г. № 842 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам».

² Приказ Министра обороны Российской Федерации от 16 ноября 2006 г. № 490 «Об образовании Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации».

результаты в сфере противодействия коррупции на сайте силового ведомства. В пользу нашего вывода говорит и тот факт, что ни одной серьезной научной работы, связанной с общественным контролем в сфере противодействия коррупции в Вооруженных Силах, научной общественностью не создано. Причиной этому, по всей видимости, является недостаток фактического материала, который бы можно было положить в основу научного исследования.

Функционирование института общественного контроля в сфере противодействия коррупции в ФСБ России. Законы Российской Федерации не предусматривают нормы, которые бы предоставляли возможность осуществлять общественный контроль за деятельностью ФСБ России, а также принимаемыми ими нормативными правовыми актами и теми решениями, которые необходимы для выполнения поставленных перед ними задач. Происходит ограничение принципа гласности¹ в деятельности органов государственной безопасности и тем самым общественность лишается возможности в получении полной и объективной информации, которая была бы им необходима для оценки деятельности этой силовой структуры. Более того, полноценный государственный контроль за функционированием ФСБ России не имеют возможности осуществить даже органы государственной власти. Государственный контроль вправе проводить только Президент Российской Федерации в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 10 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации», так как именно он назначает на должность руководителей федеральных органов исполнительной

власти, ведающих вопросами безопасности государства.

Казалось бы, что ФСБ России действует в рамках правового поля, так как ч. 2 ст. 2 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» предусматривает факт того, что в области обеспечения безопасности государства общественный контроль осуществляется в рамках «соответствующих» федеральных законов. Однако до настоящего времени такой закон не принят.

Проблемами общественного контроля за деятельностью ФСБ России являются: отсутствие детального перечня объектов контроля; нет закрепления полномочий субъектов, выполняющих контрольную функцию; не определен алгоритм использования форм общественного контроля. Полагаем, что все эти вопросы должны найти разрешение в качестве дополнения в федеральный закон, регламентирующий общественный контроль в Российской Федерации.

В рассматриваемом силовом органе 12 мая 2007 г.² создан Общественный совет, целью которого является объединение интересов граждан Российской Федерации с органами ФСБ России при осуществлении их деятельности. К сожалению, в числе задач этого общественного органа также не определено такое направление, как осуществление общественного контроля за антикоррупционной деятельностью ФСБ России. Позитивным моментом является то, что Общественный совет вправе делать запросы в органы безопасности для представления ему разъяснений и материалов, не содержащих государственной тайны и не имеющих гриф «для служебного пользования», а также привлекать сотрудников этого силового органа в качестве консультантов при функционировании этого Совета.

Информационный ресурс ФСБ России в рамках противодействия коррупции, по сравнению с сайтом МВД России, напол-

¹ Бесспорно, мы полностью согласны с мнением законодателя о соблюдении, например, принципов конспирации и негласных методов и средств оперативно-розыскной деятельности органов федеральной службы безопасности. Однако думается, что вопросы, связанные с противодействием коррупции в ФСБ России, должны быть доступны для общественности и активной работы Общественного совета, созданного при рассматриваемом силовом ведомстве.

² Приказ Федеральной службы безопасности России от 12 мая 2007 г. № 235 «Об образовании Общественного совета при Федеральной службе безопасности России».

нен ограниченной информацией, которая, по-нашему мнению, существенно лишает субъектов общественного контроля осуществлять контрольную функцию.

Таким образом, институт общественного контроля в сфере противодействия коррупции в воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации и органах ФСБ России нуждается в дополнительном нормативно-правовом регулировании, что позитивно отразится на борьбе с коррупционными проявлениями в рассмотренных силовых структурах Российской Федерации.

Библиография

1. Глухов, Е.А. О необходимости общественного контроля в армии / Е.А. Глухов // Военное право. — 2017. — № 5 (45). — С. 5—13.
2. Тепляшин, И.В. Общественные советы в системе субъектов общественного контроля / И.В. Тепляшин // Государственная власть и местное самоуправление. — 2019. — № 9. — С. 3—10.
3. Тепляшин, И.В. Участие институтов гражданского общества в формировании общественных советов при органах государственной власти: основные способы и некоторые проблемы / И.В. Тепляшин // Российская юстиция. — 2018. — № 3. — С. 57—65.

Организационно-правовые аспекты функционирования территориальной системы медицинского обеспечения войск (сил)

© Сидорчук Сергей Николаевич,
кандидат медицинских наук, доцент кафедры инфекционных болезней (с курсом медицинской паразитологии и тропических заболеваний), полковник медицинской службы, ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова» Минобороны России

© Карякин Сергей Сергеевич,
кандидат медицинских наук, преподаватель кафедры инфекционных болезней (с курсом медицинской паразитологии и тропических заболеваний), подполковник медицинской службы, ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова» Минобороны России

Аннотация. В целях успешного и активного развития системы медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, а также комплексного подхода к решению актуальных задач, продолжается формирование правовой базы функционирования медицинской службы в рамках реализации федеральных законов.

На современном этапе медицинское обеспечение рассматривается как комплексная система мер медицинского, научного, педагогического, воспитательного и административно-управленческого характера по сохранению и укреплению здоровья военнослужащих, предупреждению заболеваний и боевых поражений личного состава, а также успешному лечению раненых (пострадавших) и больных в целях восстановления боеспособности (трудоспособности). Структурно и функционально территориальная система медицинского обеспечения войск представляет собой совокупность зон (районов) ответственности, объединенных и координируемых единым органом военного управления.

В данной статье проанализированы нормативно-правовые аспекты функционирования территориальной системы медицинского обеспечения войск (сил) и обоснована целесообразность разработки типового проекта приказа командующего войсками военного округа (Северного флота) «О территориальной системе медицинского обеспечения на территории военного округа (Северного флота)».

Ключевые слова: организация оказания медицинской помощи, медицинское обеспечение, территориальная система, военный округ, военный госпиталь, военно-медицинское подразделение, медицинская организация.

Organizational and legal aspects of the functioning of the territorial system of medical support for troops (forces)

© Sidorchuk S.N.,
colonel of the Medical Service, Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Infectious Diseases (with a course of medical parasitology and tropical diseases) Military Medical Academy named after S.M. Kirov of the S.M. Kirov" Ministry of Defense of the Russian Federation

© Karyakin S.S.,

lieutenant colonel of medical service, Candidate of Medical Sciences, Lecturer of the Department of Infectious Diseases (with a course of medical parasitology and tropical diseases) Military Medical Academy named after S.M. Kirov of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Annotation. In order to successfully and actively develop the medical support system of the Armed Forces of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Armed Forces of the Russian Federation), as well as an integrated approach to solving urgent problems, the formation of a legal framework for the functioning of the medical service continues as part of the implementation of federal laws.

At the present stage, medical support is considered as a complex system of measures of a medical, scientific, pedagogical, educational, administrative and managerial nature to preserve and improve the health of military personnel, prevent diseases and combat injuries of personnel, as well as successful treatment of the wounded (injured) and sick in order to restore combat capability (capacity for work). Structurally and functionally, the territorial system of medical support for troops is a set of zones (areas) of responsibility, united and coordinated by a single body - the military command and control body.

This article analyzes the regulatory and legal aspects of the functioning of the territorial system of medical support for troops (forces) and substantiates the feasibility of creating a standard draft order of the commander of the military district (Northern Navy) "On the territorial system of medical support on the territory of the military district (Northern Navy)".

Key words: organization of medical care, medical support, territorial system, military district, military hospital, military medical unit, medical organization.

Непрерывное повышение качества медицинской помощи и эффективности лечебных мероприятий, активное внедрение новых технологий в условиях ограниченного бюджета и оптимального использования ресурсов лежат в основе стратегии развития государственной системы здравоохранения Российской Федерации.

Медицинская служба Вооруженных Сил является составной частью государственной системы здравоохранения страны и осуществляет свою деятельность в соответствии с основами законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан. В целях успешного и активного развития системы медицинского обеспечения Вооруженных Сил продолжается формирование нормативной правовой базы функционирования медицинской службы. Совершенствованию организации оказания медицинской помощи уделяется повышенное внимание, о чем свидетельствует принятие новых федеральных законов и постановлений Правительства Российской Федерации, приказов Минздрава России и Минобороны России, регламентирующих

оказание медицинской помощи в Вооруженных Силах¹.

Согласно ч. 1 ст. 37 Федерального закона от 21 ноября 2011г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» с 1 января 2013 г. медицинская помощь организуется и оказывается в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, обязательными для исполнения на территории Российской

¹ Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 2 (283). С. 30—37; Тришкин Д.В. Медицинское обеспечение Вооруженных сил Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции и частичной мобилизации: итоги деятельности и задачи на 2023 год // Военно-медицинский журнал. 2023. №1. С. 4—24; Холиков И.В., Леонов Т.М. Характеристика правового регулирования осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области качества и безопасности медицинской деятельности военно-медицинских организаций // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 83—89.

Федерации всеми медицинскими организациями, а также на основе стандартов медицинской помощи. Порядок оказания медицинской помощи разрабатывается по отдельным ее видам, профилям, заболеваниям или состояниям (группам заболеваний или состояний) и включает в себя: 1) этапы оказания медицинской помощи; 2) правила организации деятельности медицинской организации (ее структурного подразделения, врача); 3) стандарт оснащения медицинской организации, ее структурных подразделений; 4) рекомендуемые штатные нормативы медицинской организации, ее структурных подразделений; 5) иные положения, исходя из особенностей оказания медицинской помощи. Так, например, оказание медицинской помощи гражданам Российской Федерации при инфекционных заболеваниях регламентировано приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 31 января 2012 г. № 69н «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи взрослым больным при инфекционных заболеваниях».

В тоже время ст. 25 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определила, что порядок организации медицинской помощи военнослужащим и приравненным к ним лицам устанавливается Правительством Российской Федерации, особенности организации оказания медицинской помощи военнослужащим и приравненным к ним лицам устанавливаются федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба или приравненная к ней служба. При этом особенности охраны здоровья военнослужащих определяются законодательством Российской Федерации, регламентирующим деятельность этих органов.

Согласно ст. 17.1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» медицинская помощь военнослужащим в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооружённых Сил, других войск, воинских формирований и органов в местах их постоянной дислокации ока-

зывается в соответствии с порядком организации медицинской помощи военнослужащим, устанавливаемым Правительством Российской Федерации, в соответствии с утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, порядками оказания медицинской помощи, с учетом стандартов медицинской помощи, утверждаемых указанным федеральным органом исполнительной власти¹.

Основные принципы и направления совершенствования медицинского обеспечения, вытекающие из концепции строительства Вооружённых Сил, требуют уточнения и развития с учетом изменения военно-политической и экономической обстановки. По мнению некоторых авторов, внедряемая с 2001 г. территориальная система медицинского обеспечения (ТСМО) войск (сил), на практике имеет ряд недостатков, серьезным из которых является игнорирование особенностей видов и родов войск Вооружённых Сил². Нередко военно-медицинские подразделения (части) центрального подчинения обеспечиваются по остаточному принципу, не имеют дополнительных средств снабжения, как это было до введения системы ТСМО. Как предполагалось при оптимизации системы медицинского обеспечения Вооружённых Сил, ТСМО должна представлять собой совокупность зон ответственности, объединенных общим управлением. Опираясь на рациональное использование всех подчиненных медицинских сил и средств, относительную децентрализацию управления медицинской службы, эта система должна была повысить устойчивость, оперативность и надежность медицинского обеспечения войск, находящихся в соответствующей зоне ее ответственности с учетом особенностей предназначения каждого во-

¹ Большакова В.М., Енгибарян Г.В., Наумов П.Ю. Указ. соч.

² Востриков А.Л., Романова Л.Н. Теоретические основы и направления совершенствования медицинского обеспечения ВС РФ // Вестник НИЦ ВА РВСН. 2022. № 4. С.85—89.

инского формирования. Реально же на практике соблюдение принципа ТСМО не привело к увеличению мобилизационных возможностей в соответствующих зонах ответственности, то есть не позволило быстро развивать военно-медицинскую инфраструктуру с учетом создаваемых группировок войск с разным типом подчиненности вышестоящим штабам. Напротив, резко обострились вопросы комплектования медицинской службы личным составом и оснащенности ее техникой и имуществом. К сожалению экспертов, в настоящее время этот принцип реализуется на функциональной основе. В основном в Вооруженных Силах медицинское обеспечение осуществляется на основе территориального принципа при постоянном взаимодействии с медицинскими организациями (с 2011 г.), органами управления Минобороны России, органами управления министерств и комитетов здравоохранения субъектов Российской Федерации и органами управления здравоохранения местных администраций. Особо неприемлемым территориальный принцип оказался при организации медицинского обеспечения отдаленных гарнизонов. И, наконец, недопустимым, по мнению авторов, является принцип оптимизации управления системой медицинского обеспечения¹.

В период с 2015 г. по 2020 г. в Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова выполнена работа в рамках индивидуальных заданий при откомандировании врачей-специалистов в составе групп усиления в воинские части (учебные центры) и военно-медицинские организации военных округов и Северного флота (СФ) с целью обеспечения эффективной работы медицинской службы по снижению заболеваемости личного состава Вооруженных Сил². Изучены законодательные акты, регламен-

тирующие организацию оказания медицинской помощи военнослужащим, действующие приказы командующих войсками военных округов и Северного флота, раскрывающие функционирование территориальной системы медицинского обеспечения войск в пределах военного округа (флота). Используются логико-интуитивные методы; методы, основанные на экспертном оценивании и метод системного анализа.

Особенности организации оказания медицинской помощи в медицинских (военно-медицинских) подразделениях, медицинских воинских частях и организациях Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов управления определяются Минобороны России, федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными в области управления другими войсками, воинскими формированиями и органами. Минобороны России устанавливаются случаи и порядок оказания медицинской помощи личным составом медицинских (военно-медицинских) подразделений, частей и медицинских (военно-медицинских) организаций Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов:

1) вне мест постоянной дислокации этих подразделений, частей и организаций при выполнении военнослужащими задач в условиях, военного времени, ведения военных (боевых) действий, выполнения боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны;

2) при дислокации этих организаций, частей и подразделений за пределами территории Российской Федерации.

Правительство Российской Федерации своим постановлением от 1 декабря 2020 г. № 1980 утвердило правила организации медицинской помощи военнослужащим Вооруженных Сил, воинских формирований и органов, а также гражданам, призванным на военные сборы, в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил, воинских формирований и органов в местах их постоянной

¹ Там же.

² Жданов К.В., Сидорчук С.Н., Захаренко С.М., Потехин И.В. Опыт организационно-методической и практической работы врачей-специалистов групп усиления в военно-медицинских подразделениях и организациях Министерства обороны Российской Федерации // Вестник Российской Военно-медицинской академии. 2018. Т. 20. № 4. С. 142—148.

дислокации и в военно-медицинских частях и организациях¹

С введением в действие с 1 января 2017 г. Руководства по медицинскому обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации в мирное время, утвержденного приказом заместителя Министра обороны Российской Федерации от 25 ноября 2016 г, в качестве альтернативы утвержденным Минздравом России «Порядкам оказания медицинской помощи...» разработаны под руководством главных медицинских специалистов Минобороны России и утверждены начальником Главного военно-медицинского управления Минобороны России (ГВМУ) электронные приложения к Руководству по медицинскому обеспечению методические рекомендации по организации медицинской помощи в Вооруженных Силах по профилям, организации лабораторной, лучевой и функциональной диагностики, а также организации работы медицинского отряда специального назначения (структурного подразделения военного клинического госпиталя округа (флота).

Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 518-ФЗ² внесены изменения в Федеральный закон «Об обороне» и ст. 38 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Целью закона является установление особенностей медицинского обеспечения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов при выполнении ими задач в условиях военного времени, ведении военных (боевых) действий,

¹ Постановление правительства Российской Федерации от 1 декабря 2020 г. № 1980 «Об утверждении Правил организации медицинской помощи военнослужащим Вооруженных Сил Российской Федерации, воинских формирований и органов и гражданам, призванным на военные сборы, в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, воинских формирований и органов в местах их постоянной дислокации и в военно-медицинских частях и организациях».

² Научно-практический комментарий к указанному Федеральному закону дан в статье: Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 8. С. 28—32.

выполнении боевых (учебно-боевых), служебно-боевых (оперативно-служебных) задач в области обороны. Указанным федеральным законом предусматривается, что деятельность медицинских (военно-медицинских) подразделений Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов (медицинские пункты, корабельные медицинские службы, медицинские взводы, медицинские роты, медицинские отряды, медицинские отряды специального назначения, госпитальные суда, мобильные медицинские группы) будет осуществляться без лицензирования. Оказание медицинской помощи военнослужащим в медицинских (военно-медицинских) подразделениях в местах постоянной дислокации этих подразделений осуществляется в соответствии с Порядком организации медицинской помощи военнослужащим, устанавливаемым Правительством Российской Федерации, порядками оказания помощи и с учётом стандартов медицинской помощи. Особенности организации оказания медицинской помощи военнослужащим и приравненным к ним лицам в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов будут установлены соответствующими федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба. Эти нормы соответствуют положениям Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Случаи и порядок оказания медицинской помощи в специфических условиях, а именно вне мест постоянной дислокации медицинских (военно-медицинских) организаций, частей и подразделений или дислокации этих организаций, частей и подразделений за пределами территории Российской Федерации, равно как и порядок применения не зарегистрированных в нашей стране лекарственных препаратов и медицинских изделий, будут установлены Минобороны России.

Понятие «медицинская помощь» нормативно определено в Федеральном законе

«Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг. И хотя в научных кругах существуют различные точки зрения в отношении данного понятия, очевидно, что оно не тождественно понятию «медицинское обеспечение».

В соответствии с Руководством по медицинскому обеспечению, медицинское обеспечение Вооруженных Сил представляет собой систему организационных, лечебно-профилактических мероприятий, санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, а также мероприятий по обеспечению медицинским имуществом воинских частей, проводимых в целях сохранения и укрепления здоровья личного состава Вооруженных Сил, своевременного оказания медицинской помощи контингентам, имеющим законодательное право, их лечение и восстановление трудоспособности и боеспособности. Медицинское обеспечение Вооруженных Сил является видом всестороннего обеспечения, организуется органами управления медицинской службой, осуществляется военно-медицинскими подразделениями, частями и организациями. Наименование «Медицинское обеспечение военнослужащих» дополнительно включено Указом Президента Российской Федерации от 1 февраля 2021 г. № 63 в Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (УВС ВС РФ). Так, в ст. 342 УВС ВС РФ медицинское обеспечение военнослужащих определено как комплекс мероприятий организационного и медицинского характера, осуществляемых командованием воинских частей, органами управления медицинской службой, военно-медицинскими организациями, медицинскими частями и медицинскими пунктами в целях сохранения и укрепления здоровья военнослужащих, своевременного оказания им медицинской помощи, восстановления их трудоспособности и боеспособности.

На современном этапе медицинское обеспечение рассматривается как ком-

плексная система мер медицинского, научного, педагогического, воспитательного и административно-управленческого характера по сохранению и укреплению здоровья военнослужащих, предупреждение заболеваний и боевых поражений личного состава, а также успешное лечение раненых и больных в целях восстановления боеспособности¹. Медицинское обеспечение военнослужащих включает в себя реализацию санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий, проведение медицинских осмотров и медицинских обследований, диспансеризации, медицинских экспертиз (освидетельствований), медико-психологической реабилитации военнослужащих, оказание им медицинской помощи, в том числе проведение диспансерного наблюдения и медицинской реабилитации, изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), обеспечение военнослужащих лекарственными препаратами для медицинского применения и медицинскими изделиями, а также медицинский контроль за состоянием здоровья личного состава, изучение условий военной службы и быта военнослужащих, выявление факторов, отрицательно влияющих на их здоровье.

Организация медицинского обеспечения проводится начальниками медицинской службы воинских формирований в соответствии с климатическими, географическими и санитарно-эпидемическими особенностями районов дислокации и действий войск (сил), а также с учётом состояния здоровья и характера заболеваемости личного состава. Формы и методы медицинского обеспечения определяются в зависимости от экономических возможностей общества, организации Вооруженных Сил, их вооружения и технического оснащения, уровня развития медицинской науки, применяемого противоборствующими сторонами оружия, способов ведения боевых действий, величины, структуры санитарных потерь и остальных факто-

¹ Востриков А.Л., Романова Л.Н. Указ. соч.

ров оперативной, тыловой и медицинской обстановки.

В соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 16 января 2006 г. № 20 «Об организации оказания медицинской помощи в военно-медицинских подразделениях, частях и учреждениях Министерства обороны Российской Федерации» и Руководством по медицинскому обеспечению оказания медицинской помощи военнослужащим Вооруженных Сил (и другим приравненным категориям) организовано в соответствии с принципами единой, многоуровневой ТСМО¹.

ТСМО — автономное и полноценное медицинское обеспечение действий войск (сил) на определенной территории организационно оформленным объединением региональных сил и средств медицинской службы. Система предназначена для максимального приближения медицинской помощи непосредственно на местах к нуждающимся в ней.

Оказание медицинской помощи военнослужащим в военных медицинских подразделениях, частях и организациях осуществляется независимо от их подчиненности. Основой построения ТСМО является военно-административное деление России на военные округа (направления, регионы)². Система организации медицинской помощи в Вооруженных Силах предусматривает уровни оказания медицинской помощи³:

— первый уровень: военно-медицинские подразделения — медицинская служба воинских частей (военных об-

разовательных организаций), корабельная медицинская служба, медицинский взвод, медицинская рота воинской части (соединения), медицинский пункт, нештатная мобильная медицинская группа;

— второй уровень: военно-медицинские части (организации) окружного подчинения — отдельный медицинский отряд, отдельный медицинский батальон, отдельный медицинский батальон РВСН, отдельный медицинский отряд (аэромобильный) ВДВ, гарнизонные и базовые госпитали, военный (военно-морской) клинический госпиталь округа (флота), медицинский отряд специального назначения, госпитальное судно;

— третий уровень: военно-медицинские организации центрального подчинения, находящиеся в Москве и Санкт-Петербурге, — ФГБУ «Главный военный клинический госпиталь имени Н.Н. Бурденко» Минобороны России; ФГБУ «Национальный медицинский центр высоких медицинских технологий — Центральный военно-клинический госпиталь имени А.А. Вишневого» Минобороны России; ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова» Минобороны России и санаторно-курортные организации.

Организация оказания медицинской помощи в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 16 января 2006 г. № 20 в военно-медицинских подразделениях, частях и организациях Минобороны России возлагается на командующих войсками военных округов (флотов) по согласованию с заинтересованными центральными органами военного управления.

В каждой военно-административной единице Вооруженных Сил приказом командующих войсками округов (Северного флота) выделены зоны (районы) ответственности.

Зоны (районы) ответственности представляют собой заблаговременно подготовленную часть территории военного округа (направления, региона) с находящимися на ней силами и средствами медицинской службы, которые будут использованы для медицинского обеспечения вой-

¹ Приказ Министра обороны Российской Федерации от 16 января 2006 г. № 20 «Об организации оказания медицинской помощи в военно-медицинских подразделениях, частях и учреждениях Министерства обороны Российской Федерации».

² Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 177 «Об утверждении Положения о военном округе Вооруженных Сил Российской Федерации».

³ Крючков О.А., Мираславская Г.А. Медицинская служба Вооруженных Сил Российской Федерации: особенности развития за последние два десятилетия // Известия Российской Военно-медицинской академии. 2019. Т. 38. № 3. С. 241—247.

сковых (флотских) группировок, дислоцированных на данной территории. В каждой зоне ответственности должны быть обеспечены: полноценное оказание всех установленных законом видов и форм медицинской помощи, осуществляемых в различных условиях (вне медицинской организации, амбулаторно и стационарно); проведение мероприятий санитарно-эпидемиологического надзора и противоэпидемической защиты войск; снабжение войск и медицинских подразделений, частей и организаций медицинским имуществом по основной номенклатуре. В каждой из зон ответственности определяется базовая военно-медицинская организация (независимо от подчиненности), на которую возлагается организация и проведение мероприятий медицинского обеспечения личного состава по территориальному принципу.

Нами проведен сравнительный анализ действующих в настоящее время приказов командующих войсками военных округов (Северного флота) и выявлен, на наш взгляд, ряд недостатков, которые затрудняют планирование, организацию медицинского обеспечения и его эффективность в масштабе Вооруженных Сил (см. приложение к статье). Так, при анализе текстовой формы соответствующих документов отмечается отсутствие единообразия в перечне обрабатываемых вопросов медицинского обеспечения военно-административных единиц. Разнятся названия, цели, задачи, периодичность и сроки подачи соответствующих приказов. Подлежит единой структуризации распорядительная часть текста: перечисление предписываемых действий, комплекс мероприятий организационного и медицинского характера с указанием исполнителя каждого действия и сроков исполнения, порядок доведения, контроля за его исполнением. Перечень и содержание приложений также требуют уточнения, формирования единого списка и названий, с целью недопущения дублирования информации, отраженной в других руководящих документах.

Кроме того, практикуется разработка и функционирование приказов об организа-

ции ТСМО личного состава войсковых частей (других «льготных» категорий) на территории отдельных гарнизонов соответствующими начальниками гарнизонов.

В частности, обращает на себя внимание приказ начальника Санкт-Петербургского территориального гарнизона — командующего войсками Западного военного округа (ЗВО) от 28 мая 2018 г. № 12, который определяет зону (район) ответственности и порядок медицинского обеспечения на территории Санкт-Петербургского территориального гарнизона.

Организация оказания медицинской помощи в военно-медицинских организациях Минобороны России, дислоцированных в городе Москве в соответствии с приказом Министра обороны Российской Федерации от 16 января 2006 г. № 20 возлагается на ГВМУ МО РФ (приказ начальника ГВМУ МО РФ от 13 октября 2017 г. № 111 «Об утверждении Положения по организации медицинской помощи в военно-медицинских организациях Министерства обороны Российской Федерации, дислоцированных в городе Москве и Московской области»). В то же время приказа командующего войсками ЗВО применительно ко всему округу не предусмотрено.

Приказ Министра обороны Российской Федерации от 18 июня 2020 г. № 260 «Об установлении особенностей организации оказания медицинской помощи в медицинских (военно-медицинских) подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации» устанавливает особенности организации оказания медицинской помощи на догоспитальном этапе — в медицинских (военно-медицинских) подразделениях соединений, воинских частей Вооруженных Сил — медицинских взводах, медицинских пунктах, медицинских ротах, корабельных медицинских службах, медицинских отрядах, медицинских батальонах, медицинских отрядах специального назначения, мобильных медицинских группах и на госпитальных судах. Командующие войсками военных округов и Северного Флота организуют оказание медицинской помощи в военно-медицинских подразделениях на территории вверенных

военно-административных единиц Вооруженных Сил. Командиры воинских частей организуют оказание медицинской помощи в подчиненных военно-медицинских подразделениях.

Условия и объем оказания медицинской помощи в военно-медицинских подразделениях определяются наличием в них соответствующих структурных подразделений, специалистов и специального медицинского оборудования.

Для оказания медицинской помощи военнослужащие обращаются в военно-медицинское подразделение соединения (воинской части), в котором они проходят службу или на которое возложено медицинское обеспечение их воинской части. Порядок обращения военнослужащих за медицинской помощью определен УВС ВС РФ.

Организация оказания медицинской помощи в военно-медицинском подразделении, в том числе организация круглосуточного дежурства медицинских работников в нем для оказания медицинской помощи в экстренной и неотложной формах, оказания медицинской помощи медицинскими работниками подразделения на дому, выделения санитарного автомобиля для обеспечения медицинской эвакуации и транспортировки пациентов, обеспечения пациентов лекарственными препаратами и медицинскими изделиями, определяется приказом соответствующего командира воинской части. При отсутствии возможности оказания пациентам, в том числе находящимся на лечении в медицинском пункте (объединенном медицинском пункте), необходимой медицинской помощи в экстренной или неотложной форме в военно-медицинском подразделении организуется их медицинская эвакуация в военно-медицинскую часть или организацию, иную медицинскую организацию государственной системы здравоохранения или муниципальной системы здравоохранения. Командир (начальник) военно-медицинского подразделения в соответствии с приказом командира воинской части (начальника гарнизона в случае создания объединенного медицинского пункта) организует медицинскую эвакуацию с

проведением во время транспортировки пациента мероприятий по оказанию медицинской помощи, в том числе с применением медицинского оборудования. В медицинском пункте (объединенном медицинском пункте) / медицинской роте организуется оказание медицинской помощи военнослужащим в стационарных условиях со сроками лечения до 14 дней. Перечень заболеваний, состояний (групп заболеваний, состояний), при которых медицинская помощь оказывается в медицинском пункте (объединенном медицинском пункте) в стационарных условиях, определяется начальником ГВМУ МО РФ. Начальник медицинского пункта (объединенного медицинского пункта) организует направление пациентов, длительность лечения в стационарных условиях которых превышает срок, указанный в абзаце первом настоящего пункта, пациентов с заболеваниями и состояниями, не включенными в Перечень заболеваний, и пациентов, которым медицинская помощь в стационарных условиях не может быть оказана в медицинском пункте (объединенном медицинском пункте) в связи с отсутствием структурных подразделений соответствующего профиля, специалистов или специального медицинского оборудования, для оказания медицинской помощи в стационарных условиях в военно-медицинскую организацию, иную медицинскую организацию государственной системы здравоохранения или муниципальной системы здравоохранения.

Военно-медицинское подразделение имеет участок ответственности за обеспечение доступности и качества медицинской помощи военнослужащим. Участком ответственности военно-медицинского подразделения являются места постоянной дислокации и (или) временного размещения управления, основных подразделений и подразделений обеспечения воинской части, в штат которого включено наименование этого военно-медицинского подразделения. В случаях, когда на воинскую часть возложено медицинское обеспечение другой воинской части (обособленно расположенного структурного подразделения другой воинской части), к участку ответ-

ственности её военно-медицинского подразделения относятся места постоянной дислокации и (или) временного размещения управления, основных подразделений и подразделений обеспечения другой воинской части (обособленно расположенного структурного подразделения другой воинской части). При размещении соединений, воинских частей и организаций в местах постоянной дислокации, участки ответственности нескольких военно-медицинских подразделений, расположенных в одном военном городке, при необходимости, функционально объединяются в один, с созданием объединенного военно-медицинского подразделения. Объединение участков ответственности военно-медицинских подразделений двух и более воинских частей, входящих в состав одного объединения (соединения), должно осуществляться приказом командующего объединением (командира соединения). Объединение участков ответственности военно-медицинских подразделений двух и более воинских частей, имеющих принадлежность к разным родам и видам войск (сил), или не входящих в состав одного соединения (объединения), должно осуществляться приказом начальника гарнизона соединения). Для военно-медицинского подразделения, имеющего участок ответственности, военнослужащие являются прикрепленным контингентом. Основанием для прикрепления военнослужащего к военно-медицинскому подразделению для оказания медицинской помощи является приказ командира воинской части, в штат которой включено наименование военно-медицинского подразделения, о зачислении военнослужащего в списки личного состава (временном прибытии военнослужащего в воинскую часть).

Оказание медицинской помощи в военно-медицинских организациях (военных госпиталях) организуется по территориальному принципу. В зависимости от задач, решение которых возлагается на военный госпиталь в территориальной системе медицинского обеспечения Вооруженных Сил, он выполняет функцию гарнизонного, базового или военного (военно-

морского) клинического госпиталя военного округа / флота. Организация работы военного госпиталя регламентирована Руководством по организации работы военного госпиталя в мирное время (2019), утвержденным начальником ГВМУ МО РФ. В Руководстве изложена организация работы военных госпиталей в мирное время. Деятельность амбулаторно-поликлинического структурного подразделения (поликлиники) военного госпиталя, и структурного подразделения, предназначенного для оказания медицинской помощи вне медицинской организации, регламентируется Руководством по организации работы военного госпиталя и Руководством по организации работы медицинского отряда специального назначения соответственно. Действие Руководства по организации работы военного госпиталя распространяется на военные, военно-морские клинические и военные клинические госпитали, на их филиалы и обособленные структурные подразделения с койками для круглосуточного пребывания пациентов. В части, касающейся организации оказания медицинской помощи пациентам в стационарных условиях, действие Руководства распространяется на медицинские воинские части (отдельные медицинские отряды и отдельные медицинские батальоны).

Целями функционирования военного госпиталя в территориальной системе медицинского обеспечения являются обеспечение доступности и качества медицинской помощи в зоне (районе) его ответственности. Для достижения этих целей, военный госпиталь наделяется полномочиями по осуществлению ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности в военно-медицинских организациях лечебного профиля, медицинских воинских частях и медицинских подразделениях войскового звена, дислоцирующихся на территории зоны (района) его ответственности.

Гарнизонный военный госпиталь — это военно-медицинская организация лечебного профиля, для которой установлен район ответственности в пределах территориальных границ одного военного гарнизона. В некоторых случаях, район ответ-

ственности гарнизонного госпиталя может включать в себя территории двух-трёх соседних военных гарнизонов. На гарнизонный госпиталь возлагается обеспечение доступности и качества медицинской помощи в районе его ответственности, а также осуществление ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности в медицинских воинских частях и медицинских подразделениях войскового звена, дислоцирующихся в этом районе. Гарнизонный госпиталь осуществляет медицинскую деятельность на основании лицензии, выданной военному (военному (военно-морскому) клиническому) госпиталю (ВКГ / ВМКГ), филиалом (структурным подразделением) которого он является. Как правило, гарнизонный военный госпиталь является филиалом (структурным подразделением) окружного (флотского) или базового госпиталя, не имеет собственного номера и не обладает статусом юридического лица. Организационная структура гарнизонного госпиталя определяется штатом ВКГ (ВМКГ), филиалом (структурным подразделением) которого он является; как исключение — собственным штатом. Гарнизонные госпитали, являющиеся самостоятельными юридическими лицами, медицинскую деятельность осуществляют на основании лицензий, выданных им в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Базовый военный госпиталь — это военно-медицинская организация лечебного профиля, для которой установлена зона ответственности в пределах территориальных границ двух и более военных гарнизонов. Зона ответственности базового госпиталя включает в себя его собственный район ответственности (как правило, в пределах границ одного территориального местного гарнизона) и районы ответственности гарнизонных госпиталей, дислоцирующихся на территории зоны ответственности (в том числе не являющихся его филиалами и (или) структурными подразделениями). На базовый военный госпиталь возлагается обеспечение доступности и качества медицинской помощи в зоне ответственности, а также осуществление ве-

домственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности в гарнизонных госпиталях, медицинских воинских частях и медицинских подразделениях войскового звена, дислоцирующихся на территории зоны его ответственности. Базовый госпиталь, как правило, имеет собственный номер, филиалы и обособленные структурные подразделения и является самостоятельным юридическим лицом. Организационная структура базового госпиталя определяется штатом. Организационную структуру базового госпиталя, который является филиалом военного (военно-морского) клинического госпиталя, определяет штат военного (военно-морского) клинического госпиталя.

ВКГ (ВМКГ) — это военно-медицинская организация лечебного профиля, зона ответственности которой соответствует военно-административному делению Российской Федерации на военные округа. В штате ВКГ (ВМКГ) указано определение «военного округа / флота». ВКГ (ВМКГ), в штате которых не указано определение «военного округа / флота», являются базовыми, независимо от их конечной ёмкости. Зона ответственности окружного ВКГ включает в себя его собственный район ответственности (как правило, в пределах границ одного территориального местного гарнизона), районы ответственности гарнизонных госпиталей, зоны ответственности базовых госпиталей (в т.ч. не являющихся его филиалами и структурными подразделениями), а также зону ответственности флотского военного госпиталя (кроме 354 военного клинического госпиталя). Зона ответственности флотского ВМКГ включает в себя его собственный район ответственности (как правило, в пределах границ одного территориального местного гарнизона), зоны и районы ответственности его филиалов и структурных подразделений (базовых и гарнизонных госпиталей), а также морскую (океанскую) зону ответственности (в пределах границ морской (океанской) зоны ответственности флота). На окружной (флотский) военный госпиталь, кроме обеспечения доступности и качества медицинской помощи в зоне ответственности,

также возлагается осуществление ведомственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности во всех базовых и гарнизонных военных госпиталях, медицинских воинских частях и медицинских подразделениях, дислоцирующихся на территории военного округа (находящихся в зоне ответственности флота). Окружной (флотский) госпиталь имеет собственный номер, филиалы, а также обособленные структурные подразделения, в т.ч. предназначенные для оказания медицинской помощи вне медицинской организации, и является юридическим лицом. Организационная структура окружного (флотского) госпиталя определяется его штатом.

Военный госпиталь предназначен для оказания медицинской помощи военнослужащим и другим контингентам граждан, проживающим (пребывающим) в зоне (районе) его ответственности и имеющим законодательное право на получение бесплатной медицинской помощи в военно-медицинских организациях, проведения медицинских экспертиз, медицинских освидетельствований, диспансеризации и медицинских осмотров.

Военнослужащие и другие контингенты граждан, проживающие (пребывающие) в районе (собственном районе) ответственности военного госпиталя и имеющие законодательное право на получение бесплатной медицинской помощи в военно-медицинских организациях, являются для него прикрепленным контингентом. Военнослужащие и другие контингенты граждан, проживающие (пребывающие) в зоне ответственности военного госпиталя и имеющие законодательное право на получение бесплатной медицинской помощи в военно-медицинских организациях, являются для него обслуживаемым контингентом.

При включении военного госпиталя в реестр медицинских организаций, осуществляющих деятельность в сфере обязательного медицинского страхования, медицинские услуги в госпитале могут предоставляться другим категориям граждан Российской Федерации, в том числе не имеющим отношения к военной службе.

Главной задачей военного госпиталя является оказание медицинской помощи пациентам в стационарных условиях.

Современная система медицинского обеспечения должна отвечать следующим требованиям: преемственность, готовность, научная обоснованность, высокая боевая и мобилизационная готовность, относительная автономность, мобильность сил и средств, постоянная готовность части этих сил и средств, управляемость и эффективность. Построение современной системы медицинского обеспечения должно опираться на следующие принципы: комплексный подход к преобразованиям системы, направленный на совершенствование и поддержание ее жизнеспособности, боевой и мобилизационной готовности путем совершенствования лечебно-эвакуационных, лечебно-профилактических, санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, совершенствование уровня медицинского снабжения; техническое перевооружение медицинской службы, укомплектование ее современной автоматизированной системой управления и техникой, внедрение новых медицинских технологий, выделение специального комплекса сил и средств медицинской службы постоянной готовности для обеспечения войск в ходе несения боевого дежурства, ликвидации последствий экстремальных ситуаций; принцип сочетания ведомственного во взаимодействии с территориальным, построения системы медицинского обеспечения с учетом мобилизационного и оперативного развертывания войск¹.

В этой связи, на наш взгляд, первоначальной задачей является создание единой формы приказа командующего войсками военного округа (Северного флота) «О территориальной системе медицинского обеспечения военного округа (Северного флота)» для упорядочивания и отражения

¹ Востриков А.Л., Романова Л.Н. Постановка задачи на разработку методики обоснования предпочтительных направлений и способов совершенствования медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации // Вестник НИЦ ВА ВВСН. 2022. № 4. С.79–84.

основных направлений деятельности по организации медицинского обеспечения в системе ТСМО в своей зоне ответственности. Из обрабатываемых вопросов, определяемых приказом командующего войсками военного округа (Северного флота) и подлежащих урегулированию, следует выделить: указания по периодичности и срокам представления; единообразию по названию, целям, задачам, распорядительной части текста (перечисление предписываемых действий, комплекс мероприятий организационного и медицинского характера с указанием исполнителя каждого действия и сроков исполнения, порядок доведения, контроля за его исполнением); перечню и содержанием приложений.

Библиография

1. Большакова, В.М. Медицинское обеспечение как особый вид обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов: комментарий к статье 17.1 Федерального закона «Об обороне» от 31 мая 1996 года / В.М. Большакова, Г.В. Енгибарян, П.Ю. Наумов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 2 (283). — С. 30—37.
2. Востриков, А.Л. Постановка задачи на разработку методики обоснования предпочтительных направлений и способов совершенствования медицинского обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации / А.Л. Востриков, Л.Н. Романова // Вестник НИЦ ВА РВСН. — 2022. — № 4. — С. 79—84.
3. Востриков, А.Л. Теоретические основы и направления совершенствования медицинского обеспечения ВС РФ / А.Л. Востриков, Л.Н. Романова // Вестник НИЦ ВА РВСН. — 2022. — № 4. — С. 85—89.
4. Жданов, К.В. Опыт организационно-методической и практической работы врачей-специалистов групп усиления в военно-медицинских подразделениях и организациях Министерства обороны Российской Федерации / К.В. Жданов, С.Н. Сидорчук, С.М. Захаренко, И.В. Потехин // Вестник Российской Военно-медицинской академии. — 2018. — Т. 20. — № 4. — С. 142—148. — Doi: 10.17816/bmmal2329
5. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8. — С. 28—32.
6. Крючков, О.А. Медицинская служба Вооруженных Сил Российской Федерации: особенности развития за последние два десятилетия / О.А. Крючков, Г.А. Мираславская // Известия Российской Военно-медицинской академии. — 2019. — Т. 38. — № 3. — С. 241—247. — Doi: 10.17816/rmmar26103
7. Тришкин, Д.В. Медицинское обеспечение Вооруженных Сил Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции и частичной мобилизации: итоги деятельности и задачи на 2023 год / Д.В. Тришкин // Военно-медицинский журнал. — 2023. — № 1. — С. 4—24.
8. Холиков, И.В. Характеристика правового регулирования осуществления федерального государственного контроля (надзора) в области качества и безопасности медицинской деятельности военно-медицинских организаций / И.В. Холиков, Т.М. Леонов // Военное право. — 2022. — № 6 (76). — С. 83—89.

Приложение

Сравнительная характеристика содержания существующих приказов командующих ВО (СФ) «О территориальной системе медицинского обеспечения военного округа (флота)» и вопросов, подлежащих урегулированию, при подготовке типового проекта

Военный округ (флот) / обрабатываемые вопросы, подлежащие урегулированию	ЗВО	ЮОВО	ЦВО	ВВО	СФ
Закрепление зон ответственности	Существуют приказы только по отдельным гарнизонам (Санкт-Петербург, Москва, Московская область и др.)	округ	округ	Округ	округ

Указания по периодичности и срокам представления информации	Приказ по Санкт-Петербургскому гарнизону от 28.05.2018 г. № 12	11.06.2019 г. № 375	22.10.2018 г. № 706	03.10.2018 г. № 484	11.04.2019 г. № 917
	Приказ НГВМУ МО РФ от 13.10.2017 г. № 111				
Ссылка на отменяемый документ	02.02.2016 г. № 5	17.04.2017 г., № 226	07.03.2015 г., № 125	16.03.2015 г., № 122	15.06.2018 г., № 1349
	Указания НГВМУ МО РФ от 15.03.2011 г. № 161/2/2/460 от 27.02.2013 г. №161/2/1/294, от 20.03.2013 г. №161/2/2/460, от 06.06.2013 г. № 161/1/3/2673, от 26.07.2013 г. №161/1/3/3930 от 06.08.2015 г. №161/1/3/8228, от 15.04.2017 г. №161/1/3/3550				
Отметка об ограничении доступа к информации документа	нет	Дсп	нет	Дсп	нет
Название приказа (заголовок)	Об организации медицинской помощи в Санкт-Петербургском территориальном гарнизоне	О территориальной системе медицинского обеспечения войск, дислоцированных на территории ЮВО	О территориальной системе медицинского обеспечения на территории ЦВО	О территориальной системе медицинского обеспечения военного округа	О территориальной системе медицинского обеспечения военнослужащих Северного флота и других категорий граждан, пользующихся правом на медицинское обеспечение в военно-медицинских учреждениях
	Об утверждении Положения по организации медицинской помощи в военно-медицинских организациях Министерства обороны Российской Федерации, дислоцированных в городе Москве и Московской области				
<i>Констатирующая часть (преамбула) текста:</i> цели, задачи, факты и события, послужившие основанием для издания приказа	В соответствии с требованиями федеральных законов от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ, от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ, УВС ВС РФ, приказа МО	В целях повышения качества оказания медицинской помощи всем категориям военнослужащих и лицам, имеющим пра-	В соответствии со статьями 16, 24 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ, ФЗ от 2011 г. 323-ФЗ, по-	В соответствии с требованиями главы 2 РМО, в целях организации медицинского обеспечения войск (сил),	В соответствии с требованиями Федерального законодательства, приказа МО РФ от 16.01.2006 г.

	<p>РФ МО РФ от 16.01.2006 г. № 20, РМО, в целях совершенствования системы оказания медицинской помощи военнослужащим МО РФ и другим категориям граждан, имеющим право на бесплатную медицинскую помощь в военно-медицинских организациях на территории Санкт-Петербургского территориального гарнизона</p>	<p>во на медицинское обеспечение по линии МО РФ, повышения доступности медпомощи, организации действенного санитарно-эпидемиологического надзора, своевременного и бесперебойного снабжения медицинской техникой и имуществом, более экономного использования выделяемых финансовых и материальных средств и в соответствии с РМО ВС РФ на мирное время</p>	<p>становлениями Правительства РФ от 31.12.2004 г. № 911, от 4.07.2013 г. № 565, приказами МО РФ от 1999 г. № 466, от 2006 г. № 20, от 2014 г. № 533, РМО, в целях совершенствования территориальной системы медицинского обеспечения ЦВО, а также создания условий для гарантированного медицинского обеспечения военнослужащих, пенсионеров МО РФ, членов их семей и гражданского персонала законодательно установленными объемами медицинской помощи</p>	<p>дислоцированных на территории Восточного военного округа</p>	<p>№20, РМО, в целях оптимизации использования сил и средств медицинской службы воинских частей (соединений, объединений, организаций), медицинских частей и учреждений, дислоцированных на территории Северного флота</p>
<p><i>Распорядительная часть текста:</i> перечисление предписываемых действий, комплекс мероприятий организационного и медицинского характера с указанием исполнителя каждого действия и сроков исполнения, порядок доведения, контроля за его исполнением</p>	<p>Утвердить Положение о территориальной системе медицинского обеспечения войск в Санкт-Петербургском гарнизоне (приложение к приказу). Ответственность за организацию медпомощи возложить на начальника мед. службы гарнизона-нач. мед. службы ЗВО. Начальнику ВМедА, началь-</p>	<p>Медицинское обеспечение состава воинских частей и учреждений МО РФ, дислоцированных на территории ЮВО организовать по территориальному принципу путем закрепления гарнизонов за ВМО зон (районов) ответственности</p>	<p>Выделить на территории округа зоны и районы территориальной медицинской ответственности Назначить старших медицинских начальников территориальных зон (районов) медицинской ответственности – начальники базовых ВМО</p>	<p>Создать систему управления медицинской службой военного округа. Определить: Органы управления Лечебно-диагностические центры Центры гос. сан.- эпид. надзора Центры обеспечения мед. техникой и имуществом На органы военного</p>	<p>Организовать медобеспечение военнослужащих СФ и др. категорий граждан по территориальному принципу с выделением зон (районов) ответственности ТСМО. Утвердить Положение о ТСМО сил(войск) СФ (приложение к приказу)</p>

	<p>нику 442 ВКГ, начальнику филиала №2 ГНИ-ИВМ МО РФ, нач. медслужб объединений, соединений, воинских частей, организаций МО РФ ежедневно представлять донесения о состоянии военнослужащих, находящихся на лечении в тяжелом состоянии, о поступлении военнослужащих с травмами, отравлениями, острыми инф. Заболеваниями Командующим объединениями, командирам соединений, воинских частей, начальникам ВУЗов и организаций МО РФ, дислоцированных на территории Санкт-Петербургского территориального гарнизона организовать:</p>			<p>управления возложить: Обеспечение высокой боевой и моб. готовности Сбор, обработку и анализ военно-медицинской информации организацию в войсках (на флоте) сан.-эпид. надзора Главных штатных и нештатных специалистов 301 ВКГ определить главными специалистами округа Зоны медицинского обеспечения Районы ответственности</p>	
<p>Приложения к Приказу</p>	<p>Положение о ТСМО войск в Санкт-Петербургском гарнизоне (приложение 1) Приложения к Положению: № 1 - Перечни обязательных</p>	<p>Перечень зон и районов медицинской ответственности в соответствии с пунктами их дислокации (приложение 1) Закрепление</p>	<p>Обязанности старших медицинских начальников, старших медицинских специалистов территориальных зон (районов)</p>	<p>Перечень гарнизонов (военных городков) округа, воинских частей и организаций, закрепленных за военно-медицинскими</p>	<p>Положение о ТСМО сил (войск) СФ (приложение 1)</p>

	<p>лабораторных исследований для плановой госпитализации пациентов в клиники ВМедА № 2 - График доставки биологических проб для лабораторных исследований в ЦКЛД ВМедА № 3- Порядок забора и транспортировки биоматериала в центр клинической лабораторной диагностики ВМедА № 4- Список дорогостоящих лабораторных исследований (тестов) № 5 – Заявка на проведение КТ, МРТ, ОФЭКТ, ПЭТ-КТ № 6- Памятка пациентам, планирующим выполнять КТ № 7- Памятка пациентам, планирующим выполнять МРТ № 8- Памятка пациентам, планирующим выполнять совмещенную позитронно-эмиссионную и компьютерную томографию (ПЭТ-КТ) № 9- Информированное согласие на проведение КТ, в том числе с внутривенным введением контрастных препаратов № 10- Информированное согласие на проведение МРТ, в том числе с внутривенным</p>	<p>воинских частей гарнизонов за военномедицинскими организациями в зоне ответственности (приложение 2) Функциональные обязанности должностных лиц в зоне ответственности (приложение 3) План медицинского обеспечения войск, входящих в зону ответственности, с пояснительной запиской в соответствии с функциональными обязанностями и перечнем отрабатываемых документов (приложение 4) Санитарно-эпидемиологический надзор в воинских частях и организациях на территории военного округа (приложение 6) Снабжение медицинским имуществом и техникой воинских частей и учреждений (независимо от их подчиненности), а также обеспечение лекарственными средствами лиц, имеющих законодательное право на</p>	<p>медицинской ответственности (приложение 1) Объем первичной медицинской санитарной и специализированной медицинской помощи, оказываемой в военных медицинских организациях МО РФ, дислоцированных на территории округа (прил. 2) Перечень воинских частей, закрепленных на медицинское обеспечение к военнo-лечебным учреждениям дислоцированных на территории центрального военного округа (прил. 3) Порядок организации амбулаторно-поликлинической и стационарной медицинской помощи гражданам, имеющим право на бесплатную медицинскую помощь в военных медицинских учреждениях МО РФ на территории округа (приложение 4) Порядок работы с медицинскими</p>	<p>ми учреждениями в зонах (районах) ответственности в территориальной системе медицинского обеспечения (прил. 1) Перечень воинских частей, медицинское обеспечение которых возлагается на медицинские учреждения государственной и муниципальной систем здравоохранения Российской Федерации (приложение 2)</p>	
--	--	---	---	---	--

	<p>введением контрастных препаратов № 11- Информированное согласие на проведение позитронно-эмиссионной и компьютерной томографии (ПЭТ-КТ) и однофотонной эмиссионной КТ (ОФЭКТ)</p>	<p>медицинское обеспечение по линии Министерства обороны Российской Федерации (прил. 7, 8)</p>	<p>организациями (лечебными учреждениями) государственной и муниципальной систем здравоохранения при оказании медицинской помощи военнослужащим (приложение 5) Организация военно-врачебной экспертизы в округе (приложение 6) Организация оказания медицинской помощи больным с психическими расстройствами (прил. 7) Организация оказания медицинской помощи больным туберкулезом (прил. 8) Организация оказания медицинской помощи больным с онкологическими заболеваниями (прил. 9) Организация оказания медицинской помощи больным хроническими вирусными гепатитами и эндокринологическими заболеваниями (прил. 10) Организация оказания акушерско-</p>		
--	---	---	---	--	--

			<p>гинекологической медицинской помощи (приложение 11)</p> <p>Организация оказания стоматологической и ортопедической медицинской помощи (приложение 12)</p> <p>Организация государственного санитарно-эпидемиологического надзора в войсках Центрального военного округа (прил. 13)</p> <p>Организация снабжения медицинской техникой и имуществом (прил. 14)</p>		
--	--	--	--	--	--

Проблемы соблюдения антикоррупционного законодательства военнослужащими в период проведения специальной военной операции

© Сынков Николай Викторович,
преподаватель 25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы соблюдения антикоррупционного законодательства, новеллы в законодательстве, связанные с представлением военнослужащими, лицами, призванными на военную службу по мобилизации, сведений о доходах и расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в период проведения специальной военной операции.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционное законодательство, мобилизация, специальная военная операция, имущество, ограничения и запреты.

Problems of compliance with anti-corruption legislation by military personnel during a special military operation

© Synkov N.V.,
Lecturer of the 25th Department of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Russian Ministry of Defense

Annotation. The article discusses some problems of compliance with anti-corruption legislation, novelties in legislation related to the submission by military personnel, persons called up for military service on mobilization, information on income and expenses, property and property obligations during a special military operation.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption legislation, mobilization, special military operation, property, restrictions and prohibitions

С началом проведения Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции (СВО) значительно усложнился контроль за соблюдением военнослужащими запретов и ограничений, связанных с прохождением военной службы. Этому способствовал тот фактор, что существующий механизм такого контроля, закрепленный в ст. 7.1—8.1, 9—11, 12.1, 12.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон о противодействии коррупции) предполагал предоставление военнослужащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также иные меры по недопущению коррупционных право-

нарушений. Такие сведения предоставлялись, в том числе и в отношении супруги (супруга) военнослужащего и его несовершеннолетних детей, только вот реалии специальной военной операции вскрыли проблемы, которые заключаются в невозможности предоставления указанных сведений определенной категорией лиц. В условиях СВО объективно затруднено представление сведений, подача письменных уведомлений, заявлений и иных материалов по вопросам, связанным с соблюдением антикоррупционных стандартов, участниками СВО и командированными лицами. Вышеуказанные обстоятельства потребовали от законодателя внесения со-

ответствующих изменений и дополнений в антикоррупционное законодательство.

В целях реализации единой государственной политики в области противодействия коррупции и устранения возникших противоречий издан Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 968 «Об особенностях исполнения обязанностей, соблюдения ограничений и запретов в области противодействия коррупции некоторыми категориями граждан в период проведения специальной военной операции».

Данным Указом определен круг лиц, в том числе и военнослужащих, освобожденных от исполнения обязанностей, ограничений и запретов, установленных Законом о противодействии коррупции. К таким категориям военнослужащих отнесены:

1) военнослужащие, принимающие (принимавшие) участие в специальной военной операции или непосредственно выполняющие (выполнявшие) задачи, связанные с ее проведением, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины; лица, направленные (командированные) для выполнения задач на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области, замещающие должности, указанные в Перечне, утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 557, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруг (супругов) и несовершеннолетних детей;

2) военнослужащие, указанные в пункте 1, замещающие должности, не указанные в Перечне, претендующие на замещение должностей федеральной государственной службы, предусмотренных названным Перечнем, в случае если такие

военнослужащие, сотрудники, лица принимают (принимали) участие в СВО или непосредственно выполняют (выполняли) задачи, связанные с ее проведением, на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области и Украины либо если планируется участие таких военнослужащих, сотрудников, лиц в специальной военной операции или непосредственное выполнение ими задач, связанных с ее проведением, на указанных территориях;

3) командированные на указанные территории лица;

4) лица, призванные на военную службу по мобилизации.

Участники СВО принимают участие в боевых действиях или непосредственно выполняют задачи, связанные с ее проведением. Командированным же лицом может быть признано любое лицо независимо от замещаемой им должности. Командированные лица могут выполнять на указанных территориях задачи различного характера, в том числе не связанные напрямую с проведением СВО. Например, задачи по обеспечению жизнедеятельности, включая проведение строительных работ, реализацию образовательных программ, организацию медицинского обслуживания населения и т.д.¹

Действие Указа также распространяется на лиц, направлявшихся в командировку для выполнения каких-либо задач вблизи территорий проведения СВО (например, в Белгородскую, Ростовскую, Орловскую, Курскую области), при условии, что в рамках такой командировки лицо непосредственно въезжало на новые территории и выполняло задачи, предписанные соответствующим приказом. При этом государственным органам, осуществляющим контроль за соблюдением антикоррупционного законодательства, необходимо уделить внимание на наличие документов и мате-

¹ Инструктивно-методические материалы по вопросам реализации Указа Президента Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 96 (письмо Минтруда России от 21 марта 2023 № 28-6/10/П-2161).

риалов, подтверждающих фактическое выполнение задач на новых территориях указанными лицами (например, авансовый отчет, письменное подтверждение руководителя соответствующего государственного органа) или свидетельствующим о наличии оснований для его законного пребывания там (приказ, изданный установленным порядком, определяющий круг обязанностей и полномочий лица и т.д.)¹.

Срок пребывания участников СВО и командированных лиц на соответствующих территориях, дающий право на освобождение от исполнения обязанностей, рассматриваемым Указом не предусмотрен².

При этом Указ не отменяет дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность, установленную законодательством Российской Федерации за совершение коррупционных правонарушений.

Несмотря на это, с принятием Указа возник ряд вопросов, ответы на которые в основном содержатся в письме Минтруда России от 21 марта 2023 г. № 28-6/10/П-2161, однако и оно не раскрывает всей полноты возникших в связи с принятием Указа юридических неточностей.

Остаются открытыми вопросы, связанные с определением сроков предоставления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, предусмотренными Указом категориями лиц. Так, подп. «а» п. 1 Указа гласит, что от обязанностей, установленных в Законе о противодействии коррупции, освобождаются военнослужащие, принимавшие участие в СВО и выполнявшие задачи, связанные с ее проведением. При этом для данной категории лиц не предусмотрен конкретный срок окончания их освобождения от исполнения обязанностей по предоставлению сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Такая формулировка допускает расширительное толкование, что может повлечь совершение указанными военнотру-

жащими коррупционных правонарушений и тем самым нанести ущерб общественным интересам и в целом интересам Российской Федерации в рассматриваемой сфере. В развитие этой мысли можно сказать, что данная норма создает неоправданную реальную необходимость дифференциацию среди военнослужащих, что несомненно приводит не только к пробелам антикоррупционного законодательства, но и создает предпосылки для возникновения межличностных конфликтов внутри воинских коллективов. Предлагается исключить данную категорию лиц из текста Указа с целью избежать перечисленные неблагоприятные последствия.

В отношении лиц, призванных на военную службу по мобилизации, обязанности, ограничения и запреты, предусмотренные Законом о противодействии коррупции, не распространяются вовсе.

Также в подп. «в» п. 1 Указа установлено правило, согласно которому военнослужащие при соблюдении определенных условий освобождаются от обязанностей направлять предусмотренные нормативными правовыми актами Российской Федерации в области противодействия коррупции уведомления, заявления, обращения и другие материалы по вопросам, связанным с исполнением обязанностей, соблюдением ограничений и запретов в этой области, а в подп. «г» этого же пункта отменен запрет на получение такими военнослужащими подарков гуманитарного (благотворительного) характера от физических и юридических лиц.

В отсутствие практики применения указанных норм тяжело прогнозировать, к каким нарушениям приведет такая возможность. При этом ни в Указе, ни в письме Минтруда России не дается легального определения гуманитарных и благотворительных подарков, под видом которых в распоряжение военнослужащих может предоставляться имущество, не носящее такого характера или замаскированное под него. Под мнимостью таких благотворительных подарков в обращении может находиться в том числе и имущество, приобретенное в результате противоправ-

¹ Там же.

² Там же.

ных действий. Такое положение дел требует от законодателя введение правовых норм, определяющих конкретные признаки и критерии отнесения подарков к гуманитарным (благотворительным) в целях единообразного и точного исполнения Указа и антикоррупционных стандартов.

В части освобождения указанных категорий военнослужащих от обязанности направлять предусмотренные Законом о противодействии коррупции уведомления с изъятиями, указанными ранее в настоящем исследовании, положения Указа представляются обоснованными с учетом специфики выполнения задач в ходе СВО.

Таким образом, изданием Указа удалось урегулировать возникшие ввиду начала проведения СВО общественные отношения и решить некоторые проблемные вопросы, связанные с предоставлением военнослужащими, принимающими (принимавшими) участие в специальной воен-

ной операции или непосредственно выполняющими (выполнявшими) задачи на территории специальной военной операции, сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруг (супругов) и несовершеннолетних детей. При этом в Указе имеется ряд правовых норм, формулировки которых допускают их неоднозначное толкование со стороны правоприменителя, что усложняет возможность привлечения нарушителей к установленной законом ответственности, осуществление мероприятий общей и частной превенции, а также неоправданно освобождает от соблюдения антикоррупционных правил и стандартов большой пласт различных категорий лиц, в том числе кадровых военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

К вопросу о правовом регулировании водолазных работ в Росгвардии

© Шеншин Виктор Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева; доцент кафедры уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

Аннотация. В представленном исследовании проводится анализ правового регулирования водолазных работ, проводимых в Росгвардии. Делается вывод о недостаточном правовом регулировании указанных работ.

Ключевые слова: водолазные работы; Росгвардия.

On the issue of legal regulation of diving operations in the Russian Guard

© Shenshin V.M.,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Hero of the Russian Federation General of the Army E.N. Zinichev; Associate Professor of the Department of Criminal and Administrative Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University

Abstract. The presented study analyzes the legal regulation of diving operations carried out in Rosgvardiya. It is concluded that there is insufficient legal regulation of these works.

Keywords: diving operations; Rosgvardiya.

Вопросы нормотворчества в российской водолазной отрасли последних лет имеют наибольшую актуальность, однако, как и во многих других отраслях, отстают от существующей действительности. Причин много, как объективных, так и субъективных, следствие одно — почти все законодательные документы мало соответствуют реалиям и требуют если не полной замены, то, как минимум, кардинального пересмотра либо значительных изменений.

Приказом МЧС России, Минтранса России, Минобороны России, МВД Рос-

сии, Минсельхоза России, Минпромэнерго России, Минздравсоцразвития России, Минэкономразвития России и ФСБ России от 11 апреля 2006 г. № 223/42/152/252/113/72/270/92/143 создана Межведомственная комиссия по водолазному делу, которая обеспечивает проведение согласованной научно-технической политики в водолазном деле, создании водолазных снаряжений, средств обеспечения водолазных спусков и работах методами кратковременных и насыщенных погружений, в том числе между-

народном сотрудничестве в этих направлениях.

Здесь представляется необходимым остановиться на том факте, что в соответствии с подп. «б» п. 14 Указа Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157, подп. 3 п. 20 Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699, абз. третьим п. 7 и абз. третьим п. 7(1) Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009, в целях приведения нормативных правовых актов МВД России в соответствие с законодательством Российской Федерации издан приказ МВД России от 10 января 2023 г. № 2 в соответствии с которым приказы МВД России от 15 февраля 2011 г. № 73 «Об утверждении Правил водолазной службы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» и от 20 февраля 2014 г. № 108 «О внесении изменений в приказ МВД России от 15 февраля 2011 г. № 73 «Об утверждении Правил водолазной службы в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» признаны утратившими силу.

Итак, вместо водолазной службы в системе МВД России стала функционировать водолазная служба Росгвардии с ее нормативным регулированием.

Рассмотрим некоторые особенности правового регулирования водолазных работ в Росгвардии.

Подпунктом 12 п. 14 Указа Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» определены полномочия Директора в сфере организации и выполнения водолазных работ в войсках национальной гвардии¹. К таким полномочиям

отнесено определение порядка организации и выполнения водолазных работ в войсках национальной гвардии.

Приказом Росгвардии от 30 ноября 2018 г. № 619 утвержден Порядок присвоения, изменения и лишения водолазных квалификаций в войсках национальной гвардии Российской Федерации².

Помимо этого, начальникам (руководителям) структурных подразделений центрального аппарата Росгвардии, командующим округами войск национальной гвардии Российской Федерации, начальникам территориальных органов Росгвардии, командирам соединений, воинских частей войск национальной гвардии Российской Федерации, начальникам военных образовательных организаций высшего образования и иных организаций войск национальной гвардии Российской Федерации рекомендовано организовать изучение данного приказа и обеспечить реализацию его положений.

Приказом Росгвардии от 7 июня 2017 г. № 163 «Об утверждении Порядка организации и выполнения водолазных работ в войсках национальной гвардии Российской Федерации» утверждены порядок допуска военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, к осуществлению руководства водолазными работами, выполнению и (или) обеспечению водолазных работ; обязанности должностных лиц, осуществляющих руководство водолазными работами, а также выполняющих или обеспечивающих водолазные работы; требования по безопасному проведению водолазных работ; порядок выполнения водолазных работ и спусков специалистами, обученными спускам под воду и приемам выполнения водолазных работ в различных видах водолазного снаряжения на глубинах до 60 метров, а при спусках в барокамере — до

¹ Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации».

² Приказ Росгвардии от 30 ноября 2018 г. № 619 «Об утверждении Порядка присвоения, изменения и лишения водолазных квалификаций в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

100 метров водного столба; порядок выполнения учебных и экспериментальных водолазных спусков; требования к содержанию водолазной техники¹.

Указанный порядок распространяется на военнослужащих (сотрудников) Росгвардии, оперативно-территориальных объединений войск национальной гвардии, территориальных органов Росгвардии, соединений, воинских частей, военных образовательных организаций высшего образования и иных организаций войск национальной гвардии, в составе которых имеются водолазные подразделения (водолазы), выполняющих и (или) обеспечивающих водолазные работы, организующих выполнение водолажных работ и осуществляющих руководство водолажными работами, а также на военнослужащих (сотрудников), выполняющих водолазные работы при совмещении должностей в случае, если должностными обязанностями одной из совмещаемых должностей предусмотрено выполнение и (или) обеспечение водолажных работ.

Обязательным условием для недопущения и предупреждения возникновения аварийных ситуаций с водолазами служит выполнение рассматриваемого порядка.

Рассматривая ведомственное регулирование водолажных работ, нельзя обойти вниманием такой факт, в соответствии с которым заступающие на службу сотрудники должны иметь личную книжку водолаза (для сотрудников, проводящих водолазные работы)².

Приказом Росгвардии от 13 июля 2017 г. № 217 утвержден Перечень воинских должностей военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, исполнение обязанностей военной службы на которых связано с повышенной опасностью для жизни и здоровья. В дан-

ном Перечне с п. 67 по п. 100 перечисляются воинские должности при выполнении (обеспечении) водолажных работ, а также воинские должности военнослужащих, имеющих водолажную квалификацию: «водолаз» («инструктор-водолаз», «старший инструктор-водолаз», «офицер-водолаз», «водолазный специалист»).

Приказом Росгвардии от 2 апреля 2018 г. № 112 понятие «водолаз» определялось как должность, исполнение должностных обязанностей по которой предусматривает выполнение лицом, назначенным на должность (планируемым к назначению на должность), водолажных работ под водой (нахождение в водолажных барокамерах под повышенным давлением)³.

Исследование устойчивости к наркотическому действию азота (для освидетельствуемых, отбираемых для прохождения военной службы по военно-учетным специальностям, соответствующим должностям, исполнение должностных обязанностей по которым предусматривает выполнение водолажных работ под водой (нахождение в водолажных барокамерах под повышенным давлением), должностям врачей-специалистов (фельдшеров), исполнение должностных обязанностей по которым предусматривает нахождение в водолажных барокамерах под повышенным давлением⁴.

³ Приказ Росгвардии от 2 апреля 2018 г. № 112 «Об утверждении требований к состоянию здоровья граждан, поступающих на военную службу (службу), военнослужащих и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, а также Перечня дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования граждан, поступающих на военную службу по контракту в войска национальной гвардии Российской Федерации, военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в войсках национальной гвардии Российской Федерации, граждан, поступающих на службу в войска национальной гвардии Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции» (документ утратил силу).

⁴ Приказ Росгвардии от 19 сентября 2022 г. № 328 «О требованиях к состоянию здоровья граждан,

¹ Приказ Росгвардии от 7 июня 2017 г. № 163 «Об утверждении Порядка организации и выполнения водолажных работ в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

² П. 34.10 Наставления по организации службы строевых подразделений вневедомственной охраны войск национальной гвардии Российской Федерации, утв. приказом Росгвардии от 21 сентября 2018 г. № 420.

Военнослужащим войсковой части 6942 установлено 50 процентов оклада по воинской должности — замещающим воинские должности, исполнение должностных обязанностей по которым предусматривает выполнение водолазных работ под водой (нахождение в водолазных барокамерах под повышенным давлением), при условии выполнения установленных приказом Росгвардии норм часов работы под водой (спусков)¹.

Водолазам и военнослужащим отрядов специального назначения по борьбе с подводно-диверсионными силами и средствами, выполняющим работы, связанные со спуском под воду (водолазные работы), по перечню, устанавливаемому Минобороны России, ФСБ России, ФСО России и Росгвардией соответственно положено: мясо — 50 граммов, масло коровье — 20 граммов, молоко цельное сгущенное с сахаром — 20 граммов, кофе натуральный растворимый — 3 грамма, соки плодовые и ягодные — 200 миллилитров².

Медико-психологической реабилитации при наличии показаний и отсутствии противопоказаний подлежат военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации и лица, проходящие службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющие специальные звания полиции и проходящие военную службу (службу) на воинских должностях (должностях), исполнение

поступающих на военную службу (службу) в войска национальной гвардии Российской Федерации, военнослужащих и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, а также Перечне дополнительных обязательных диагностических исследований, проводимых до начала медицинского освидетельствования».

¹ Приказ Росгвардии от 28 ноября 2020 г. № 472 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием и предоставления отдельных (денежных) выплат в войсках национальной гвардии Российской Федерации».

² Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 946 «О продовольственном обеспечении военнослужащих и некоторых других категорий лиц, а также об обеспечении кормами (продуктами) штатных животных воинских частей и организаций в мирное время» (с изменениями и дополнениями).

обязанностей военной службы (службы) по которым связано с выполнением водолазных работ и спусков, нахождением в водолазной барокамере под повышенным давлением (медицинские работники, допущенные к работе в условиях повышенного давления, осуществляющие медицинское обеспечение водолазных спусков), выполнившие установленную годовую норму часов (спусков) работы под водой (пребывания под повышенным давлением)³.

Успешная деятельность водолазов Росгвардии подтверждается многочисленными учениями, которые проводятся с отработкой различных «вводных». Не приводя всего массива проводимых учений, приведем примеры недавних погружений водолазов Росгвардии.

Так, 6 марта 2023 г. в Мурманске военнослужащие морского отряда Северо-Западного округа Росгвардии провели учение по противодиверсионной обороне атомных ледоколов.

Экипажи катеров морского отряда обнаружили и пресекли попытки проникновения в охраняемую зону судов с диверсионными группами на борту. Росгвардейцы осуществили блокирование районов, где действовали условные диверсионные группы. Водолазы выполнили поиск «диверсантов» на глубине 20 метров и отработали их уничтожение с применением подводного вооружения. Помимо этого водолазами осмотрены корпуса судов и акватория, вскрыты места установки условных

³ Приказ Росгвардии от 15 июня 2018 г. № 204 «Об утверждении Перечня показаний к медико-психологической реабилитации и соответствующей им продолжительности медико-психологической реабилитации, Перечня категорий военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, подлежащих при наличии показаний медико-психологической реабилитации, а также Порядка и мест проведения медико-психологической реабилитации военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации и лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции».

взрывных устройств¹.

17 февраля 2023 г. группа специалистов Росгвардии завершила подготовку на уникальной водолазной базе учебного морского отряда Восточного округа войск национальной гвардии, расположенного в г. Северобайкальске. На занятиях были выполнены подледные погружения в условиях низких температур.

Сами по себе подледные погружения стали завершающим практическим экзаменом для новичков в водолажном деле. Главной задачей являлся подледный спуск на глубину более 10 метров, затем отработка правильного дыхания, чтобы не перемерз дыхательный аппарат, в дальнейшем задача состояла в успешном выполнении всех указаний инструктора. Таким образом, кандидаты должны были научиться правильно, осматривать подледный грунт или поверхность льда, а также правильно ориентироваться, осуществлять поиск и классификацию минно-взрывных устройств, расчет взрывчатых веществ для их нейтрализации.

На оборудованных местах обучающиеся выполняют стрельбы из специального оружия под водой и с ее поверхности, производят взрывные работы.

Также водолазов тренируют в поточно-декомпрессионной камере (барокамере), которая позволяет имитировать погружение на глубину до 100 метров.

После окончания обучения основной задачей боевых пловцов Росгвардии является охрана важных государственных объектов со стороны акватории от подводных диверсантов².

Анализ нормативных правовых актов показывает, что на сегодняшний день имеется необходимость в создании новой системы подготовки и обучения водолазных кадров в Российской Федерации, в разработке базовой программы подготовки и повышения квалификации водолазов-профессионалов по единым стандартам для каждой категории — от первичной квалификации до высшей, а также с учетом международного опыта. Разработка

таких программ должна основываться на действующих нормативных документах, однако сегодня они далеки от совершенства, имеют противоречия, мешающие качественной подготовке профессиональных водолазов. Безусловно, все проблемы нормативного регулирования негативным образом сказываются на качестве профессиональной подготовки и переподготовки водолазов.

Сегодня в действующих документах нет единства требований к организации водолазных спусков и работ, к водолажным квалификациям, квалификационным требованиям к водолазам, к квалификационным и контролирующим органам, к организации водолажных служб, обязательным ежегодным нормам спусковых часов, рабочим режимам декомпрессии, режимам лечебной рекомпрессии и т.д.³ Остались без внимания вопросы страхования водолазного труда, социальной защищенности и медицинской реабилитации водолазов⁴.

В стране фактически отсутствует документ, регламентирующий оказание медицинской помощи по профилю «водолазная медицина» и при заболеваниях, связанных с воздействием повышенного давления окружающей газовой и водной среды⁵.

Профессиональный стандарт «Водолаз», утвержденный и введенный в действие приказом Минтруда России от 31 октября 2017 г. № 765н, утратил силу с 1 марта 2023 г. в связи с изданием приказа Минтруда России от 8 августа 2022 г. № 471н, утвердившего новый профессиональный стандарт, вызывает множество проблем и противоречий в правовом регулировании водолазных работ и спусков.

Приказом Минобрнауки России от 2 августа 2013 г. № 856 утвержден феде-

³ Илюхин В.Н. Стандартизация водолазной техники. Актуальные аспекты // Морской вестник. 2022. № 3(83). С. 97—100.

⁴ Киркин В.И., Саетов А.Р., Сергеев В.М. О нормативном обеспечении водолазных работ в России // Гидротехника. 2019. № 1(54). С. 46—49.

⁵ Алексейцев, П.С. Система подготовки водолазов нуждается в реформировании / П.С. Алексейцев, Ю.А. Курило // Гидротехника. 2019. № 2(55). С. 30—31.

¹ rosguard.gov.ru

² Там же.

ральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по профессии 180403.03 Водолаз. Одновременно признан утратившим силу приказ Минобрнауки России от 29 ноября 2010 г. № 1259 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального профессионального образования по профессии 180403.03 Водолаз».

Таким образом, правовое регулирование водолазных работ осуществляется, к сожалению, в основном приказами федеральных органов исполнительной власти

— Росгвардии, Минтруда России, Минздрава России, Минобрнауки России и др.

Библиография

1. Алексейцев, П.С. Система подготовки водолазов нуждается в реформировании / П.С. Алексейцев, Ю.А. Курило // Гидротехника. — 2019. — № 2(55). — С. 30—31. — EDN NXVLUY.
2. Илюхин, В.Н. Стандартизация водолазной техники. Актуальные аспекты / В.Н. Илюхин // Морской вестник. — 2022. — № 3(83). — С. 97—100.
3. Киркин, В.И. О нормативном обеспечении водолазных работ в России / В.И. Киркин, А.Р. Саетов, В.М. Сергеев // Гидротехника. — 2019. — № 1(54). — С. 46—49. — EDN VMHFFP.

Военные аспекты трудового и гражданского права

Особенности социального партнерства в сфере труда в Росгвардии, МЧС России и МВД России

© **Зайков Денис Евгеньевич**,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория права, гражданское право, гражданский процесс» Юридического института Российского университета транспорта

Аннотация. В статье автор проводит сравнительно-правовой анализ особенностей правового регулирования отношений по социальному партнерству с участием государственных гражданских служащих и работников в Росгвардии, МЧС России и МВД России, выявляет имеющиеся проблемы и предлагает пути их разрешения. Приходит к выводу о значимости социального партнерства для защиты трудовых прав государственных гражданских служащих и работников и необходимости дальнейшего развития указанных отношений.

Ключевые слова: профсоюз, социальное партнерство, трудовые права, работники, гражданские служащие, отпуск.

Features of social partnership in the field of labor in the Russian Guard, the Ministry of Emergency Situations of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia

© **Zaikov D.E.**,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law, Civil Procedure" of the Law Institute of the Russian University of Transport

Annotation. In the article, the author conducts a comparative legal analysis of the features of the legal regulation of social partnership relations with the participation of state civil servants and employees in the Rosgvardiya, the Ministry of Emergency Situations of Russia and the Ministry of Internal Affairs of Russia, identifies existing problems and suggests ways to resolve them. Comes to the conclusion about the importance of social partnership for the protection of the labor rights of state civil servants and employees and the need for further development of these relations.

Keywords: trade union, social partnership, labor rights, employees, civil servants, vacation.

В современных условиях защита трудовых прав работников и представление их интересов профессиональными союзами является одним из важнейших правовых механизмов, обеспечивающих надлежащую реализацию работниками их права на труд и выполнение работодателем требований трудового законодательства.

В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их

правах и гарантиях деятельности» профсоюз — добровольное общественное объединение граждан, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности, создаваемое в целях представительства и защиты их социально-трудовых прав и интересов.

Особую значимость деятельность профессиональных союзов приобретает в рамках социального партнерства в сфере

труда¹ при заключении коллективных договоров и соглашений, а также в рамках осуществления контроля за их выполнением. Дополнительная ответственность и сложность при участии профессиональных союзов в социальном партнерстве возникает в случае их взаимодействия с органами государственной власти в интересах государственных гражданских служащих и работников подведомственных организаций.

Одним из подобных профессиональных союзов, который представляет интересы значительного числа указанной категории лиц², является Общероссийский профессиональный союз работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации³ (далее — Профсоюз).

В результате его деятельности в рамках социального партнерства с многими государственными органами были заключены отраслевые соглашения⁴, из числа которых особый интерес вызывают:

— Отраслевое соглашение между Общероссийским профессиональным союзом работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации и Министерством внутренних дел Российской Федерации на 2018—2020 годы, продлено на период 2023 года (далее — Соглашение МВД России);

— Отраслевое соглашение между Общероссийским профессиональным союзом

работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации на 2021—2023 годы (далее — Соглашение Росгвардии);

— Отраслевое соглашение между Министерством Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий и Общероссийским профессиональным союзом работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации на 2023—2025 годы (далее — Соглашение МЧС России).

Сравнительно-правовой анализ указанных отраслевых соглашений⁵ позволяет сделать вывод об уровне защищенности и гарантиях трудовых прав государственных гражданских служащих и работников, а также эффективности работы Профсоюза с различными государственными органами.

Единой чертой рассматриваемых отраслевых соглашений является высокая степень вовлечения и регулирования правового статуса гражданских служащих⁶, права и законные интересы которых в равной мере с работниками представляются и защищаются Профсоюзом. Безусловно, подобный подход, которого придерживаются не все государственные органы⁷,

¹ Система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений.

² Государственные служащие и работники подведомственных организаций государственных органов: МВД России, МЧС России, Росстата, ФССП России, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ФСИН России, Росархива, Росрестра, Росгвардии и др.

³ Подр. см.: URL: <http://prgu.ru/> (дата обращения: 19.04.2023).

⁴ Подр. см.: URL: <http://prgu.ru/socialnoe-partnerstvo/soglasheniya/> (дата обращения: 19.04.2023).

⁵ Согласно ст. 45 ТК РФ отраслевое соглашение устанавливает общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы работникам отрасли.

⁶ См., напр.: Миннигулова Д.Б. Социальное партнерство на государственной гражданской службе: юридические аспекты // Административное право и процесс. 2013. № 12. С. 35—37; Коробченко В.В., Сафонов В.А. Специфика социального партнерства в сфере государственной гражданской службы // Трудовое право в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 28—32.

⁷ Ср. с Отраслевым соглашением между Профессиональным союзом гражданского персонала Вооруженных Сил России и Министерством обороны Российской Федерации на 2020—2022 годы (продлено на период 2023—2025 годов), которое хоть и распространяется на гражданских служащих, однако фактически не содержит специальных положений, касающихся особенностей их правового статуса. Отраслевое соглашение по Федеральной службе безопасности

представляется обоснованным, обеспечивающим возможность установления повышенных социальных гарантий для гражданских служащих по сравнению с определенными законодательством.

Одновременно с этим в качестве общего недостатка отраслевых соглашений стоит указать необоснованно подробное дублирование положений ТК РФ и Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — Закон № 79-ФЗ), которое не выполняет никакой функции, кроме информационной, однако в то же время неполнота указанных сведений может вводить в заблуждение участников или потенциальных субъектов трудовых (государственно-служебных) отношений.

Важными новеллами Соглашения МЧС явилось установление возможности принятия решения нанимателем (работодателем) о введении электронного документооборота в трудовых отношениях, который реализуется посредством цифровой платформы «Работа в России» либо иной информационной системы нанимателя (работодателя), а также дистанционной (удаленной) работы. При этом определено важное правило, в силу которого при введении режима дистанционной (удаленной) работы государственный служащий (работник) имеет право на неприкосновенность времени отдыха¹ (п. 3.10).

Хоть и с опозданием, но нашли свое закрепление в Соглашении МВД гарантии в связи с вакцинацией против коронавирусной инфекции (COVID-19), согласно п. 3.27 которого работникам предоставляется один дополнительный оплачиваемый день отдыха после каждого дня вакцинации при условии, что такой дополнительный оплачиваемый день отдыха не совпадает с выходными или праздничными днями, основным и дополнительными отпусками. Работник освобождается от работы

на основании его письменного заявления, при этом день освобождения от работы согласовывается с работодателем².

При этом в Соглашении МЧС в дополнение к положениям ст. 185.1 ТК РФ, предусматривающей гарантии работникам при прохождении диспансеризации, установлено право каждого государственного служащего (работника) на предоставление 1 раз в год дополнительного оплачиваемого выходного для прохождения диспансеризации (профилактического медосмотра) вне зависимости от возраста. Однако данное положение не дает ответа на вопрос о том, как соотносится такая гарантия с аналогичной гарантией, установленной трудовым законодательством: засчитывается в счет установленной законом³ или предоставляется сверх этого. Конкретное решение указанной проблемы, вероятно, должно находить закрепление в соответствующих коллективных договорах.

Важное внимание в рассматриваемых отраслевых соглашениях уделено регулированию отношений по предоставлению отпусков.

Так, для работников установлен ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск: в МВД России — за выслугу лет, в МЧС России — за выслугу лет в системе МЧС России, в Росгвардии — за стаж непрерывной работы в войсках национальной гвардии⁴:

² См.: Рекомендации работодателям по предоставлению работникам, проходящим вакцинацию против новой коронавирусной инфекции, двух оплачиваемых дополнительных дней отдыха, утвержденные решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 29 октября 2021 г., протокол № 9.

³ Все работники — при прохождении диспансеризации имеют право на освобождение от работы с сохранением за ними места работы (должности) и среднего заработка на 1 рабочий день 1 раз в 3 года, работники, достигшие возраста 40 лет — 1 рабочий день 1 раз в год, работники-пенсионеры по старости или пенсии за выслугу лет, а также работники в течение 5 лет до наступления пенсионного возраста — 2 рабочих дня 1 раз в год.

⁴ Подобная дифференциация свидетельствует о разных условиях предоставления указанного отпуска и, соответственно, различном уровне предоставленной работникам гарантии. При этом необходимо отметить, что в качестве условия

Российской Федерации на 2023—2025 годы, например, распространяется исключительно на работников.

¹ Особенности правового регулирования времени отдыха дистанционного работника регламентируются ст. 312.4 ТК РФ.

- от 5 до 10 лет — 3 календарных дня;
- от 10 до 15 лет — 5 календарных дней;
- от 15 до 20 лет — 10 календарных дней;
- свыше 20 лет — 15 календарных дней.

Отраслевые соглашения также предусматривают предоставление работникам отпуска без сохранения заработной платы по следующим основаниям:

- рождение ребенка;
- регистрация брака, в том числе детей;
- смерть близких родственников¹;
- День знаний (1 сентября либо иной первый день учебного года) матери (отцу) либо другому лицу (опекуну, попечителю), воспитывающему ребенка — учащегося младших классов (1—4 класс).

Отдельные гарантии, заключающиеся в праве на предоставление ежегодного очередного оплачиваемого отпуска в удобное для них время, предоставлены отраслевыми соглашениями работникам-женщинам, имеющих двух или более детей. А Соглашением Росгвардии указанное право также предоставлено одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, отцу, воспитывающему ребенка в возрасте до 14 лет без матери.

Вместе с тем, в части правового регулирования отпусков имеется юридико-технический недостаток: согласно п. 3.16 Соглашения МВД ежегодный основной оплачиваемый отпуск и дополнительные оплачиваемые отпуска суммируются и по заявлению гражданского служащего и работника могут предоставляться по частям, при этом продолжительность одной части предоставляемого отпуска не может быть менее 14 календарных дней.

предоставления указанного отпуска в 2021 г. в Соглашении МВД отказались от непрерывного стажа работы в системе МВД России, а в Соглашении Росгвардии был исключен учет стажа работы в МВД России.

¹ Соглашение Росгвардии и Соглашение МВД России не устанавливают срока указанного отпуска. Соглашение МЧС России определяет его срок не более 5 дней.

Проблема заключается в толковании словосочетания «одной части предоставляемого отпуска» — что под ней понимается? Одна часть отпуска из нескольких или каждая часть отпуска?

Подобный вопрос никогда не возникал при применении ТК РФ, ч. 1 ст. 125 которого исключала подобную возможность: «По соглашению между работником и работодателем ежегодный оплачиваемый отпуск может быть разделен на части. При этом хотя бы одна из частей этого отпуска должна быть не менее 14 календарных дней».

Однако ч. 8 ст. 46 Закона № 79-ФЗ² ранее содержала вышеизложенную неоднозначную формулировку³. Данная проблема была решена с принятием Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в статью 46 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Учитывая изложенное, представляется недопустимым в Соглашении МВД России наличие подобного юридико-технического недостатка, который создает предпосылки для негативного воздействия на реализацию работниками своих трудовых прав.

Отдельные положения рассматриваемых отраслевых соглашений посвящены содействию занятости. При этом п. 4.2.3 Соглашения МВД России содержит значительно более жесткие условия для признания увольнения массовым — в случае сокращения численности или штата гражданских служащих (работников) в количестве:

- 20 и более человек в течение 30 дней;
- 60 и более человек в течение 60 дней;
- 100 и более человек в течение 90 дней.

При этом отраслевые соглашения дополнительно предусматривают преимущественное право на оставление на граждан-

² Утр. силу.

³ Подр. см.: Зайков Д.Е. Юрико-технические недостатки правовых актов // Законодательство. 2014. № 1. С. 71.

ской службе (работе) при равной производительности труда и квалификации гражданских служащих (работников), имеющих стаж работы в соответствующих организациях более 10 лет.

Значимое внимание отраслевые соглашения уделяют развитию молодежной политики, предусматривая для молодых специалистов дополнительные возможности в плане профессионального развития и служебного роста, повышения их правовой и социальной защиты, поощрения¹.

Однако условия признания гражданского служащего (работника) молодым специалистом разнятся.

Так, в Соглашении Росгвардии и в Соглашении МВД России молодым специалистом является гражданский служащий (работник) в возрасте до 30 лет и со стажем службы (работы) менее трех лет, имеющий высшее или среднее профессиональное образование, принятый на службу (работу) в орган и организацию Росгвардии (МВД России) на основании служебного контракта (трудового договора), заключенного на неопределенный срок, или срочного трудового договора.

Соглашение МЧС России предусматривает иные условия: молодым специалистом (работником) является гражданский служащий (работник), принятый на службу (работу) в орган, организацию МЧС России на основании служебного контракта (трудового договора), в возрасте до 35 лет включительно без установления требований к уровню профессионального образования.

Наличие подобных существенных различий, несмотря на их допустимость, представляется неверным: условия признания гражданских служащих (работников) молодыми специалистами в государ-

ственных органах и подчиненных им организациях должны быть едиными.

Соглашение Росгвардии и Соглашение МВД России предусматривают обязанность представителей нанимателя, работодателей по обеспечению гражданских служащих (работников) путевками в санаторно-курортные организации соответственно войск национальной гвардии и системы МВД России в пределах 5 процентов от установленного лимита с оплатой в размере, установленном для военнослужащих (сотрудников) войск национальной гвардии (сотрудников органов внутренних дел и членов их семей).

При этом Соглашение МЧС России содержит лишь обязанность нанимателя, работодателей оказывать содействие в обеспечении путевками в оздоровительные и санаторно-реабилитационные учреждения МЧС России гражданских служащих (работников) и членов их семей.

Одной из особенностей Соглашения МВД России и Соглашения МЧС России является установление ими обязанностей гражданских служащих (работников), в частности: обязанность соблюдать требования пожарной безопасности, уведомлять об обнаруженном пожаре пожарную охрану, оказывать содействие пожарной охране при тушении пожаров; выполнять предписания, постановления и иные законные требования должностных лиц государственного пожарного надзора, извещать своего непосредственного или вышестоящего руководителя о возникновении ситуации, представляющей угрозу жизни и здоровью людей, о каждом несчастном случае, произошедшем на рабочем месте, или об ухудшении своего здоровья.

При всей важности подобных положений вопрос об обоснованности и целесообразности их наличия в отраслевых соглашениях стоит достаточно остро.

Во-первых, сторонами анализируемых отраслевых соглашений наряду с соответствующим государственным органом хоть и являются государственные служащие (работники), но в лице Профсоюза, что не делает каждого из них самостоятельным участником указанных соглашений.

¹ Подр. см.: п. 7.2—7.4 соглашения МЧС России, п. 6.2—6.5 Соглашения МВД России, п. 6.2—6.5 Соглашения Росгвардии. Например, в силу п. 7.3.7 Соглашения МЧС России выплата процентной надбавки к денежному содержанию гражданских служащих, заработной плате работников из числа молодежи осуществляется в полном размере с первого дня работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, если они прожили в указанных районах и местностях не менее 5 лет.

Во-вторых, несмотря на то, что отраслевые соглашения распространяется на всех гражданских служащих (работников), однако далеко не все из них являются членами Профсоюза или уполномочивали Профсоюз представлять их интересы в социальном партнерстве.

В-третьих, обязанности гражданских служащих (работников) закрепляются в иных документах — служебный контракт (трудовой договор), должностная инструкция, инструкция по пожарной безопасности и т.д.

Рассматриваемые отраслевые соглашения достаточно скупой регулируют оплату труда, либо дублируя соответствующие положения трудового законодательства, либо фактически представляя собой в указанной части отсылочные нормы (п. 5.1—5.2 Соглашения МЧС России). Однако именно указанные отношения являются наиболее значимыми для гражданских служащих (работников), и из которых наиболее часто возникают трудовые споры.

Наглядным примером указанной ситуации является проблема оплаты труда в выходной или нерабочий праздничный день.

Так, согласно п. 14 Условий, размеров, порядка осуществления выплат компенсационного характера гражданскому персоналу органов, организаций и подразделений системы МВД России, утвержденных приказом МВД России от 13 июля 2019 г. № 480, при оплате за работу в выходной и (или) нерабочий праздничный день в расчет наряду с тарифной частью заработной платы, исчисленной в размере не менее двойной дневной или часовой ставки (части оклада (должностного оклада) за день или час работы), включаются все компенсационные и стимулирующие выплаты, установленные для гражданского персонала системой оплаты труда.

Такой подход в полной мере соответствует конституционно-правовому толкованию ст. 153 ТК РФ, данному в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2018 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 153 Трудового кодек-

са Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.В. Апухтина, К.К. Багирова и других»¹.

Однако, например, в силу п. 11 Условий, размеров, порядка осуществления выплат компенсационного характера работникам органов, организаций (учреждений) и подразделений системы МЧС России, утвержденных приказом МЧС России 14 декабря 2019 г. № 747 (далее — Условия), работникам оплата труда в выходной или нерабочий праздничный день производится в соответствии со ст. 153 ТК РФ в следующем размере:

— работникам, труд которых оплачивается по дневным и часовым тарифным ставкам, — в размере не менее двойной дневной или часовой тарифной ставки;

— работникам, получающим оклад, — в размере не менее одинарной дневной или часовой ставки сверх оклада, если работа в выходной или нерабочий праздничный день производилась в пределах месячной нормы рабочего времени, и в размере не менее двойной дневной или часовой ставки сверх оклада, если работа производилась сверх месячной нормы рабочего времени.

При оплате труда в указанном случае проблема включения установленных работникам компенсационных и стимулирующих выплат остается неразрешенной. Указание в п. 12 Условий на то, что конкретный размер оплаты за работу в выходной или нерабочий праздничный день устанавливается коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с законодательными и иными нормативными пра-

¹ Подр. см.: Корякин В.М., Филиппова М.Ю. Оплата труда лиц гражданского персонала воинских частей за работу в выходные и (или) нерабочие праздничные дни должна включать все компенсационные и стимулирующие выплаты, предусмотренные установленной для них системой оплаты труда // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2018. № 9. С. 100—105; Зайков Д.Е. Трудовые права работников военных организаций восстановлены: оплата труда за работу в выходные и нерабочие праздничные дни подлежит выплате в полном объеме // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2018. № 10. С. 95—100.

вовыми актами Российской Федерации, а также с участием выборного органа первичной профсоюзной организации или иного представительного органа работников, обуславливает неопределенность относительно реализации работниками своего права на оплату их труда в полном объеме.

Таким образом, отраслевые соглашения играют важную роль в формировании механизмов обеспечения защиты трудовых прав гражданских служащих и работников, что особенно явно проявляется в трудовых отношениях с участием государственных органов, в которых законом предусмотрена военная служба. При этом важным аспектом является необходимость восприятия положительного опыта, а также социальных гарантий, используемых в других государственных органах (например, для работников воинских частей и организаций, подведомственных Министерству обороны Российской Федерации, наиболее актуальным является установление ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска за выслугу лет). Это необходимо в целях повышения престижа работы в воинских

частях и организациях, привлечения квалифицированных кадров, а также мотивации гражданских служащих и работников.

Библиография

1. Зайков, Д.Е. Юрико-технические недостатки правовых актов / Д.Е. Зайков // Законодательство. — 2014. — № 1. — С. 68—76.
2. Зайков, Д.Е. Трудовые права работников военных организаций восстановлены: оплата труда за работу в выходные и нерабочие праздничные дни подлежит выплате в полном объеме / Д.Е. Зайков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 10. — С. 95—100.
3. Коробченко, В.В. Специфика социального партнерства в сфере государственной гражданской службы / В.В. Коробченко, В.А. Сафонов // Трудовое право в России и за рубежом. — 2016. — № 1. — С. 28—32.
4. Корякин, В.М. Оплата труда лиц гражданского персонала воинских частей за работу в выходные и (или) нерабочие праздничные дни должна включать все компенсационные и стимулирующие выплаты, предусмотренные установленной для них системой оплаты труда / В.М. Корякин, М.Ю. Филиппова // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 9. — С. 100—105.
5. Миннигулова, Д.Б. Социальное партнерство на государственной гражданской службе: юридические аспекты / Д.Б. Миннигулова // Административное право и процесс. — 2013. — № 12. — С. 35—37.

Упрощенный порядок признания участников специальной военной операции безвестно отсутствующими и погибшими

© **Корякин Виктор Михайлович**,
доктор юридических наук, профессор, профессор
25 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского» Минобороны
России; профессор кафедры «Теория права,
гражданское право и гражданский процесс»
ФГАОУ ВО «Российский университет
транспорта»

Аннотация. Статья представляет собой научно-практический комментарий к федеральным законам от 14 апреля 2023 г. № 118-ФЗ и № 120-ФЗ, которыми внесены изменения и дополнения в гражданское и гражданско-процессуальное законодательство, а также в отдельные законодательные акты о социальных гарантиях военнослужащих и членов их семей в части, касающейся упрощения порядка признания участников специальной военной операции безвестно отсутствующими и умершими, а также предусматривающие возможность регистрации факта смерти участника специальной военной операции без медицинской справки о смерти на основании специального документа, форма которого будет установлена Правительством Российской Федерации. Новое регулирование указанных вопросов направлено на укрепление правовых гарантий социальной защиты семей погибших и пропавших без вести военнослужащих и других граждан в период специальной военной операции.

Ключевые слова: признание гражданина безвестно отсутствующим; признание гражданина погибшим; справка о смерти; регистрация смерти; специальная военная операция; социальная защита семей погибших военнослужащих.

Simplified procedure for recognizing participants in a special military operation as missing and deceased

© **Koryakin V.M.**,
Doctor of Law, Professor, Professor of the 25th
Department of the Prince Alexander Nevsky
Military University of the Russian Ministry of
Defense; Professor of the Theory of Law, Civil Law
and Civil Procedure Department of the Russian
University of Transport

Annotation. The article is a scientific and practical commentary on the federal laws of April 14, 2023. No. 118-FZ and No. 120-FZ, which introduced amendments and additions to civil and civil procedure legislation, as well as to certain legislative acts on social guarantees of servicemen and their family members, in terms of simplifying the procedure for recognizing participants in a special military operation as missing and deceased, as well as providing for the possibility of registering the fact the death of a participant in a special military operation without a medical certificate of death on the basis of a special certificate, the form of which will be established by the Government of the Russian Federation. The new regulation of these issues is aimed at strengthening legal guarantees of social protection of families of dead and missing servicemen and other citizens during a special military operation.

Keywords: recognition of a citizen as missing; recognition of a citizen as deceased; death certificate; death registration; special military operation; social protection of families of deceased servicemen.

Как любая война не обходится без жертв, так и осуществляемая с 24 февраля 2022 г. специальная военная операция (СВО) по демилитаризации и денацификации Украины сопровождается гибелью наших военнослужащих, а также иных граждан, оказывающих содействие Вооруженным Силам и другим войскам в выполнении боевых задач. К числу жертв боевых действий относится и такая категория граждан, как лица, пропавшие без вести. Хотя информация о количестве таких лиц и о числе погибших военнослужащих в открытой печати отсутствует, однако они, безусловно, есть, что актуализировало вопрос о необходимости совершенствовании норм права о признании участников СВО погибшими и официальной регистрации факта их смерти.

Как отмечается в научных публикациях, вопрос о пропавших без вести военнослужащих имеет две взаимосвязанные стороны: *морально-нравственную*, связанную с сохранением памяти об этих людях, нравственными страданиями их родственников, вызванными неопределенностью и отсутствием сведений об их судьбе; *юридическую* — отсутствие документально оформленного факта их смерти влечет умаление прав родственников на наследство, на получение пенсий и пособий в связи с потерей кормильца и т.п.¹

На разрешение такого рода правовых проблем, связанных с удостоверением фактов безвестного отсутствия и смерти участников СВО, направлены два законодательных акта вступивших в силу с 15 мая 2023 г.:

1) Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 118-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

2) Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"».

На регулирование каких вопросов и разрешение каких проблем направлены названные федеральные законы?

Во-первых, на сокращение сроков признания участников СВО безвестно отсутствующими.

Согласно ст. 42 ГК РФ гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, если *в течение года* в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания. Это общее правило для всех граждан. Федеральным законом от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ данная норма в отношении участников СВО уточнена в сторону сокращения срока отсутствия сведений о них: если *в течение шести месяцев* в месте жительства гражданина, относящегося к числу участников СВО, нет сведений о месте его пребывания, в том числе если такие сведения не предоставлены членам семьи этого гражданина командиром воинской части или иным уполномоченным должностным лицом, этот гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан безвестно отсутствующим в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

Во-вторых, на сокращение сроков признания участников СВО умершими.

По общему правилу, в соответствии со ст. 45 ГК РФ гражданин может быть объявлен судом умершим, если в месте его жительства нет сведений о месте его пребывания *в течение пяти лет*, а если он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, — *в течение шести месяцев*. Из данного общего правила о сроке, после истечения которого гражданин может быть объявлен умершим, есть исключение, установленное п. 2 ст. 49 ГК РФ: «Военнослужащий или иной гражданин, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен

¹ Мирзоев Г.Б. О признании пропавших без вести во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) погибшими (юридический аспект) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 3 (54). С. 5—9; Холиков И.В., Заневская Н.А. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении сведений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта // Военное право. 2020. № 4. С. 220—228.

судом умершим не ранее чем по истечении *двух лет* со дня окончания военных действий».

Федеральным законом от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ данная норма в отношении участников СВО уточнена в сторону сокращения срока отсутствия о нем сведений, дающего право на признание его умершим. Установлено, что если участник СВО пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, и в течение *шести месяцев* с момента возникновения таких обстоятельств в месте жительства этого гражданина нет сведений о месте его пребывания, в том числе такие сведения не предоставлены членам семьи этого гражданина командиром воинской части или иным уполномоченным должностным лицом, этот гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц *объявлен умершим* в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

Норма гражданского законодательства о том, что военнослужащий, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим не ранее чем по истечении 2 лет со дня окончания военных действий, подвергалась в научной литературе справедливой критике в связи с тем, что официальной трактовки понятия «окончание военных действий» не существует ни в одном нормативном правовом акте¹. Поэтому социальное значение нормативного закрепления возможности признания участников СВО умершими, не дожидаясь официального окончания данной операции, трудно переоценить, поскольку это создает правовые условия для полноценного социального обеспечения семей военнослужащих, признанных в упрощенном и ускоренном порядке погибшими.

В-третьих, в целях деbüroкратизации судебной процедуры признания военно-

служащих безвестно отсутствующими и умершими, Федеральным законом от 14 апреля 2023 г. № 118-ФЗ из ст. 277 ГК РФ исключена норма, требовавшая от заявителя указывать в заявлении день окончания военных действий, в ходе которых военнослужащий пропал без вести.

В-четвертых, существенно упрощен порядок документального подтверждения факта смерти военнослужащего-участника СВО.

По общему правилу, факт смерти гражданина регистрируется органом ЗАГС на основании медицинского заключения о смерти по форме № 106/у, утвержденной приказом Минздрава России от 15 апреля 2021 г. № 2352н². Однако в отношении лиц, пропавших без вести в условиях боевых действий, выдача такого медицинского заключения практически невозможна, так как оно выдается только при фактическом исследовании тела погибшего (умершего) военнослужащего медицинским работником, а труп в рассматриваемых случаях отсутствует. При таких обстоятельствах основанием для регистрации факта смерти органом ЗАГС и выдачи свидетельства о смерти является судебное решение. Е.Г. Азарова по данному поводу отмечает, что «... суд в данных случаях устанавливает не смерть, а ее презумпцию, т.е. смерть не констатируется как реальное событие, а лишь предполагается»³. Реальный факт смерти может зафиксировать только врач и никто другой.

Учитывая указанные обстоятельства, в целях упрощения процедуры регистрации факта смерти Федеральным законом от 14 апреля 2023 г. № 118-ФЗ внесены изменения в ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», согласно которым в случае смерти (гибели) военнослужащего, наступившей в период участия

¹ Цыбизова Н.А. К вопросу о необходимости разработки концепции проекта федерального закона «О безвестном отсутствии граждан» // Военное право. 2023. № 1. С. 122—128

² Приказ Минздрава России от 15 апреля 2021 г. № 352н «Об утверждении учетных форм медицинской документации, удостоверяющей случаи смерти, и порядка их выдачи».

³ Азарова Е.Г. Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца: особенности правового регулирования // Журнал Российского права. 2017. № 8. С. 116.

в специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области или в ходе вооруженной провокации на Государственной границе Российской Федерации и приграничных территориях субъектов Российской Федерации, прилегающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, в том числе в качестве лица, проходившего военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, лица, находившегося на военной службе в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в воинских формированиях и органах, указанных в п. 6. Ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», лица, заключившего контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, и невозможности выдачи медицинского свидетельства о смерти оформляется документ установленной формы о смерти, являющийся основанием для государственной регистрации смерти, выдаваемый в порядке, форме и сроки, которые определяются Правительством Российской Федерации¹.

Данный документ о смерти имеет универсальный характер и будет использоваться для следующих целей:

а) для выдачи органом ЗАГС свидетельства о смерти военнослужащего (соответствующие изменения внесены ст. 64 и 66 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»);

б) для подтверждения права членов семей погибшего участника СВО на страховые выплаты (соответствующие изменения внесены в ст. 4 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, гражд-

дан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации»);

в) для предоставления мер социальной защиты семьям военнослужащих, потерявшим кормильца (соответствующие изменения внесены в ст. 24 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»);

г) для производства членам семьи участника СВО предусмотренных законом и не выплаченных до дня его гибели (смерти) денежных выплат (в этих целях Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» дополнен новой ст. 5.1).

Таким образом принятие и вступление в силу проанализированных в настоящей публикации федеральных законов от 14 апреля 2023 г. № 118-ФЗ и № 120-ФЗ снимает многие проблемы, возникшие в сфере предоставления социальных гарантий семьям военнослужащих, погибших и пропавших без вести в ходе СВО, что безусловно сыграет важную роль в повышении морально-психологического состояния военнослужащих, укреплении социального потенциала оборонной мощи Российского государства.

Библиография

1. Азарова, Е.Г. Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца: особенности правового регулирования / Е.Г. Азарова // Журнал Российского права. — 2017. — № 8. — С. 112—127.
2. Мирзоев, Г.Б. О признании пропавших без вести во время Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) погибшими (юридический аспект) / Г.Б. Мирзоев // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2019. — № 3 (54). — С. 5—9.
3. Холиков, И.В. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении сведений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта / И.В. Холиков,

¹ На момент опубликования настоящей статьи акта Правительства Российской Федерации, определяющего форму такого документа, принято не было.

Н.А. Заневская // Военное право. — 2020. — № 4. — С. 220—228.

4. Цыбизова, Н.А. К вопросу о необходимости разработки концепции проекта

федерального закона «О безвестном отсутствии граждан» / Н.А. Цыбизова // Военное право. — 2023. — № 1. — С. 122—128.

Военная служба. Социальные гарантии и статус военнослужащих

Некоторые правовые аспекты медико-психологической реабилитации (адаптации) военнослужащих (сотрудников) и лиц, уволенных с военной службы (правоохранительной службы)

© Беда Наталия Валентиновна,
старший преподаватель кафедры кадрового,
правового и психологического обеспечения
Академии Государственной противопожарной
службы МЧС России

Аннотация. При выполнении некоторых служебно-боевых задач, например, таких, как участие в боевых действиях, выполнение задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участие в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации, участие с специальных военных операциях, военнослужащие подвергаются сильному психоэмоциональному стрессу, который в последующем может негативно отражаться на общем здоровье военнослужащего, а также на выполнении возложенных обязанностей. В настоящей статье будут рассмотрены некоторые правовые аспекты медико-психологической реабилитации военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы, после выполнения указанных служебно-боевых задач.

Ключевые слова: медико-психологическая реабилитация, военная служба, военнослужащий, страховые гарантии.

Some legal aspects of medical and psychological rehabilitation of military personnel

© Beda N.V.,
senior lecturer of Academies of the Ministry of
Emergency situations of Russia

Abstract. When performing certain service and combat tasks, for example, such as participation in hostilities, performing tasks in conditions of emergency or martial law, armed conflicts, as well as participation in activities to maintain or restore international peace and security or to suppress international terrorist activity outside the territory of the Russian Federation, participation with special during military operations, military personnel are subjected to severe psychological and emotional stress, which in the future may negatively affect the overall health of the serviceman, and also on the performance of the duties assigned. In this article, some legal aspects of medical and psychological rehabilitation of military personnel after performing the specified service and combat tasks will be considered.

Keywords: medical and psychological rehabilitation, military service, serviceman, insurance guarantees.

Тема реализации со стороны государства социальных и страховых гарантий военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, несмотря на ее широкое освещение в научных работах россий-

ских ученых¹, не теряет своей актуальности и в настоящее время.

¹ См. напр.: Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, достижение целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм применения и способов действий Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, повышения мобилизационной готовности Российской Федерации и готовности сил и средств гражданской обороны. При этом особое внимание, в том числе, уделяется решению такой задачи, как повышение уровня социальной защищенности военнослужащих, членов их семей, граждан, уволенных с военной службы, а также улучшение условий военной службы.

Следует отметить, что при выполнении таких боевых задач, как участие в специальных военных операциях, в боевых действиях, выполнение задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участие в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации, военнослужащие могут подвергаться высокому уровню психоэмоционального стресса, который в последующем оказывает негативное влияние как на общее

здоровье военнослужащего, так и конкретно на качество исполнения ими различных обязанностей. В этой связи важное внимание необходимо уделять такому элементу надлежащей социальной защиты военнослужащих, как организация медико-психологической реабилитации военнослужащих (сотрудников) непосредственно после окончания выполнения указанных (и иных) специальных боевых задач.

Социально-политические и экономические преобразования в России последних лет сопровождаются ростом межнациональных конфликтов. Боевые действия, социальные потрясения имеют катастрофические последствия, ведут к страданиям и гибели людей, разрушению социальной инфраструктуры. Психопатологические и психосоматические расстройства участников боевых действий с течением времени начинают преобладать в структуре медико-социальных последствий войны. Медико-психологический анализ состояния участников войн, стихийных бедствий и катастроф свидетельствует о специфичности их нервно-психических расстройств¹.

Экспертами отмечалось, что приобретенные в боевой обстановке компенсаторно-приспособительные психобиологические изменения в ряде случаев становятся устойчивым эмоционально-поведенческим стереотипом. У военнослужащих (сотрудников) после возвращения к гражданской жизни наблюдается продолжающееся проявление наработанных навыков приспособления к боевой обстановке, которые за пределами стрессовой ситуации оцениваются как патологическое поведение. Например, окружающая среда воспринимается в качестве враждебной, наблюдается враждебность и агрессия. Ключевым психотравмирующим воздействием боевой обстановки является длительное пребывание участником мероприятий в условиях специфического боевого стресса.

Некоторые нервно-психические процессы, являющиеся последствиями сильнейшего стресса для многих участников боевых действий и вооруженных конфлик-

(297). С. 85—93; Кириченко Н.С., Александрова Н.Г., Иванов В.Ю. О некоторых изменениях, внесенных в Федеральный закон «О статусе военнослужащих», в части порядка обеспечения военнослужащих и членов их семей жилыми помещениями // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2020. № 1 (270). С. 40—44; Харитонов С.С. Право военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на образование: правовое регулирование и вопросы судебной практики // Вестник военного права. 2018. № 3. С. 40—46; Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 116—120.

¹ Погодина Т.Г., Трошин В.Д. Динамика нервно-психических расстройств участников боевых действий // Вестник ИвГМА. 2009. № 1. С. 26—32.

тов, давно приобрели такие названия, как «афганский синдром» и «чеченский синдром». И очень важно не допустить появления другого нового синдрома.

Исходя из положений ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», военнослужащие после выполнения ими задач, неблагоприятно отражающихся на состоянии здоровья, при наличии показаний к медико-психологической реабилитации подлежат медико-психологической реабилитации продолжительностью до 30 суток.

После окончания выполнения указанных задач военнослужащему, который продолжает находиться в привычном ему воинском коллективе, на наш взгляд, проще бороться с негативными переживаниями. В этой связи большого внимания заслуживает вопрос соответствующей реабилитации военнослужащих (сотрудников иных правоохранительных органов), уволенных с военной службы (службы), так как граждане указанной категории могут испытывать трудности в социальной адаптации к гражданской жизни.

Проблема может заключаться в том, что уволенные военнослужащие (сотрудники), которые еще вчера имели соответствующий профессиональный статус, занятие, определяющие их характер и поведение, после увольнения сталкиваются с потребностью перехода «на новые рельсы жизни» в виде нового социального статуса, адаптации к жизни в новых условиях, изменении трудового коллектива. Зачастую возникают сложности с самореализацией в другой профессиональной деятельности.

Законом о статусе военнослужащих (ст. 19) закреплено право военнослужащих пройти профессиональную переподготовку по одной из гражданских специальностей без взимания с них платы за обучение, однако мы считаем, что для полной реабилитации военнослужащего этого недостаточно.

В настоящее время возникают случаи, при которых уволенные военнослужащие (сотрудники) в условиях гражданской жизни без наличия специальной помощи и поддержки не находят применения своим знаниям и навыкам, приобретенным в пе-

риод службы, не могут выбрать другое направление профессиональной деятельности, что приводит к их угнетенному психологическому состоянию и иногда провоцирует ведение асоциального образа жизни и раннюю смертность.

Сложность социальной адаптации усиливается тем, что иногда указанные граждане не имеют четкого понимания порядка действий в условиях гражданской жизни, не осведомлены о льготах, правах и обязанностях, возникает потребность в консультировании со стороны юристов и психологов.

Кроме предусмотренных федеральным законодательством, положениями ведомственных нормативных правовых актов различных силовых структур участникам выполнения специальных боевых задач могут предоставляться различные дополнительные меры социальных гарантий, что может ставить указанных граждан в неравное положение. Например, на организацию и осуществление профилактических, лечебно-оздоровительных, реабилитационных и санаторно-курортных мероприятий в отношении военнослужащих (сотрудников) уполномочены лишь Минобороны России, МВД России и Росгвардия.

Полагаем, что военнослужащие (сотрудники), имеющие боевой опыт, представляют собой ценный кадровый потенциал для осуществления ими педагогической деятельности при осуществлении соответствующих направлений подготовки как для курсантов специальных учебных заведений, так и для учеников общеобразовательных школ в рамках уроков (в допустимых пределах) по основам безопасности жизнедеятельности. Возможно, многим уволенным военнослужащим (сотрудникам) это будет интересно, но, не зная с чего начать, чтобы реализовать себя в таком новом направлении деятельности в качестве преподавателя (учителя), они отбрасывают эту мысль.

В связи с этим мы считаем необходимым издание федерального закона, определяющего единый механизм поддержки военнослужащих (сотрудников), независимо от имеющейся у них выслуги лет,

участвовавших в выполнении специальных боевых задач, направленный на проведение качественной медико-психологической реабилитации, их социально-бытовой и трудовой адаптации. Такие мероприятия должны проводиться не только в период прохождения службы, но и (особенно) после увольнения.

Создание такого правового механизма позволит сформировать комплексный и системный подход к оказанию помощи указанной категории граждан в процессе интеграции в социум при переходе в условия гражданской жизни. В реализацию таких мероприятий, на наш взгляд, могут быть задействованы и различные общественные организации, например, деятельность которых направлена на военно-патриотическую подготовку молодежи и не только. Таким организациям за выполнение соответствующего направления деятельности могут быть предоставлены дополнительные льготы.

Библиография

1. Кириченко, Н.С. О некоторых изменениях, внесенных в Федеральный закон «О статусе военнослужащих», в части порядка обеспечения военнослужащих и членов их семей жилыми помещениями / Н.С. Кириченко, Н.Г. Александрова, В.Ю. Иванов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 1 (270). — С. 40—44.
2. Корякин, В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4 (297). — С. 85—93.
3. Погодина, Т.Г. Динамика нервно-психических расстройств участников боевых действий / Т.Г. Погодина, В.Д. Трошин // Вестник ИвГМА. — 2009. — № 1. — С. 26—32.
4. Харитонов, С.С. Право военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на образование: правовое регулирование и вопросы судебной практики / С.С. Харитонов // Вестник военного права. — 2018. — № 3. — С. 40—46.
5. Холиков, И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2021. — № 12 (293). — С. 116-120.

Правовые аспекты медицинского обеспечения военнослужащих

© Грищенко Леонид Леонидович,
доктор юридических наук, профессор, профессор
кафедры управления органами внутренних дел в
особых условиях, Академия управления МВД
России.

Аннотация. Медицинское обеспечение военнослужащих регламентируется законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, в некоторых законом предусмотрена военная служба. Из этого следует, что вопросы правового регулирования медицинского обеспечения играют важную роль в процессе выполнения военнослужащими возложенных на них задач. При этом правовое регулирование оказания данного вида услуг, как и других сфер, зачастую требует своего совершенствования. В данной статье будут рассмотрены некоторые вопросы и особенности, вытекающие из правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих.

Ключевые слова: военная служба, медицинское обеспечение военнослужащих, правовое регулирование

Legal aspects of medical support for military personnel

© Grishchenko L.L.,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Management of
Internal Affairs Bodies in Special Conditions,
Management Academy of the Ministry of the
Interior of Russia

Annotation. Medical support for military personnel is regulated by legislative and other regulatory legal acts of the Russian Federation, as well as regulatory legal acts of federal executive authorities, in some cases the law provides for military service. It follows from this that the issues of legal regulation of medical care play an important role in the process of performing the tasks assigned to them by military personnel. At the same time, the legal regulation of the provision of this type of services, as well as other areas, often requires improvement. This article will consider some issues and features arising from the legal regulation of medical support for military personnel.

Keywords: military service, medical support of military personnel, legal regulation.

Важную роль в системе поддержания боеспособности личного состава воинских частей (организаций) играет медицинское обеспечение военнослужащих. При этом немаловажное значение в данном вопросе играет надлежащая организация правового обеспечения медицинского обеспечения.

Несмотря на широкое рассмотрение указанной темы в различных научных работах российских ученых¹, ее актуаль-

ность не снижается.

Согласно Военному энциклопедиче-

¹ См. напр.: Корякин В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции // Право в Вооруженных Силах —

военно-правовое обозрение. 2022. № 8 (301). С. 28—32; Кудашкин А.В. Специальная военная операция — современный пример правовой институционализации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 12 (305). С. 46—51; Кириченко Н.С., Бабайцева Е.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 77—82; Холиков И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. Москва: ГВКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002.

скому словарю, медицинское обеспечение — это вид обеспечения действий войск (сил), представляющее собой совокупность мероприятий, осуществляемых военными медиками по сохранению боеспособности, укреплению здоровья личного состава вооружённых сил, своевременному оказанию медицинской помощи и мер по восстановлению здоровья, боеспособности (трудоспособности) раненых и больных¹.

Исходя из Большого медицинского энциклопедического словаря, медицинское обеспечение (синоним — санитарное обеспечение) представляет собой совокупность мероприятий по охране здоровья военнослужащих, поддержанию санитарно-эпидемического благополучия войск, по своевременному оказанию медицинской помощи пораженным и больным, их эвакуации и лечению в целях быстреего восстановления боеспособности².

Как указано в этих определениях, понятие «медицинское обеспечение» — это военный термин, первоначально применяемый для определения вида обеспечения военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований.

Согласно ст. 342.1 УВС ВС РФ медицинское обеспечение военнослужащих — это комплекс мероприятий организационного и медицинского характера, осуществляемых командованием воинских частей, органами управления медицинской службы, военно-медицинскими организациями, медицинскими частями и медицинскими пунктами в целях сохранения и укрепления здоровья военнослужащих, своевременного оказания им медицинской помощи, восстановления их трудоспособности и боеспособности.

Из данного определения очевидно, что основная цель медицинского обеспечения — это охрана здоровья военнослужащих.

Статьей 41 Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что каждый имеет право на охрану здоро-

вья и медицинскую помощь.

Исходя из этого, А.А. Ивашин указывает, что право военнослужащих на охрану здоровья является их конституционным правом как граждан Российской Федерации, осуществляющих свою профессиональную деятельность в форме прохождения военной службы³.

Согласно ст. 16 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» охрана здоровья военнослужащих обеспечивается созданием благоприятных условий военной службы, быта и системой мер по ограничению опасных факторов военной службы, проводимой командирами во взаимодействии с органами государственной власти. Забота о сохранении и об укреплении здоровья военнослужащих — обязанность командиров. На них возлагается обеспечение требований безопасности при проведении учений, иных мероприятий боевой подготовки, во время эксплуатации вооружения и военной техники, при производстве работ, исполнении других обязанностей военной службы. Военнослужащие, граждане, призванные на военные сборы, и граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют право на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, бесплатное обеспечение медицинскими изделиями по назначению врача в соответствующих медицинских, военно-медицинских подразделениях, частях и в организациях федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба (далее — военно-медицинские организации).

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Рос-

¹ См.: Военный энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 2001. Т. 2. С. 49.

² См.: Большой медицинский энциклопедический словарь. М.: Эксмо, 2007. С. 321.

³ Ивашин А.А. Право военнослужащих на охрану здоровья (организационно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 8.

сийской Федерации» охрана здоровья граждан представляет собой систему мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи.

Военнослужащие и лица, приравненные по медицинскому обеспечению к военнослужащим, ввиду особого статуса выделены в ст. 25 данного Федерального закона в отдельную категорию. Согласно положениям указанной нормы военнослужащие и лица, приравненные по медицинскому обеспечению к военнослужащим (далее — военнослужащие), а также граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, имеют право на прохождение военно-врачебной экспертизы для определения годности к военной службе или приравненной к ней службе и для досрочного увольнения с военной службы или приравненной к ней службы на основании заключения военно-врачебной комиссии. Граждане, подлежащие призыву на военную службу или направляемые на альтернативную гражданскую службу, и граждане, поступающие на военную службу или приравненную к ней службу по контракту, проходят медицинское освидетельствование в порядке, предусмотренном ст. 61 указанного Федерального закона, и имеют право на получение полной информации о медицинских противопоказаниях для прохождения военной службы или приравненной к ней службы и показаний для отсрочки или освобождения от призыва на военную службу по состоянию здоровья. Военнослужащие имеют право на получение медицинской помощи в ведомственных медицинских организациях,

а при их отсутствии или при отсутствии в ведомственных медицинских организациях отделений соответствующего профиля, специалистов либо специального медицинского оборудования — на получение медицинской помощи в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на эти цели федеральным органам исполнительной власти и федеральным государственным органам, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба или приравненная к ней служба. Порядок организации медицинской помощи военнослужащим и приравненным к ним лицам устанавливается Правительством Российской Федерации, особенности организации оказания медицинской помощи военнослужащим и приравненным к ним лицам, в том числе порядок их освобождения от исполнения обязанностей военной службы (служебных обязанностей) в связи с заболеванием и иными причинами, устанавливаются федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба или приравненная к ней служба. Граждане при постановке их на воинский учет, призыве или поступлении на военную службу по контракту или приравненную к ней службу, поступлении в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования, заключении с Минобороны России договора об обучении в военном учебном центре при федеральной государственной образовательной организации высшего образования по программе военной подготовки или в военной образовательной организации высшего образования по программе военной подготовки сержантов, старшин запаса либо программе военной подготовки солдат, матросов запаса, призыве на военные сборы, а также граждане, направляемые на альтернативную гражданскую службу, имеют право на получение медицинской помощи в медицинских организациях в рамках программы государственных гарантий бесплатного

оказания гражданам медицинской помощи, за исключением медицинского освидетельствования в целях определения годности к военной службе или приравненной к ней службе. Особенности охраны здоровья военнослужащих и приравненных к ним лиц, а также отдельных категорий граждан, проходящих военную службу или приравненную к ней службу в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба или приравненная к ней служба, определяются законодательством Российской Федерации, регламентирующим деятельность этих органов.

Следует отметить, что в научной литературе неоднократно рассматривались проблемы правовой неопределенности категории «лиц, приравненных по медицинскому обеспечению к военнослужащим»¹.

На наш взгляд, в целях устранения правовой неопределенности, данный вопрос требует конкретизации путем законодательного закрепления перечня таких лиц. Полагаем, что к таким лицам также необходимо отнести сотрудников правоохранительных органов, которые зачастую выполняют служебные задачи, в том числе при участии в боевых действиях.

Также, ряд вопросов медицинского обеспечения военнослужащих (сотрудников) и возмещения расходов указанным организациям установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 911 «О порядке оказания медицинской помощи, возмещения расходов на ее оказание, проведение медицинских осмотров, диспансеризации, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей, а также отдельным категориям

граждан, уволенных с военной службы».

Указанным постановлением утверждены:

— правила оказания медицинской помощи (медицинского обеспечения) военнослужащим войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, уголовно-исполнительной системы, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, лицам начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи, гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы из войск национальной гвардии Российской Федерации и внутренних войск, со службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, уголовно-исполнительной системе, органах федеральной фельдъегерской связи, а также лицам, уволенным со службы в федеральных органах налоговой полиции;

— правила оказания медицинской помощи (медицинского обеспечения) членам семей отдельных категорий военнослужащих, сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, уголовно-исполнительной системы, таможенных органов Российской Федерации, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, лиц начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи, членам семей отдельных категорий граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы, со службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, уголовно-исполнительной системе, таможенных органах Российской

¹ См., напр.: Ильменейкин П.В. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь военнослужащих и лиц, приравненных по медицинскому обеспечению к военнослужащим, по законодательству Российской Федерации // Военное право. 2019. № 3. С. 143; Кадыров Ф.Н. Порядок оказания медицинской помощи военнослужащим, сотрудникам правоохранительных органов и членам их семей // Менеджер здравоохранения. 2012. № 3. С. 64.

Федерации, органах федеральной фельдъегерской связи, а также лиц, уволенных со службы в федеральных органах налоговой полиции;

— правила возмещения медицинским организациям государственной и муниципальной систем здравоохранения расходов на проведение медицинских осмотров, диспансеризации военнослужащих, оказание медицинской помощи военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, сотрудникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, уголовно-исполнительной системы, таможенных органов Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, и лицам начальствующего состава органов федеральной фельдъегерской связи, а также отдельным категориям граждан, уволенных с военной службы;

— правила предоставления путевок на санаторно-курортное лечение гражданам Российской Федерации, уволенным с военной службы из войск национальной гвардии Российской Федерации и внутренних войск, со службы в войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах федеральной фельдъегерской связи, и лицам, уволенным со службы в федеральных органах налоговой полиции;

— правила осуществления выплаты на проведение оздоровительного отдыха детей военнослужащих, лиц, проходящих службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющих специальные звания полиции, и сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти, ставших инвалидами вследствие военной травмы, погибших (умерших), пропавших без вести при исполнении обязанностей военной службы (служебных

Анализ научной литературы по вопросам медицинского обеспечения военнослужащих и нормативных правовых актов, регламентирующих указанное направление

деятельности, показывает, что имеется необходимость совершенствования правового регулирования данного вида обеспечения. Некоторые вопросы уже рассмотрены ранее в настоящей статье.

Также важно обратить внимание и на другие проблемные вопросы правового регулирования медицинского обеспечения войск национальной гвардии. Например, отсутствует нормативное регулирование, планы и порядок маршрутизации больных военнослужащих и сотрудников между организациями здравоохранения Минздрава России, МВД России и Росгвардии в мирное и военное время (особенно остро этот вопрос будет стоять в военное время, когда военные госпитали могут быть переполнены, а также в период пандемии) хотя для застрахованных по ОМС лиц, такие порядки имеются.

Таким образом, комплексный подход к изучению вопроса совершенствования правового регулирования медицинского обеспечения военнослужащих и устранения пробелов в данном направлении позволит усовершенствовать рассматриваемый вид обеспечения.

Библиография

1. Ивашин, А.А. Право военнослужащих на охрану здоровья (организационно-правовые аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Ивашин. — М. 2001.
2. Кадыров, Ф.Н. Порядок оказания медицинской помощи военнослужащим, сотрудникам правоохранительных органов и членам их семей / Ф.Н. Кадыров // Менеджер здравоохранения. — 2012. — № 3. — С. 64—70.
3. Кириченко, Н.С. Правовое положение субъектов медицинского обеспечения войск национальной гвардии Российской Федерации / Н.С. Кириченко, Е.С. Бабайцева // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 77—82.
4. Корякин, В.М. Правовые аспекты медицинского обеспечения специальной военной операции / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 8 (301). — С. 28—32.
5. Кудашкин, А.В. Специальная военная операция — современный пример правовой институционализации / А.В. Кудашкин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 12 (305). — С. 46—51.
6. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И.В. Холиков. — М.: ГВКГ им. Н.Н.Бурденко, 2002. — 160 с.

7. Ильменейкин, П.В. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь военнослужащих и лиц, приравненных по медицинскому обеспечению к военнослужащим, по

законодательству Российской Федерации / П.В. Ильменейкин // Военное право. — № 3. — 2019. — С. 140—146.

Поощрительные выплаты военнослужащим в период проведения военных кампаний

© Зорин Олег Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Автором научной статьи проведено исследование по вопросам поощрительных выплат военнослужащим в период проведения военных кампаний. Сформулированные положения могут быть использованы при совершенствовании военного законодательства.

Ключевые слова: военнослужащий, денежное довольствие, специальная военная операция, поощрительные выплаты.

Incentive payments to military personnel during military campaigns

© Zorin O.L.,
candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Annotation. The author of the scientific article conducted a study on the issues of incentive payments to military personnel during military campaigns. The formulated provisions can be used to improve military legislation.

Keywords: serviceman, monetary allowance, special military operation, incentive payments

Прошло уже более года со времени начала проведения специальной военной операции (СВО) Вооруженными Силами Российской Федерации на Украине — с 24 февраля 2022 г. — в целях ее демилитаризации и денацификации, а также для оказания помощи в отражении агрессии со стороны Вооруженных сил Украины Донецкой и Луганской народным республикам, в соответствии с решением Президента России В.В. Путина. Впоследствии для защиты целостности государства и для обеспечения безопасности соотечественников на освобождённых территориях, согласно Указу Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 была объявлена частичная мобилизация. Пунктами 2, 3 этого Указа определено, что призванные на военную службу по мобилизации в российскую армию граждане России приобретают правовой статус военнослужащих по контракту (т.е. совокупность прав, обязанностей и ответственности), а их уровень денежного содержания должен соответствовать уровню денежного довольствия военнослужащих-контрактников.

Еще одним принципиально важным моментом в рамках нынешней военной кампании является положение о том, что на основании Федерального закона от 4 ноября 2022 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» отдельные элементы статуса военнослужащих распространяются на граждан, пребывающих в добровольческих формированиях¹. Соответственно, добровольцы вправе рассчитывать на денежное содержание, порядок обеспечения и размеры которого устанавливается Минобороны России. Оно не может быть меньше размеров денежного довольствия военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и занимающих аналогичные воинские должности.

В этой связи стоит отметить, что денежное довольствие военнослужащих как составная часть финансового обеспечения

¹ Положения данного закона распространяются на правоотношения с 24 февраля 2022 г., т.к. добровольческое движение возникло с первых дней спецоперации для оказания содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы России.

войск выплачивается для удовлетворения личных материальных потребностей военнослужащих и осуществляется в виде регулярной денежной выплаты в размерах, установленных государством в соответствии с выполняемыми служебными обязанностями¹. Статьей 32 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» установлено, что порядок обеспечения военнослужащих денежным довольствием определяется федеральными органами исполнительной власти и федеральными государственными органами, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба. В Вооруженных Силах Российской Федерации в этом отношении действует приказ Министра обороны Российской Федерации от 6 декабря 2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат».

Согласно п. 2 названного Порядка приказа денежное довольствие военнослужащего по контракту состоит из оклада денежного содержания (включающего в себя оклад по воинскому званию и оклад по воинской должности), месячных и иных дополнительных выплат. Дополнительные выплаты к денежному довольствию военнослужащим, проходящим военную службу по мобилизации, и гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, устанавливаются, как и всем военнослужащим в соответствии с названным Порядком. Например, ежемесячная надбавка за выслугу лет, ежемесячная надбавка за особые условия военной службы, ежемесячная надбавка за особые достижения в службе и др.

Помимо денежного довольствия руководителями федеральных органов испол-

нительной власти и федеральных государственных органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, в силу предоставленных им полномочий могут вводиться отдельные выплаты, не входящие в состав денежного довольствия, положенные при наличии соответствующих оснований и условий, в частности, ежегодная денежная премия преподавателям военных образовательных организаций высшего образования Минобороны России (приказ Министра обороны Российской Федерации от 28 марта 2014 г. № 190); денежное вознаграждение за проведение летных испытаний и исследований (приказ Министра обороны Российской Федерации от 31 августа 2010 г. № 1141) и др.

К их числу относятся поощрительные выплаты военнослужащим, имеющие стимулирующий характер и осуществляемые за определенные достижения при выполнении боевых задач.

Как показывает исторический опыт, в различные периоды развития Российского государства существовала практика премирования наиболее отличившихся военнослужащих в ходе боевых действий².

Так, в первой половине XIX в. отдельные выплаты получали военнослужащие в качестве награды за их боевые подвиги и героизм на поле боя во время Отечественной войны 1812 г. и в заграничных походах³.

² См.: Военные кадры. История. Люди. Перспективы. М., 2018. С. 38; Ильин Ю.А. История развития системы денежного довольствия военнослужащих в Российской Империи в период Отечественной войны 1812 года // Военное право. 2019. № 2. С. 159—168; Ильин Ю.А. Денежное довольствие военнослужащих в период Первой мировой войны // Военное право. 2019. № 3. С. 128—139; Ильин Ю.А. Денежное довольствие и материальное обеспечение военнослужащих в период Великой Отечественной войны // Военное право. 2019. № 4. С. 30—36; Ильин Ю.А. Денежное довольствие и материальное обеспечение военнослужащих Воздушно-космических сил при проведении военной операции в Сирии // Военное право. 2019. № 5. С. 90—97.

³ Ильин Ю.А. История развития системы денежного довольствия военнослужащих в

¹ Военный энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=3639@morfDictionary> (дата обращения: 10.02.2023 г.).

В Первую мировую войну в виде добровольного жалования выплачивались вознаграждения за заслуги и обстоятельства службы¹.

В годы Великой Отечественной войны материальное поощрение занимало большое место в боевой жизни воинов Красной Армии и флота. Были изданы нормативные правовые акты, устанавливавшие конкретные размеры материального поощрения военнослужащим за уничтожение вражеской боевой техники, а также за нанесение ущерба его промышленным и военным объектам.

Более детально раскрывать отмеченные историко-правовые аспекты нет смысла, поскольку они достаточно глубоко изучены исследователями на основе значительного массива рассекреченных архивных данных; сделан обоснованный вывод о том, что система материального стимулирования успешного воинского труда военнослужащих — это очень важное звено, связывающее интересы защиты Родины с личными интересами и улучшающее материальное положение воюющих лиц и членов их семей².

В наши дни специальная военная операция обусловила необходимость оперативного реагирования со стороны российского военно-политического руководства на разработку комплекса материальных и нематериальных мер социальной поддержки для участников СВО (в дополнение к тем, которые установлены в военно-социальном законодательстве)³ в целях со-

здания условий, обеспечивающих им достойную жизнь, активную деятельность, почёт и уважение в обществе⁴.

Среди них впервые установлены такие стимулирующие выплаты, как денежные поощрения военнослужащим-участникам СВО за результативную боевую деятельность.

Кроме того, к этому процессу присоединились некоторые органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также крупные российские предприятия, принявшие свои региональные нормативные правовые и локальные акты в указанной сфере, что согласуется с п. 5 ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Опираясь на данные федеральных средств массовой информации, официальных сайтов органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сети «Интернет» и отечественных коммерческих организаций ниже представим в табличной форме установленные размеры премий военнослужащим за успешное выполнение задач в зоне специальной военной операции.

Таким образом, представленные суммы вознаграждений должны положительно повлиять на морально-психологическое состояние наших войск, еще более укрепить их уверенность в значимости выполняемых боевых задач, в надежности и эф-

вооруженных конфликтах, специальных, миротворческих и контртеррористических операциях (См. подробнее: Корякин В.М. Военно-социальное законодательство военного времени: теория и практика // Право в Вооруженных Силах—военно-правовое обозрение. 2023. № 3. С. 27).

⁴ Напомним, 21 февраля 2023 г. в ходе оглашения Послания Федеральному собранию глава государства В.В. Путин заявил, что участие в СВО связано с «колоссальными физическими, психологическими нагрузками, каждодневным риском для здоровья и жизни», и неоднократно указывал о важности поддержки граждан, принимающих участие в специальной военной операции, со стороны государства (См.: Послание Президента Федеральному Собранию. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 12.03.2023 г.)).

Российской Империи в период Отечественной войны 1812 года. С. 164.

¹ Ильин Ю.А. Денежное довольствие военнослужащих в период Первой мировой войны. С. 132.

² См. подробнее: Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М.: Кучково поле, 2015. С. 289.

³ Считаю вполне обоснованной точку зрения профессора В.М. Корякина, предлагающего на фоне проведения специальной военной операции вернуться к теме разработки федерального закона «О статусе участников боевых действий», с принятием которого сложилась бы стройная и понятная система социальной защиты военнослужащих, направляемых для участия в

фektivности российского оружия. И как видится, с учетом положенных ежемесячных выплат финансовое благополучие участников рассматриваемой операции находится на достойном уровне.

Нельзя не упомянуть следующий важный момент. Согласно п. 91 Правил ношения военной формы одежды, знаков различия военнослужащих, ведомственных знаков отличия и иных геральдических знаков в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденных приказом Министра обороны Российской Федерации от 9 октября 2020 г. № 525, п. 22 Руководства по геральдическому обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного приказом Министра обороны Российской Федерации от 10 июля 2017 г. № 434, предусмотрены, помимо прочих, знаки отличия для обозначения заслуг, проявленных при исполнении должностных и специальных обязанностей, высоких достижений военнослужащих в различных видах повседневной деятельности, их высоких боевых и профессиональных качеств.

В этой связи предлагаем утвердить особый нагрудный знак за уничтожение

вражеской техники и живой силы противника, который будет служить доказательством личной храбрости его обладателя, станет примером для подражания со стороны других военнослужащих, поднимет авторитет отличившегося сослуживца.

Библиография

1. Великая Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. — М.: Кучково поле, 2015. — 864 с.
2. Военные кадры. История. Люди. Перспективы. — М., 2018. — 352с.
3. Ильин, Ю.А. Денежное довольствие военнослужащих в период Первой мировой войны / Ю.А. Ильин // Военное право. — 2019. — № 3. — С. 128—139.
4. Ильин, Ю.А. Денежное довольствие и материальное обеспечение военнослужащих Воздушно-космических сил при проведении военной операции в Сирии / Ю.А. Ильин // Военное право. — 2019. — № 5. — С. 90—97.
5. Ильин, Ю.А. История развития системы денежного довольствия военнослужащих в Российской Империи в период Отечественной войны 1812 года / Ю.А. Ильин // Военное право. — 2019. — № 2. — С. 159—168.
6. Корякин, В.М. Военно-социальное законодательство военного времени: теория и практика / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 3. — С. 21—30.

Таблица

Размеры денежных премий военнослужащим за успешное выполнение задач в зоне специальной военной операции

№ п/п	Вид вооружения и военной техники (боевая задача)	Размер выплаты	Ссылка на источник информации
1	захват танка Leopard	3 млн. руб. (непосредственно лицу, захватившему)	постановление Правительства Забайкальского края от 27 января 2023 г. № 38
2	захват танка Leopard	по 500 тыс. руб. (лицам, участвовавшим в захвате)	постановление Правительства Забайкальского края от 27 января 2023 г. № 38
3	уничтожение танка Leopard	1 млн. руб. (лицу, непосредственно уничтожившему)	постановление Правительства Забайкальского края от 27 января 2023 г. № 38
4	уничтожение танка Leopard	по 150 тыс. руб. (лицам, участвовавшим в уничтожении)	постановление Правительства Забайкальского края от 27 января 2023 г. № 38
5	захват танка M1 Abrams и иных основных боевых танков, произведенных в странах НАТО	1,5 млн. руб. (непосредственно лицу, захватившему)	постановление Правительства Забайкальского края от 27 января 2023 г. № 38
6	захват танка M1 Abrams и иных основных боевых танков, произведенных в странах НАТО	по 300 тыс. руб. (лицам, участвовавшим в захвате)	постановление Правительства Забайкальского края от 27 января 2023 г. № 38

7	уничтожение одного танка М1 Abrams и иных основных боевых танков, произведенных в странах НАТО	500 тыс. руб. (лицу, непосредственно уничтожившему)	постановление Правительства Забайкальского края от 27 января 2023 г. № 38
8	уничтожение одного танка М1 Abrams и иных основных боевых танков, произведенных в странах НАТО	100 тыс. руб. (лицам, участвовавшим в уничтожении)	постановление Правительства Забайкальского края от 27 января 2023 г. № 38
9	захват или уничтожение танка Leopard2 или танка Abrams	5 млн. руб.	ООО «ФОРЭС» г. Екатеринбург (https://www.foresltd.com)
10	последующий захват или уничтожение танка Leopard2 или танка Abrams	500 тыс. руб.	ООО «ФОРЭС» г. Екатеринбург (https://www.foresltd.com)
11	уничтожение боевых самолетов F-15 и F-16	15 млн. руб. (за первую машину)	ООО «ФОРЭС» г. Екатеринбург (https://www.foresltd.com)
12	уничтожение самолета	300 тыс. руб.	Российская газета от 15.11.2022 г. Telegram-канал Zvezdanews ¹ (от 15.11.22 г.)
13	уничтожение вертолета	200 тыс. руб.	Российская газета от 15.11.2022 г. Telegram-канал Zvezdanews (от 15.11.22 г.)
14	уничтожение танка	100 тыс. руб.	Российская газета (от 15.11.2022 г.) Telegram-канал Zvezdanews (от 15.11.22 г.)
15	уничтожение БМП, БМД, БТР, САУ, ЗРК, БЛА	50 тыс. руб.	Российская газета (от 15.11.2022 г.) Telegram-канал Zvezdanews (от 15.11.22 г.)
16	уничтожение л/с противника	100 тыс. руб.	Российская газета (от 15.11.2022 г.) Telegram-канал Zvezdanews (от 15.11.22 г.)
17	участие в активных наступательных действиях	8 тыс. руб.	Российская газета (от 15.11.2022 г.) Telegram-канал Zvezdanews (от 15.11.22 г.)

¹ Учредителем и редакцией Издания является Открытое акционерное общество «Телерадиокомпания Вооруженных Сил Российской Федерации «ЗВЕЗДА».

Организация поиска, сбора и эвакуации тел военнослужащих, погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы, как мера реализации социальных гарантий со стороны государства

© Кириченко Николай Сергеевич,
кандидат юридических наук, юрист
© Богданов Сергей Леонидович,
юрист

Аннотация. Согласно законодательству, определяющему статус военнослужащего, гарантии погребения погибших (умерших) военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Возмещение таких расходов осуществляется за счет средств федерального бюджета в пределах установленных лимитов. Вместе с тем, важным и сложным мероприятием, проведение которого зачастую может потребоваться в случае гибели (смерти) военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы (особенно в боевых условиях), является поиск, сбор и эвакуация тел погибших военнослужащих. В данной работе рассматриваются правовые вопросы возложения такой обязанности на государство.

Ключевые слова: военная служба, военнослужащий, погребение военнослужащих, обязательства государства, страховые гарантии военнослужащих, увековечение памяти погибших.

Search, collection and evacuation of servicemen killed in battle, as a type of social guarantees from the state

© Kirichenko N.S.,
Candidate of Legal Sciences, lawyer
© Bogdanov S.L.,
lawyer

Abstract. According to the legislation defining the status of a serviceman, guarantees of burial of dead (deceased) servicemen, citizens called up for military training are established by federal laws and other regulatory legal acts of the Russian Federation. Reimbursement of such expenses is carried out at the expense of the federal budget within the established limits. At the same time, an important and complex event, which may often be required in the event of the death (death) of a serviceman in the performance of military service duties (especially in combat conditions), is the search, collection and evacuation of the bodies of dead servicemen. This paper examines the legal issues of imposing such a duty on the state.

Keywords: military service, serviceman, burial of servicemen, obligations of the state, insurance guarantees of servicemen, perpetuation of the memory of the dead.

На братских могилах не ставят крестов
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают

Владимир Высоцкий

Одним из важных направлений деятельности государства является реализация своих обязательств в отношении воен-

нослужащих. К элементам такой деятельности относится широко освещенная в

научных работах¹ тема, связанная с соблюдением социальных и страховых гарантий военнослужащих. Вместе с тем, ее актуальность не угасает и в настоящее время.

В соответствии с Военной доктриной Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, задачей государственного масштаба является поддержание Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск и органов в заданной степени готовности к боевому применению для сдерживания и предотвращения военных конфликтов, вооруженной защиты Российской Федерации и ее союзников, обеспечения военной безопасности России².

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, достижение целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм применения и способов действий Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, повышения мобилизационной готовности Российской Федерации и готовности сил и средств гражданской обороны. При этом особое внимание, в том числе, уделяется решению такой задачи, как повышение

уровня социальной защищенности военнослужащих, членов их семей, граждан, уволенных с военной службы, а также улучшение условий военной службы³.

В связи с тем, что исполнение воинского долга относится к числу важнейших для государства человеческих родов деятельности, но в то же время сопряжено с повышенной опасностью для самого военнослужащего и его близких, рискующих лишиться кормильца при выполнении им своих служебных обязанностей, Закон также устанавливает ряд гарантий для членов семей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. По мнению Е.А. Капитоновой, данные гарантии можно условно разделить на две категории: 1) гарантии, предусмотренные непосредственно в отношении членов семьи; 2) гарантии, реализуемые опосредованно в силу того, что военнослужащий входит в определенную ячейку общества, проживает совместно с теми или иными лицами и обладает определенным набором дополнительных прав⁴.

При этом на наш взгляд заслуживает внимания вопрос, к какой из указанных категорий следует отнести гарантии погребения погибших (умерших) при исполнении обязанностей военной службы военнослужащих? Полагаем, в такой тяжелой ситуации больше затрагиваются именно права родственников погибшего (умершего) военнослужащего. В любом случае военнослужащий, отдавший жизнь за свое государство, должен быть похоронен надлежащим образом.

На федеральном уровне нормативной основой правовой и социальной защиты военнослужащих является Федеральный

¹ См. напр.: Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. М.: Центр правовых коммуникаций, 2022; Корякин В.М., Топорков Я.А. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 113—121; Холиков, И. В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала. М.: ГВКГ им. Н.Н.Бурденко, 2002; Харитонов С.С., Баранников М.М. Спорные вопросы жилищного обеспечения военнослужащих через прочтение решений военных судов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 1 (306). С. 66—83.

² Дамаскин О.В., Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий // Военное право. 2019. № 3(55). С. 21—28.

³ Холиков И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2021. № 12 (293). С. 116—120.

⁴ Капитонова Е.А. Проблемы реализации социальных гарантий, предоставленных законодательством членам семей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 9. С. 31—38.

закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

Согласно положениям ст. 18 Закона о статусе военнослужащих гарантии погребения погибших (умерших) военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и граждан, уволенных с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями, устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» погребение военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы (и других указанных категорий сотрудников), погибших при прохождении военной службы (военных сборов, службы) или умерших в результате увечья (ранения, травмы, контузии), заболевания в мирное время, осуществляется в соответствии с указанным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Нормы расходов на погребение умерших (погибших) военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, определяются Правительством Российской Федерации.

Оплата расходов на оформление документов, необходимых для погребения умершего, перевозку умершего в морг, услуги морга; на предоставление гроба, урны, венка; на перевозку тела (останков) к месту погребения (кремации); на погребение (кремацию), изготовление и установку надгробия производится за счет средств федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, в которых умерший (погибший) проходил военную службу (военные сборы, службу).

Федеральные органы исполнительной власти и федеральные государственные органы в соответствии с заслугами умершего (погибшего) военнослужащего, гражданина, призванного на военные сбо-

ры, имеют право ходатайствовать перед специализированной службой по вопросам похоронного дела о погребении умершего (погибшего) на поименованном месте погребения, если это не противоречит волеизъявлению умершего (погибшего), желанию супруга, близких родственников или иных родственников умершего (погибшего).

Наряду с этим согласно ст. 1 (увековечение памяти погибших при защите Отечества) Закона Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» увековечению подлежит память:

— погибших в ходе военных действий, при выполнении других боевых задач или при выполнении служебных обязанностей по защите Отечества;

— погибших при выполнении воинского долга на территориях других государств;

— умерших от ран, контузий, увечий или заболеваний, полученных при защите Отечества, независимо от времени наступления указанных последствий, а также пропавших без вести в ходе военных действий, при выполнении других боевых задач или при выполнении служебных обязанностей;

— погибших, умерших в плену, в котором оказались в силу сложившейся боевой обстановки, но не утративших своей чести и достоинства, не изменивших Родине.

Кроме того, согласно ст. 8 (организация поисковой работы) Закона об увековечении памяти поисковая работа организуется и проводится общественно-государственными объединениями, общественными объединениями, уполномоченными на проведение такой работы, в порядке, предусмотренном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти по увековечению памяти погибших при защите Отечества, в целях выявления неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков, установления имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества и увековечения их памяти. Проведение поисковой работы в местах,

где велись военные действия, а также вскрытие воинских захоронений в порядке самостоятельной инициативы запрещается.

При этом анализ указанных законов, на наш взгляд, позволяет сделать вывод об отсутствии законодательного акта прямого действия, который бы обязывал государство и создавал правовой механизм, направленный на принятие исчерпывающих мер по поиску, сбору и эвакуации тел военнослужащих, погибших (умерших) в период исполнения ими обязанностей военной службы.

Такая обязанность вытекает как из конвенционных, так и из обычных норм международного гуманитарного права, которые устанавливают общий порядок обращения с телами военнослужащих, погибших в условиях вооруженного конфликта, их опознавания, захоронения, а также содержания могил¹. При этом международно-правовые нормы предполагают распространение указанных обязательств государств в том числе на погибших военнослужащих стороны противника, а также на военнопленных². Это обусловлено очевидно тем фактом, что международное право, как гуманистическое изобретение цивилизованного человечества, служа идеям консолидации и солидарности в среде международных отношений, должно ориентироваться на общие ценности, а не фокусироваться на различиях³.

¹ См подробнее: Холиков И.В., Заневская Н.А. Международно-правовая регламентация обращения с телами военнослужащих, погибших в условиях вооруженного конфликта // Военное право. 2019. № 4(56). С. 285—291; Заневская Н.А., Холиков И.В. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении сведений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта // Военное право. 2020. № 4(62). С. 220—228; Холиков И.В., Заневская Н.А. Достойное обращение с телами покойных в условиях вооруженного конфликта в свете требований международного гуманитарного права // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 5(298). С. 7—15.

² Заневская Н.А. Правовое регулирование увековечения памяти военнослужащих, погибших в плену // Военная мысль. 2016. № 7. С. 62—66.

³ Милованович А., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного

Сбор, эвакуация и захоронение тел погибших (умерших) военнослужащих выполняются в целях недопущения случаев мародерства (ограбления тел погибших и умерших), установления личности погибших (умерших), их погребения с достоинством и честью в соответствии с общечеловеческими и нравственно-этическими принципами, предупреждения возникновения и распространения очагов эпидемий заболеваний (инфекций)⁴.

Следует отметить, что в соответствии с п. 1 ст. 37 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, гражданин, проходящий военные сборы, и гражданин, пребывающий в мобилизационном людском резерве, считаются исполняющими обязанности военной службы в случаях:

а) участия в боевых действиях, выполнения задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации;

б) исполнения должностных обязанностей;

в) несения боевого дежурства, боевой службы, службы в гарнизонном наряде, исполнения обязанностей в составе суточного наряда;

г) участия в учениях или походах коарблей;

д) выполнения приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником);

е) нахождения на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью;

миропорядка: постнеклассический подход // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 11. С. 132—148.

⁴ Кочешев С. Особенности организации сбора, эвакуации и захоронения погибших (умерших) военнослужащих при ведении боевых действий // Военно-юридический журнал. 2009. № 8. С. 2—4.

ж) нахождения в служебной командировке;

з) нахождения на лечении, следования к месту лечения и обратно;

и) следования к месту военной службы и обратно;

к) прохождения военных сборов;

л) нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен), в положении заложника или интернированного;

м) безвестного отсутствия — до признания военнослужащего в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим;

н) защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности;

о) оказания помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности;

п) участия в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф;

р) совершения иных действий, признанных судом совершенными в интересах личности, общества и государства.

Учитывая изложенное, полагаем вполне обоснованным предложение о целесообразности издания законодательного акта, предусматривающего возникновение у государства обязательства по поиску, сбору и эвакуации военнослужащих, погибших (умерших) в период исполнения ими обязанностей военной службы, а также определяющий правовой механизм реализации такого обязательства.

Библиография

1. Военное право / Е.А. Глухов, В.М. Корякин, А.В. Кудашкин [и др.]. Том III. — Москва: Центр правовых коммуникаций, 2022. — 712 с. — ISBN 978-5-6042565-3-4. — EDN SNMELJ.

2. Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы правового обеспечения вооруженной борьбы в условиях современных стратегических и политических реалий / О.В. Дамаскин, И.В. Холиков // Военное право. — 2019. — № 3(55). — С. 21—28. — EDN CPRSJN.

3. Заневская, Н.А. Обязательства государств по передаче находящихся в их распоряжении све-

дений о военнослужащих, погибших в период вооруженного конфликта / Н.А. Заневская, И.В. Холиков // Военное право. — 2020. — № 4(62). — С. 220—228. — EDN GULGMA.

4. Заневская, Н.А. Правовое регулирование увековечения памяти военнослужащих, погибших в плену / Н.А. Заневская // Военная мысль. — 2016. — № 7. — С. 62—66. — EDN WFIZSB.

5. Капитонова, Е.А. Проблемы реализации социальных гарантий, предоставленных законодательством членам семей военнослужащих, проходящих военную службу по контракту / Е.А. Капитонова // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2017. — № 9. — С. 31—38.

6. Корякин, В.М. Статус военнослужащего, призванного на военную службу по мобилизации: проблемные вопросы / В.М. Корякин, Я.А. Топорков // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 113—121.

7. Кочешев, С. Особенности организации сбора, эвакуации и захоронения погибших (умерших) военнослужащих при ведении боевых действий / С. Кочешев // Военно-юридический журнал. — 2009. — № 8. — С. 2—4.

8. Милованович, А. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход / А. Милованович, И.В. Холиков, П.Ю. Наумов // Журнал российского права. — 2022. — Т. 26, № 11. — С. 132—148. — DOI 10.12737/jrl.2022.122. — EDN ABVLLM.

9. Харитонов, С.С. Спорные вопросы жилищного обеспечения военнослужащих через прочтение решений военных судов / С.С. Харитонов, М.М. Баранников // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2023. — № 1 (306). — С. 66—83.

10. Холиков, И.В. Актуальные вопросы правового обеспечения сил и средств обороны и безопасности России в условиях современных вызовов и угроз / И.В. Холиков // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2021. — № 12(293). — С. 116—120. — EDN VBEXDG.

11. Холиков, И.В. Достойное обращение с телами покойных в условиях вооруженного конфликта в свете требований международного гуманитарного права / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2022. — № 5(298). — С. 7—15. — EDN ROCCJL.

12. Холиков, И.В. Международно-правовая регламентация обращения с телами военнослужащих, погибших в условиях вооруженного конфликта / И.В. Холиков, Н.А. Заневская // Военное право. — 2019. — № 4(56). — С. 285—291. — EDN TAXTRL.

13. Холиков, И.В. Международно-правовой статус военно-медицинского персонала / И.В. Холиков. — Москва: ГБКГ им. Н.Н. Бурденко, 2002. — 160 с. — EDN GONDFW.

К вопросу о прохождении альтернативной гражданской службы в периоды мобилизации и военного положения

© Лагашкина Юлия Валерьевна,

кандидат юридических наук, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории (военного законодательства) научно-исследовательского отдела (военно-научной информации, военно-правовых проблем). ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Минобороны России

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о возможности прохождения альтернативной гражданской службы в период мобилизации, в период военного положения, по результатам которого обоснован вывод о необходимости совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: отказ от военной службы, соображения совести, альтернативная гражданская служба, мобилизация, военное положение.

On the issue of alternative civil service during periods of mobilization and martial law

© Lagashkina Yu.V.,

Candidate of Legal Sciences, Junior researcher at the Research Laboratory (Military Legislation) of the Research Department (Military Scientific information, military legal problems). FGKVOU HE "Military University of the Estate of Prince Alexander Nevsky" of the Ministry of Defense of Russia

Annotation. The article considers the issue of the possibility of alternative civil service during the period of mobilization, during martial law, the results of which substantiate the conclusion about the need to improve legislation in the field under consideration.

Keywords: refusal of military service, conscientious objection, alternative civil service, mobilization, martial law.

Научный интерес представляют правовые основы альтернативной гражданской службы в период мобилизации, раскрывающие её сущность и особенности. Актуальность названной темы обусловлена проведением специальной военной операции, необходимостью изыскания дополнительных людских ресурсов для её обеспечения, а также недостаточным уровнем разработанности отечественного законодательства о прохождении альтернативной гражданской службы в обозначенный период.

До настоящего времени в законодательстве отсутствуют нормы, позволяющие заменить военную службу по мобилизации на альтернативную гражданскую службу. Также нужно отметить, что 4 ноября 2022 г. в Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации» были внесены изменения в части дополнения нормы, регламентирующей продолжение прохождения альтернативной гражданской службы на момент объявления мобилизации.

Согласно ст. 9 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» вопросы, затрагивающие прохождение альтернативной гражданской службы в период мобилизации, должны быть отражены в федеральных конституционных законах, федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации.

Однако ни одним из перечисленных нормативных правовых актов обозначенный вопрос не решен.

По нашему мнению, главная цель призыва на военную службу — это качественное и полное укомплектование личным составом Вооружённых Сил, иных войск, формирований, органов как в мирный период времени, так и в военный.

В соответствии со ст. 17 Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» на военную службу по мобилизации могут быть призваны только граждане, состоящие в запасе и не имеющие права на отсрочку. В отношении тех граждан, которые также пребывают в запасе, но не были призваны на военную службу, ситуация выглядит следующим образом. Данная категория может быть направлена на работу и осуществлять деятельность на должностях гражданского персонала Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов и специальных формирований.

Таким образом, можно сделать вывод, что призыву (направлению) на военную службу (работу) по мобилизации подлежат только граждане, находящиеся в запасе Вооружённых Сил Российской Федерации. В соответствии со ст. 52 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в запас Вооружённых Сил Российской Федерации включается категория граждан, прошедшая альтернативную службу в мирное время.

Поскольку существует возможность, закрепленная в законодательстве, прохождения альтернативной службы в составе Вооружённых Сил, других войск, воинских формирований и органов в качестве гражданского персонала, то напрашивается

вывод, что категория граждан, прошедшая альтернативную гражданскую службу в данном статусе, может быть включена в единую группу лиц гражданского персонала.

В отношении граждан, пребывающих в запасе, призыв на военную службу по мобилизации или направление граждан для работы (альтернативной службы) осуществляется в сроки, которые указаны в мобилизационных планах. Места явки и сроки устанавливаются планами мобилизации и указываются в предписаниях и повестках, которые вручаются гражданам. Оповещают граждан о мобилизации и необходимости явки на пункты сбора военные комиссариаты и федеральные органы исполнительной власти, имеющие запас. Также привлекают к оповещению должностных лиц в организациях и лиц, находящихся в аппарате усиления военкоматов, при этом используют посыльных и технические средства связи. С целью оповещения граждан по месту их работы создаются штабы оповещения. Ответственным по организации штаба является руководитель и военный комиссариат. Прибывать на пункты сбора граждане обязаны за двое суток до того, как они отправятся к месту прохождения службы.

Призыв граждан на военную службу по мобилизации или направление их для работы (альтернативной гражданской службы) на должностях гражданского персонала осуществляет призывная комиссия по мобилизации. В призывную комиссию по мобилизации субъекта входят: высшее должностное лицо и военный комиссар этого субъекта; секретарь; врач-специалисты; представитель от органа внутренних дел и органа исполнительной власти субъекта; представитель органа федеральной службы безопасности по субъекту. Решением главы органа местного самоуправления для призыва граждан создают призывную комиссию, которая аналогична призывной комиссии субъекта.

Принятие решения о призыве на военную службу по мобилизации или направлении на работу (альтернативную гражданскую службу)

данскую службу) осуществляет призывная комиссия по мобилизации. В её состав входят: высшее должностное лицо и военный комиссар этого субъекта; секретарь; врачи-специалисты; представитель от органа внутренних дел и органа исполнительной власти субъекта; представитель органа федеральной службы безопасности по субъекту. Решением главы органа местного самоуправления для призыва граждан создают призывную комиссию, которая аналогична призывной комиссии субъекта.

На наш взгляд, состав призывной комиссии по мобилизации нуждается в увеличении компетентных лиц, способных принять мотивированное решение относительно тех граждан, которые заявляют о своем намерении пройти альтернативную гражданскую службу на соответствующих гражданских должностях Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

Обязанностью граждан, которые подлежат призыву (направлению) на военную (альтернативную гражданскую) службу по мобилизации, является прибытие на пункты сбора в те сроки, которые указаны в распоряжениях военных комиссариатов, повестках и мобилизационных предписаниях. Повестка из военкомата получается гражданами под расписку. В документах должны быть указаны правовые последствия в случае неисполнения гражданами требований, которые в них прописаны. Их вручают военкоматы или руководители организаций, где работает гражданин, однако в случае невозможности вручения повесток указанными лицами привлекаются органы внутренних дел на основании письменного обращения военного комиссара.

Проведённый мониторинг законодательства говорит об отсутствии нормы, которая бы регламентировала, на основании каких документов гражданина выносится решение о его призыве (направлении) на военную (альтернативную гражданскую) службу в качестве гражданского персонала.

Существует необходимость отразить в законодательстве, регулирующем призыв по мобилизации, нормы о том, на основа-

нии каких документов призывная комиссия должна выносить своё решение.

Если принято решение о направлении на альтернативную гражданскую службу по мобилизации, комиссия определяет место её прохождения. Своё решение комиссия заносит в книгу протоколов заседаний комиссии, а в конце дня протокол подписывают председатель и все её члены. Накануне отправления призывника на пункт сбора военкомат района должен подготовить личные дела, составить список призывников в четырех экземплярах, а также обеспечить продовольственно-путевыми деньгами, если это необходимо. В день отправления проверяют всех призывников по списку, чтобы они при себе имели паспорт, водительское удостоверение, если оно есть, удостоверение о военно-учетной специальности и одежду по сезону. Если призывник не является, то об этом делается отметка с указанием причины и заверяется подписью и гербовой печатью военкомата.

Те лица, которым военная служба была заменена на альтернативную гражданскую службу, обязаны выполнять свою работу на высоком уровне, поскольку выполняют должностные функции от имени государства.

Кроме того, после объявления общей или частичной мобилизации, может быть введено военное положение как в целом на территории Российской Федерации, так и в отдельных ее местностях. Под военным положением, согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

В соответствии со ст. 7 Федерального конституционного закона «О военном положении» на территории, где введено военное положение, применяются меры по привлечению граждан к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановлению поврежденных (раз-

рушенных) объектов экономики, систем жизнеобеспечения и военных объектов, а также к участию в борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями. Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы привлекаются к участию в спасении и эвакуации населения, проведению аварийно-спасательных и других неотложных работ, борьбе с пожарами, эпидемиями и эпизоотиями (ст. 9 Федерального конституционного закона «О военном положении»).

Мы приходим к выводу, что и Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования, органы, и граждане могут привлекаться к предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного, техногенного и военного характера и, как следствие, входят в силы гражданской обороны.

В соответствии со ст. 15 Федерального закона от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» под силами гражданской обороны понимаются спасательные воинские формирования, создаваемые на военное время в целях решения задач по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов. Согласно ч. 4 ст. 16 Федерального закона «О гражданской обороне» спасательные воинские формирования комплектуются военнослужащими и гражданским персоналом (федеральными государственными гражданскими служащими и работниками).

Организация гражданской обороны в Вооруженных Силах регламентирована приказом Министра обороны Российской Федерации от 5 марта 2019 г. № 122 «Об утверждении Положения об организации и ведении гражданской обороны в Вооружённых Силах Российской Федерации». Для решения отдельных задач гражданской обороны используются расчёты пожаротушения и нейтрализации, подразделения пожарной охраны, пожарно-химические станции (лесопожарные формирования), медицинские пункты (подразделения), подразделения радиационной, химической

и биологической защиты, инженерные подразделения (формирования).

В целях обеспечения организации проведения мероприятий по гражданской обороне в период мобилизации создаются следующие объекты гражданской обороны: убежища, противорадиационные укрытия, специализированные хранилища средств гражданской обороны, пункты санитарной обработки (бани, душевые), станции дезинфекции одежды, станции обеззараживания техники, сооружения, предусмотренные для обеспечения организации проведения мероприятий по гражданской обороне, в том числе для санитарной обработки людей и животных, дезактивации дорог, зданий и сооружений.

Объекты гражданской обороны предназначены для укрытия населения, работников предприятий, учреждений и организаций. Объекты гражданской обороны могут быть стационарными и подвижными. К стационарным объектам относятся защитные сооружения, к подвижным — убежища и противорадиационные укрытия.

Таким образом, к силам гражданской обороны, по нашему мнению, следует относить и граждан, прошедших альтернативную гражданскую службу, и привлекать их к ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций военного характера; эвакуации мирного населения в безопасные зоны; пожаротушению; оказанию медицинской поддержки; развертыванию больничной основы в безопасных зонах; работе в специальных санитарных частях, в военно-полевых госпиталях борьбе с инфекциями; очистке территории после неблагоприятной экологической ситуации; дезактивации личного состава и обеззараживанию техники и местности; работам по восстановлению дорог и мостов, разрушенных вследствие чрезвычайных ситуаций техногенного и военного характера.

Кроме этого, не менее важным является вопрос, каким образом направляются на работу (альтернативную гражданскую службу) в период мобилизации, в период военного положения граждане в возрасте

от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учёте (или не состоящие, но обязанные состоять) и не пребывающие в запасе.

Проведенный анализ нормативной правовой базы позволили сделать вывод, что ни Федеральным законом «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», ни какими-либо другими федеральными конституционными законами, ни иными нормативными правовыми актами не решен вопрос направления вышеназванной категории граждан на альтернативную гражданскую службу в обозначенный период.

Для того, чтобы гражданина направили на альтернативную гражданскую службу в период мобилизации, военного положения, он должен подать соответствующее заявление. С момента подачи заявления призывная комиссия по мобилизации незамедлительно его рассматривает и отправляет повестку гражданину, в которой указана дата заседания. На заседании гражданин, подавший соответствующее ходатайство, должен обосновать причины, которые побудили его к избранию альтернативной гражданской службы. Это важный момент, поскольку на основании представленных доказательств призывная комиссия по мобилизации выносит решение об удовлетворении заявления либо об отказе в направлении на альтернативную гражданскую службу.

В случае вынесения заключения о замене военной службы альтернативной службой предлагается граждан направлять в войска для решения следующих задач:

- тыловое обеспечение деятельности, осуществляемой личным составом;
- эвакуация личного состава из числа раненых с поля боя в развернутые медицинские пункты;
- эвакуация мирного населения в безопасные зоны;
- срочное захоронение погибших в военное время;
- осуществление доставки гуманитарной помощи;
- оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам, раненым и больным.

Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» не предусматривает нормы, регламентирующей участие граждан, проходящих альтернативную службу, в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций военного характера за пределами территории Российской Федерации.

Пункт 4 ст. 16 Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» гласит, что граждане, проходящие альтернативную гражданскую службу, могут привлекаться к ликвидации последствий стихийных бедствий, катастроф и иных чрезвычайных ситуаций на территории Российской Федерации.

Мы считаем, что в законодательстве должна быть предусмотрена норма, позволяющая принимать участие гражданам, проходящим альтернативную гражданскую службу, в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций военного характера, в том числе и в специальной военной операции не только на территории Российской Федерации, но и за её пределами. Отсутствие данной нормы является существенным пробелом в законодательстве, поскольку детерминирующим фактором проведения специальной военной операции является обеспечение качественного и полного укомплектования Вооружённых Сил, других войск, воинских формирований и органов.

Изучение законодательства, регулирующего организацию и прохождение альтернативной службы в период мобилизации, в период военного положения, позволяет сделать следующие выводы.

Осмысление практики функционирования альтернативной гражданской службы в период мобилизации, в период военного положения позволяет выделить следующую проблему: несмотря на значительный объем действующего законодательства касательно альтернативной гражданской службы, в нем не в полной мере решена задача ее правового регулирования. Предназначение граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу в период мобилизации, в период военного положения также не определено. Очевид-

но, что на сегодняшний день вопрос о целесообразности определения предназначения данной категории граждан достаточно актуален и принципиален, особенно на фоне проводимой специальной военной операции.

На наш взгляд, граждане, проходящие альтернативную службу, призваны:

— осуществлять доставку гуманитарной помощи;

— оказывать помощь беженцам и вынужденным переселенцам, раненым и больным;

— участвовать в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций военного характера, эвакуации мирного населения в безопасные зоны, пожаротушению;

— развертывать больничную основу в безопасных зонах;

— работать в составе военно-полевых госпиталей и в специальных санитарных частях по борьбе с инфекциями;

— очищать территорию после экологической ситуации;

— дезактивировать личный состав и обеззараживать технику и местность;

— осуществлять работы по восстановлению дорог и мостов, разрушенных вследствие чрезвычайных ситуаций техногенного и военного характера, а также ты-

ловое обеспечению деятельности, осуществляемой личным составом;

— эвакуировать личный состав из числа раненых с поля боя в медицинские (военно-медицинские) организации;

— осуществлять срочное захоронение погибших.

Безусловно данная категория граждан должна в мирное время проходить специальную подготовку к выполнению трудовой деятельности по определенным специальностям, а по ее окончании исполнять соответствующие обязанности.

Кроме того, состав призывной комиссии по мобилизации нуждается в увеличении компетентных лиц, способных принять мотивированное решение в отношении тех граждан, чьи убеждения и поведение не позволяют проходить военную службу на воинских должностях, предусмотренных штатами военного времени и которые ходатайствуют о направлении их на альтернативную гражданскую службу в качестве гражданского персонала Вооружённых Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов. Вместе с этим в законодательстве также должны быть указаны документы, на основании которых призывная комиссия по мобилизации должна выносить своё решение.

Использование цифровых технологий в сфере организации воинского учета и призыва на военную службу: критический анализ нового законодательства

© Норенко Игорь Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования воинского учета и призыва на военную службу с использованием новейших цифровых технологий. По мнению автора, использование таких технологий влечет за собой не только положительный, но и отрицательный эффект. Автор выявляет соответствующие пробелы и неточности в правовом регулировании указанной сферы общественных отношений и формулирует предложения по оптимизации действующего законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: призыв на военную службу, повестка в военкомат, воинский учет, ответственность за неявку по повестке, цифровые технологии.

The use of digital technologies in the organization of military registration and conscription: a critical analysis of the new legislation

© Norenko I.V.,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department history and theory of state and law "Prince Alexander Nevsky Military University" of the Ministry Defense of the Russian Federation

Annotation. The article discusses the current problems of legal regulation of military registration and conscription using the latest digital technologies. According to the author, the use of such technologies entails not only a positive, but also a negative effect. The author identifies relevant gaps and inaccuracies in the legal regulation of this sphere of public relations, and formulates proposals for optimizing the current legislation of the Russian Federation.

Keywords: conscription, summons to the military enlistment office, military registration, responsibility for non-appearance on the agenda, digital technologies

Согласно ст. 59 Конституции Российской Федерации защита Отечества является долгом и почетной обязанностью гражданина Российской Федерации.

Несмотря на провозглашенную всеобщность данной обязанности (вплоть до 1925 г. именовавшейся воинской повинностью), испокон веков отдельные категории граждан освобождались от защиты страны с оружием в руках (из-за половой принадлежности, возраста, состояния здоровья и т.п.).

Иными словами, относительно обязанности по защите Отечества граждане Российской Федерации могут быть разделены на следующие категории:

- 1) военнослужащие по контракту (т.е. профессиональные защитники страны);
- 2) военнослужащие по призыву;
- 3) граждане, пребывающие в запасе («запасники»), то есть те, кто имеет соответствующий опыт в военной деятельности. Запасники — это лица, уволенные с военной службы по призыву и по контракту; прошедшие альтернативную граждан-

скую службу; завершившие обучение в военных учебных центрах с зачислением в запас; освобожденные от призыва или получившие отсрочку до достижения предельного возраста призыва на военную службу; женщины, имеющие военно-учетную специальность. Все эти лица, пребывающие в запасе, оставляют мобилизационный людской ресурс. Из числа запасников отдельную категорию составляют граждане, пребывающие в мобилизационном людском резерве («резервисты») — это, по сути, те же запасники, но подписавшие контракт с Минобороны России. При таком контракте они не оставляют обычную работу, но в мирное время призываются на военные сборы, а в условиях мобилизации обязаны прибыть в воинскую часть;

4) граждане, не подлежащие призыву на военную службу.

Для обеспечения эффективной обороны страны и обеспечения безопасности государства уполномоченным государственным органам необходимо иметь максимально точные данные относительно численности тех граждан Российской Федерации, которые подлежат или могут подлежать призыву на военную службу, в том числе по мобилизации. Такие сведения могут понадобиться также при мобилизации жителей и транспортных средств для проведения аварийно-спасательных работ в случае стихийных или техногенных катастроф на основании Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении».

Поэтому и итог призыва, а в случае необходимости — и результат полной или частичной мобилизации напрямую зависят от того, насколько эффективно и грамотно организована работа уполномоченных государственных органов по ведению учета военнообязанных, насколько полны и достоверны сведения о мобилизационных ресурсах, которые могут быть использованы в качестве дополнительных источников пополнения личным составом Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

Однако, как показали последние события, в том числе — направленные на проведение призыва в связи со специальной военной операцией на Украине, тот порядок ведения реестра лиц, подлежащих призыву, и тот порядок организации призыва как такового, который сложился еще в прошлом веке и действует до настоящего времени, уже не отвечает в полной мере требованиям времени.

В связи с этим в апреле 2023 г. Государственной Думой более чем оперативно (сразу в нескольких чтениях в течение одного заседания) был рассмотрен и принят законопроект, который уже через два дня был подписан Президентом России. Речь идет о Федеральном законе от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту — Закон № 127-ФЗ).

Справедливости ради стоит отметить, что задание разработать соответствующий законопроект было дано Президентом России еще в 2018 г., поэтому почти 5-летняя работа над ним сказалась на том, что принятый в итоге Закон № 127-ФЗ имеет определенные положительные стороны, которые в полной мере освещены в научно-практическом комментарии профессора В.М. Корякина¹ к указанному закону, а также к Указу Президента Российской Федерации от 25 ноября 2022 г. № 854 «О государственном информационном ресурсе, содержащем сведения о гражданах, необходимые для актуализации документов воинского учета».

Так, в частности, законом предусматривается создание Единого реестра воинского учета, в котором будут содержаться основные сведения о гражданине, в том числе те, которые являются достаточными и необходимыми для призыва данного гражданина на военную службу. Фактически упрощается процедура оповещения гражданина о необходимости явиться в военкомат, процедура сбора (в том числе са-

¹ См.: Корякин В.М. Цифровизация воинского учета становится реальностью // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 5 (310). С. 33—40.

мим же гражданином) сведений о состоянии здоровья и (или) нахождении на обучении на очном отделении учебного заведения, а также иных сведений, дающих, или напротив, не дающих право на отсрочку от призыва или освобождения от призыва вовсе.

Причем создание такого реестра будет способствовать и снижению уровня коррупции среди сотрудников военкоматов и иных уполномоченных на ведение воинского учета лиц. Известный факт, что, например, в годы Великой Отечественной войны сотрудники военно-учетных столов за деньги или продовольствие «способствовали» получению брони и различных отсрочек от отправки на фронт, ссылаясь на запутанность учета, или путем уничтожения карточек военнообязанных или простого перекладывания личных дел военнослужащих из одной картотеки в другую¹.

Кроме того, Законом № 127-ФЗ предусмотрено право на дистанционное досудебное обжалование получения повестки, сведений, содержащихся в реестре воинского учета, решения военкомата о всякого рода запретах и т.п. Также дистанционно можно подтвердить право на отсрочку, сообщить о невозможности явиться в указанные сроки в военкомат по уважительной причине или самостоятельно направить сведения, необходимые для ведения воинского учета. Таким образом, многие вопросы гражданин может решить без личного посещения военкомата или какой-либо иной уполномоченной организации, что существенно экономит его силы и время.

В то же время Закон № 127-ФЗ не лишен существенных, на наш взгляд, недостатков. Более того, даже некоторые достоинства нового закона являются одновременно и его недостатками.

Так, Закон № 127-ФЗ вводит новый способ оповещения гражданина о необходимости явиться в военкомат, а именно —

помимо традиционных повесток на бумажном носителе, подлежащих вручению лично или через работодателя, повестка будет считаться врученной с момента размещения информации об этом в личном кабинете гражданина на портале «Госуслуг». При этом согласно Закону № 127-ФЗ электронный Реестр повесток теперь признается основополагающим, а на граждан фактически возложена обязанность отслеживать их статус призывника (военнообязанного) самостоятельно.

Однако законодатель явно не учел, что у многих граждан, особенно проживающих в «глубинке», не только может не быть личного кабинета на таком портале, но и компьютера, телефона или иного технического средства как такового и с выходом в Интернет, в частности. При этом возможна ситуация, когда такому гражданину повестка будет направлена в тот момент, когда он объективно не сможет получить ее ни лично, ни через работодателя (например, работает в отдаленной местности), но, тем не менее, повестка будет считаться врученной.

Также стоит отметить, что помимо того, что граждане фактически самостоятельно должны отслеживать свой статус призывника (военнообязанного), на них возложена и обязанность явиться в военный комиссариат в двухнедельный срок со дня начала следующего призыва, если граждане, подлежащие призыву, не получили повестку явиться в военкомат во время предыдущего призыва. То есть, если во время весеннего призыва гражданин не получил повестку (не важно, направлялась ли она ему вообще, или он не получил ее по какой-либо объективной причине), то в осенний призыв он сам обязан явиться в военкомат, не дожидаясь повестки. Возможно только для того, чтобы выяснить, что военный комиссариат не планировал его призыв и поэтому повестку не отправлял. При этом действующая редакция ст. 7 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее — Закон № 53-ФЗ), предусматривает возможность привлечения к ответственности гражданина за сам

¹ Электронный ресурс: <https://russian7.ru/post/tolkone-na-front-uklonisty-vo-vre/#:~:text=Только%20в%20период%20с%20начал а,на%20полном%20ходу%20военного%20эшелона> (Дата обращения: 20.04.2023 г.).

факт такой неявки, никак более не связанный с фактом получения (неполучения) повестки. Такая норма ставит гражданина заведомо в положение «виновного», чем, по нашему мнению, нарушается один из основополагающих правовых принципов — презумпции невиновности.

И если раньше научное сообщество обсуждало вопрос, какую причину неявки гражданина по повестке в военный комиссариат следует считать уважительной¹, то в нынешней редакции Закона № 53-ФЗ впору ставить вопрос, что является уважительной причиной неполучения повестки. И при той детальной регламентации порядка, процедуры и способов вручения повестки или обстоятельств, при которых направленная повестка считается врученной гражданину, вполне логичным представлялось дополнение указанного закона соответствующими положениями.

Если причина неявки по повестке военного комиссариата или иного органа, осуществляющего воинский учет, не является уважительной, то гражданин может быть привлечен к административной или уголовной ответственности (ст. 21.5. КоАП РФ, ст. 328 УК РФ) в виде уплаты штрафа, ареста или иных санкций². При этом важно отметить, что ни ранее, ни после введения в действие Закона № 127-ФЗ в КоАП РФ, УК РФ или в каких-либо иных федеральных законах не предусмотрены специальные нормы, устанавливающие дифференцированную ответственность за неявку по повестке в мирное время, в период мобилизации, в период военного положения или военное время.

То, что данный факт не был устранен Законом № 127-ФЗ, по нашему мнению, также можно отнести к числу недоработок нового закона, так как степень суровости

наказания за неуважительную неявку в военный комиссариат должна зависеть от того, в какое время совершается данное правонарушение.

Кроме того, указанный закон предусматривает достаточно большое количество запретов и ограничений, которые направлены на обеспечение явки граждан, подлежащих призыву, в военкомат по повестке. По нашему мнению, данный факт свидетельствует как о существенном снижении степени доверия к обществу со стороны государства, что вызвано, по нашему мнению, и падением престижа военной службы, и снижением уровня патриотизма общества в целом, так и о значительном исчерпании запаса лояльности общества к государственной власти. И в данном случае, как никогда, является актуальным знаменитое выражение, приписываемое германскому канцлеру Отто фон Бисмарку, а именно: «Войны выигрывают не генералы, войны выигрывают школьные учителя и приходские священники»³. Иными словами, победа в любой войне зависит от патриотического и духовно-нравственного настроения общества. При этом важно помнить и слова Густава Маннергейма о том, что «прежде чем тратить деньги на оборону, нужно создать для людей тот уровень жизни, который они захотят защищать»⁴. Ключевые слова здесь — «захотят защищать».

История свидетельствует о том, что уклонисты были всегда. Например, по официальным данным, за годы Великой Отечественной войны за дезертирство было осуждено более миллиона человек, в том числе к более, чем к ста пятидесяти тысячам человек была применена высшая мера наказания — расстрел с конфискацией имущества (ст. 193 УК РСФСР). Однако в других источниках можно найти указание на то, что в данный

¹ См., напр.: Норенко И.В. Ответственность за неявку по призыву без уважительных причин в период мобилизации, в период военного положения и в военное время: некоторые теоретические вопросы правового регулирования // Военное право. 2020. № 5 (63). С. 114—119.

² Соколов Я.О. Правовой анализ понятия «уклонист от военной службы» // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2014. № 6 (204). С. 117—125.

³ Электронный ресурс: <https://proza.ru/diary/vlyakh/2018-05-11> (Дата обращения: 20.04.2023 г.).

⁴ Электронный ресурс: <https://znachenie.mozaiyka.ru/articles/nuzhno-sozdat-takoy-uroven-zhizni-kotoryy-lyudi-zahotyat-zaschischat.html> (Дата обращения: 20.04.2023 г.).

период насчитывалось более 1,7 млн. дезертиров и 2,5 млн. человек являлись уклонистами. И эти данные не кажутся неправдоподобными, так как начиная уже с 1 июля 1941 г. (в этот день был зафиксирован первый случай дезертирства, когда новобранец спрыгнул сдвигающегося на полном ходу военного эшелона на Оренбургской железной дороге) и вплоть до конца 1941 г. органы НКВД задержали свыше 710 тыс. дезертиров и более 71 тыс. уклонистов. Причем причинами нежелания защищать свое Отечество являлось не столько идеологическое противостояние между властью и пострадавшими от советского режима или желание присоединиться к своим родным на оккупированной территории, сколько обиды на власть из-за бюрократических злоупотреблений, страх за собственную жизнь и т.п.¹

Уклонисты есть и сейчас, причем это не только граждане, не желающие служить по призыву, но и не желающие попасть под мобилизацию, которая была объявлена Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». В последнем случае открытых официальных данных о количестве уклонистов, в том числе покинувших Россию именно по причине опасения попасть в число мобилизованных, нет. В средствах массовой информации можно найти информацию, что после объявления частичной мобилизации из России уехали от 400 до 700 тыс. человек².

Однако такие цифры, по нашему мнению, весьма условны и не отражают реальную действительность, так как они приводятся без учета количества вернувшихся лиц, пола и возраста

уехавших за рубеж, а также истинных причин, по которым гражданин покинул территорию страны. Однако факт остается фактом — уклонисты есть и сейчас, и вряд ли их число будет уменьшаться.

И меры соответствующего принуждения во все времена к ним тоже применялись. Так, например, начиная с «Генерального учреждения о ежегодном сборе рекрут...» 1757 г.³ в губернских и уездных городах отобранным рекрутам выстригали «под ноль» полголовы (доставляли с «выбритыми лбами»), что позволяло быстро поймать рекрута в случае его побега при следовании к месту службы (отсюда, в частности, и пошло известное выражение «забрить в солдаты»).

Такое положение существовало более ста лет, хотя отдельные попытки изменить эту систему имели место. Так, Б. Арефьев отмечает, что, например, Циркуляр Инспекторского Департамента Военного министерства от 20 октября 1849 г. содержал указание, что «... рекрутам сего набора не брить лбов, а стричь им волосы на голове по положению о нижних чинах...»⁴.

Однако полностью такая мера в отношении рекрутов была отменена только в ходе военных реформ второй половины XIX в., проводившихся под руководством Военного министра Д.А. Милютин, по инициативе которого была создана особая комиссия по пересмотру Рекрутского устава — основного нормативного документа, регламентировавшего порядок призыва новобранцев на военную службу, и разработке новых принципов комплектования армии⁵. Комиссией был разработан ряд предложений по изменению действовавшего порядка рекрутирования солдат, положенных в основу Манифеста Императора от 1 сентября 1862 г., изданного по по-

¹ Электронный ресурс: [https://russian7.ru/post/tolko-na-front-uklonisty-vo-vre/#:~:text=Только%20в%20период%20с%20начал а,на%20полном%20ходу%20военного%20эшелона \(Дата обращения: 20.04.2023 г.\).](https://russian7.ru/post/tolko-na-front-uklonisty-vo-vre/#:~:text=Только%20в%20период%20с%20начал а,на%20полном%20ходу%20военного%20эшелона (Дата обращения: 20.04.2023 г.).)

² Электронный ресурс: [https://tsargrad.tv/news/realnost-i-vyдумka-skolko-nasamom-dele-ljudej-uehalo-iz-rossii-ot-mobilizacii_638418 \(Дата обращения: 20.04.2023 г.\).](https://tsargrad.tv/news/realnost-i-vyдумka-skolko-nasamom-dele-ljudej-uehalo-iz-rossii-ot-mobilizacii_638418 (Дата обращения: 20.04.2023 г.).)

³ Электронный ресурс: [https://runivers.ru/bookreader/book473968/#page/8/mode/1up \(Дата обращения: 23.04.2023 г.\)](https://runivers.ru/bookreader/book473968/#page/8/mode/1up (Дата обращения: 23.04.2023 г.))

⁴ Арефьев Б. Солдат империи. М., 2003. С. 19.

⁵ См.: Норенко И.В. Правовое обеспечение военных реформ 60-70-х годов XIX века в России (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

воду объявления рекрутского набора¹. Одним из таких предложений было отменить бритье лба рекрут и сопровождение их в воинские части в особой, похожей на арестантский халат, одежде. Общий же смысл данных предложений заключался в том, чтобы определить меры, которые должны были изменить систему «существовавших в старом порядке рекрутского набора варварских приемов, усугублявших в глазах народа тягость рекрутства и унижавших самое звание солдата»².

Начиная с первых лет советской власти и вплоть до настоящего времени для привлечения граждан на военную службу применялись различные меры. Так, в соответствии с Декретом СНК о создании Рабоче-Крестьянской Армии от 15 января 1918 г. самой первой мерой стал добровольный набор лиц не моложе 18 лет из числа «наиболее стойких и преданных рабочих, крестьян и солдат». Однако уже к маю 1918 г. стало ясно, что на добровольной основе задачи по комплектованию Рабоче-Крестьянской Красной Армии не могут быть решены. В связи с этим добровольность сменилась принуждением. В итоге 29 мая 1918 г. было издано постановление ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию», а 28 сентября 1922 г. был принят Декрет ВЦИК и СНК «Об обязательной воинской повинности для граждан РСФСР мужского пола» и, соответственно, о призыве всех мужчин в возрасте от 20 лет, сменившийся на Закон от 18 сентября 1925 г. «Об обязательной военной службе» — один из первых законов Советского государства.

В дальнейшем были приняты и другие законы, регламентирующие формирование Советской армии, — Законы СССР от 1 сентября 1939 г. «О всеобщей воинской обязанности» и от 12 октября 1967 г.

После перестройки формирование армии стало производиться первоначально на основании Закона Российской Федера-

ции от 11 февраля 1993 г. № 4455-1 «О воинской обязанности и военной службе», а затем — Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», который действует до сих пор с учетом соответствующих изменений и дополнений.

С принятием Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» стала возможна замена военной службы прохождением альтернативной гражданской службы, право на которую законом предоставлено, в частности, гражданину, который относится к коренному малочисленному народу Российской Федерации, но при условии, что он ведет традиционный образ жизни, осуществляет традиционную хозяйственную деятельность и занимается традиционными промыслами коренных малочисленных народов Российской Федерации. Также замена военной службы по призыву на альтернативную гражданскую службу возможна, если несение военной службы противоречит убеждениям (пацифизм и т.п.) или вероисповеданию гражданина (п. 3 ст. 59 Конституции Российской Федерации).

И здесь возникает еще один вопрос к разработчикам Закона № 127-ФЗ: будет ли в создаваемом Едином реестре реально учитываться отношение гражданина к коренному малочисленному народу, его убеждения и вероисповедание, дающие право на замену военной службы альтернативной гражданской? Ответ остается открытым. По нашему мнению, законодательно необходимо внести в Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» соответствующие изменения и дополнения, определяющие, кто, в какие сроки и какие действия должен совершить для внесения в Единый реестр сведений о праве гражданина на альтернативную гражданскую службу и, самое главное, о его желании воспользоваться таким правом.

Как указывалось выше, Закон № 127-ФЗ устанавливает многочисленные ограничительные меры, направленные на обеспечение явки граждан по повестке. Данные

¹ ЦГВИА, ф. канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), оп. 5-я, л. 16-17.

² Отд. рук. РГБ, ф. Д. А. Милютин. М. 7844. С. 286.

меры перечислены в ст. 7¹, введенной Законом № 127-ФЗ в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе».

Так, неявка без уважительной причины по врученной повестке по истечении 20 календарных дней со дня, указанного в повестке, влечет применение к гражданину временных мер, направленных на обеспечение его явки. С одной стороны, применение таких мер является «стимулом» (в виде явного принуждения) для гражданина к исполнению им своей конституционной обязанности, но с другой — их применение влечет такое же явное, но уже нарушение его конституционных прав.

В частности, к запретительным временным мерам относится запрет на государственную регистрацию физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей, а также запрет на постановку на учет в налоговом органе физического лица в качестве налогоплательщика, применяющего специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (п. 4 ст. 7¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

Полагаем, что данный запрет противоречит положениям ст. 34 и 37 Конституции Российской Федерации, согласно которым каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; труд свободен; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

Безусловно, стоит признать, что Законом № 127-ФЗ не предусмотрен запрет на занятие трудовой деятельностью как таковой, а также запрет на регистрацию гражданином юридических лиц и, тем самым, запрет на участие гражданина в деятельности, например, ООО или АО. Но возникает противоречие в том случае, если по каким-то объективным причинам гражданин, подлежащий призыву, имеет возможность заниматься трудовой деятельностью только в качестве индивидуального предпринимателя.

Временная приостановка постановки недвижимого имущества на государственный кадастровый учет и (или) государственную регистрацию прав является явным нарушением ст. 35 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой право частной собственности охраняется законом, а право наследования гарантируется.

К другим временным ограничительным мерам Закон № 127-ФЗ отнес ограничение на пользование гражданином правом на управление транспортными средствами; запрет на государственную регистрацию транспортных средств; отказ в заключении кредитного договора или договора займа. Но как быть в ситуации, когда транспортное средство является основным источником заработка и существования человека?

Стоит также отметить, что указанный перечень ограничительных мер не является исчерпывающим. Согласно п. 7 ст. 7¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в редакции Закона № 127-ФЗ) органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе установить дополнительные временные меры, направленные на обеспечение явки по повестке военного комиссариата, в виде ограничения на получение гражданами выплат, льгот, мер поддержки и иных преференций, установленных нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Такое положение является явно коррупционным по своей сути, поскольку не исключает и не ограничивает правотворчество в этом направлении отдельных местных органов власти, желающих «выслужиться» перед центром.

Вводимые временные меры, как представляется, тем самым нарушают и п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, которым гарантировано, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В соответствии с п. 5 и 6 ст. 7¹ Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в редакции Закона № 127-ФЗ) установлено, что решение о принятии временных мер (как и решение об их отмене) формируется в реестре воинского учета в автоматическом режиме и подписывается электронной подписью военного комиссара, после чего решение направляется гражданину в личный кабинет на портале «Госуслуг», а также уполномоченным государственным органам. Соответствующее решение отражается также в Реестре воинского учета. Стоит, однако, отметить, что законом установлены сроки на формирование решения о принятии ограничительных мер или их отмене (в последнем случае — в течение суток с момента явки гражданина по повестке или подтверждения уважительных причин неявки), но не установлена ответственность военного комиссариата и других уполномоченных органов за причинение гражданину убытков из-за несвоевременного внесения данных в реестр, необходимых для отмены решения о введении ограничительных мер, или технического сбоя программы.

Думается, что ведение реестра лиц, подлежащих призыву на военную службу, в том числе при мобилизации, хоть и является важным условием победы над неприятелем во время военных и приравненных к ним действий, но вряд ли можно однозначно сказать, что ведение подобного реестра обеспечивает оборону страны и безопасность государства. Скорее это действие, способствующее обеспечению обороны и безопасности. Поэтому прежде чем вводить запреты и ограничения, законодателю следовало бы более обстоятельно разобраться с вопросом, действительно ли то действие, совершение которого обеспечивается запретами и ограничениями, подпадает под понятия, содержащиеся в п. 3 ст. 55 Конституции России.

Еще одно обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, — это вопрос о защищенности от нераспространения информации о гражданине, которая будет аккумулироваться в Реестре воин-

ского учета и направляться не только гражданину в личный кабинет на портале «Госуслуг», но и заинтересованным федеральным органам исполнительной власти и т.п. Во-первых, как будет гарантироваться гражданину соблюдение тайны, в частности, о его здоровье (врачебная тайна)? Во-вторых, кто и в каком порядке будет нести ответственность в случае причинения гражданину ущерба в результате, например, утечки информации, содержащейся в Реестре воинского учета, или иных правомерных действий?

И еще одно нарушение конституционных прав граждан, по нашему мнению, допускается в связи с созданием Реестра воинского учета. Согласно ст. 24 Конституции Российской Федерации сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. А к таким сведениям относятся сведения о состоянии здоровья, личной жизни, имуществе гражданина, его займах и кредитах и т.п.

На основании вышеизложенного стоит отметить, что, хотя Закон № 127-ФЗ и идет «в ногу со временем», но обозначенные выше вопросы свидетельствуют, что он нуждается в существенной корректировке.

По нашему мнению, необходимо, как минимум:

- определить в законе, какие причины неполучения повестки, повлекшие неявку по повестке в военкомат, являются уважительными;

- установить дифференцированную ответственность за неявку по повестке в зависимости от того, совершается ли данное правонарушение в мирное время, в военное время и т.п.;

- установить, какие действия и меры относятся к обеспечению обороны и безопасности, а какие лишь способствуют этому;

- дополнить Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» в части того, кто, в какие сроки и какие действия должен совершить для внесения в реестр воинского учета сведений о праве гражданина на альтернативную граждан-

скую службу, и о желании гражданина воспользоваться таким правом;

— пересмотреть введенные Законом № 127-ФЗ временные ограничительные меры на предмет их соответствия Конституции Российской Федерации;

— установить нормы, регулирующие гражданско-правовую ответственность за причинение убытков (ущерба) гражданам, в связи с необоснованным применением к ним временных ограничительных мер и (или) незаконным распространением сведений о гражданине, содержащихся в Реестре воинского учета.

Данные изменения и дополнения, по мнению автора, не только будут способствовать оптимизации и совершенствованию действующего законодательства, но и будут направлены на укрепление обороны и безопасности страны, снижению риска оттока из страны экономически активного населения, а также повышению уровня патриотизма народа. Кроме того, автор надеется, что данная статья подвигнет научное сообщество к развернутой дискус-

сии по поставленным вопросам, что, несомненно, будет способствовать совершенствованию правового регулирования воинского учета и призыва на военную службу с использованием новейших цифровых технологий.

Библиография

1. Арефьев, Б. Солдат империи / Б. Арефьева. — М., 2003.
2. Корякин, В.М. Цифровизация воинского учета становится реальностью / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 5 (310). — С. 33—40.
3. Норенко, И.В. Ответственность за неявку по призыву без уважительных причин в период мобилизации, в период военного положения и в военное время: некоторые теоретические вопросы правового регулирования / И.В. Норенко // Военное право. — 2020. — № 5 (63). — С. 114—119.
4. Норенко, И.В. Правовое обеспечение военных реформ 60—70-х годов XIX века в России (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Норенко. — М., 2004.
5. Соколов, Я.О. Правовой анализ понятия «уклонист от военной службы» / Я.О. Соколов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2014. — № 6 (204). — С. 117—125.

Проблемы назначения единовременных выплат детям погибших (умерших) участников специальной военной операции

© Фомин Александр Владимирович, кандидат социологических наук, старший офицер научного отдела ФГКУ «Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации», подполковник юстиции

Аннотация. В статье рассмотрен порядок получения военнослужащими (лицами), участвующими в специальной военной операции, и членам их семей мер социальной поддержки установленных указами Президента Российской Федерации. Проанализированы актуальные проблемы, касающиеся назначения совершеннолетним детям погибших (умерших) военнослужащих (лиц) единовременных выплат, исследуется практический опыт применения законодательства в рассматриваемой области, а также предложены варианты разрешения возникающих проблем.

Ключевые слова: специальная военная операция, социальная поддержка, единовременная выплата, выплаты членам семей погибших (умерших) военнослужащих

Problems of assigning lump-sum payments to children of dead (deceased) participants in a special military operation

© Fomin A.V., Lieutenant Colonel of Justice, Candidate of Sociological Sciences, Senior Officer of the Scientific Department of the Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation

Abstract. The article considers the procedure for obtaining by military personnel (persons) participating in a special military operation and their families the measures of social support established by decrees of the President of the Russian Federation. Actual problems concerning the appointment of lump-sum payments to adult children of dead (deceased) servicemen (persons) are analyzed, practical experience in applying legislation in this area is explored, and options for resolving emerging problems are proposed.

Keywords: special military operation, social support, lump sum payment, payments to family members of deceased servicemen

В ходе правоприменительной практики назначения членам семей погибших (умерших) военнослужащих (лиц, проходивших службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации), участвовавших в специальной военной операции, единовременной выплаты в размере 5 млн руб. была выявлена проблема, связанная с ее получением детьми таких военнослужащих, достигших совершеннолетия. Аналогичная проблема затрагивает детей государственных гражданских и муниципаль-

ных служащих, работников организаций, направляемых для выполнения задач на территории новых регионов России, а также волонтеров, осуществляющих в них свою деятельность. Сложившаяся ситуация требует проработки и внесения изменений в указы Президента Российской Федерации, регулирующие данные выплаты.

В целях предоставления дополнительных мер социальной поддержки военнослужащим и иным лицам, принимающим в той или иной степени участие в специаль-

ной военной операции начиная с 24 февраля 2022 г., Президентом Российской Федерации в 2022 г. издан ряд указов, которыми установлены единовременные выплаты в случае получения такими лицами увечья (ранения, травмы, контузии) в размере 3 млн руб. На данные выплаты имеют право:

— военнослужащие, лица, проходящие службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, принимающие участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины¹;

— военнослужащие органов федеральной службы безопасности, непосредственно выполняющие задачи по охране государственной границы Российской Федерации на участках, примыкающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины²;

— военнослужащие и лица, имеющие специальные звания полиции, проходящие военную службу (службу) в войсках национальной гвардии Российской Федерации, выполнявшие задачи по оказанию содействия органам федеральной службы безопасности в охране государственной границы Российской Федерации на участках, примыкающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины с 24 февраля 2022 г., выполняющие задачи по оказанию содействия органам федеральной службы безопасности на участках, примыкающих к районам проведения специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорож-

ской области, Херсонской области и Украины с 30 сентября 2022 г.³;

— направленные (командированные) для выполнения задач на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области лица, замещающие государственные должности, муниципальные должности, государственные гражданские служащие, муниципальные служащие, работники, замещающие в органах публичной власти должности, не отнесенные к должностям государственной или муниципальной службы, работники организаций и учреждений, подведомственных органам публичной власти, а также работники иных организаций, принимающие непосредственное участие в выполнении работ (оказании услуг) по обеспечению жизнедеятельности населения и (или) восстановлению объектов инфраструктуры (в том числе по восстановлению вооружения, военной и специальной техники) на этих территориях⁴;

— волонтеры, осуществляющие свою деятельность на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области⁵.

³ Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2022 г. № 996 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим и лицам, имеющим специальные звания полиции, проходящим военную службу (службу) в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 248 «О дополнительных социальных гарантиях лицам, направленным (командированным) на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, и членам их семей» (утратил силу 29 декабря 2022 г.); Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. № 972 «О дополнительных социальных гарантиях лицам, направленным (командированным) на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области, и членам их семей».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 247 «О поддержке волонтерской деятельности на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области».

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей».

² Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2022 г. № 209 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим органов федеральной службы безопасности и членам их семей».

В случае гибели (смерти) вышеперечисленных лиц единовременная выплата в размере 5 млн руб. выплачивается членам их семей в равных долях.

Несмотря на то, что в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 порядок назначения и осуществления единовременной выплаты предписывалось определить федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим назначение и выплату пенсий в соответствии с Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» и (или) предоставление иных социальных гарантий, в 3-дневный срок, своевременно он был определен только тремя ведомствами — Росгвардией (приказ Росгвардии от 7 марта 2022 г. № 66), ФСБ России (приказ ФСБ России от 11 марта 2022 г. № 92) и ФСО России (приказ ФСО России от 11 марта 2022 г. № 29).

В Минобороны России порядок был утвержден по прошествии полутора месяцев (приказ Министра обороны Российской Федерации от 22 апреля 2022 г. № 236), а в Генпрокуратуре России — более 7 месяцев (приказ Генпрокуратуры России от 11 октября 2022 г. № 58).

Для определения категорий членов семей военнослужащих и сотрудников Росгвардии, имеющих право на единовременную выплату, в указах имеется отсылочная норма на ч. 11 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и ч. 1.2 ст. 12 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные ак-

ты Российской Федерации» соответственно.

К членам семьи военнослужащего, имеющим право на выплаты, относятся:

- супруга (супруг), состоящая (состоящий) на день гибели (смерти) военнослужащего в зарегистрированном браке с ним;
- родители военнослужащего;
- дети, не достигшие возраста 18 лет, или старше этого возраста, если они стали инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, а также дети, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, — до окончания обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет;
- лицо, признанное фактически воспитывавшим и содержавшим военнослужащего в течение не менее пяти лет до достижения ими совершеннолетия. Признание лица фактическим воспитателем производится судом в порядке особого производства по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

К членам семьи сотрудника Росгвардии, имеющим право на выплаты, относятся:

- супруга (супруг), состоящая (состоящий) на день гибели (смерти) сотрудника в браке с ним;
- родители сотрудника;
- дети, не достигшие возраста 18 лет или старше этого возраста, если они стали инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, а также дети, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения, — до окончания обучения, но не более чем до достижения ими возраста 23 лет;
- лица, находившиеся на иждивении погибшего (умершего) сотрудника.

В первых редакциях указов Президента Российской Федерации, касающихся выплат членам семей погибших (умерших) лиц, служащих, работников и волонтеров вовсе не было определено, кого конкретно относить к членам семьи погибшего (умершего). Категории членов их семей раскрывались в постановлении Правитель-

ства Российской Федерации¹, утвердившего правила назначения и осуществления соответствующих выплат. К членам семей были отнесены:

- супруга (супруг);
- родители;

— дети в возрасте до 18 лет, дети старше 18 лет, ставшие инвалидами до достижения ими возраста 18 лет и дети в возрасте до 23 лет, которые обучаются в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по очной форме обучения.

При этом одним из условий признания членом семьи лица, служащего, работника и волонтера являлось предоставление ими до убытия в район СВО информации о членах их семей в кадровую службу органов, организаций и учреждений, а также Ассоциацию волонтерских центров соответственно.

Если кто-либо из членов семьи при убытии в зону проведения СВО не был указан, они лишались права на данную выплату.

6 июня 2022 г. Указом Президента Российской Федерации² были уточнены категории лиц имеющих право на получение единовременной выплаты.

Так, при отсутствии членов семей у погибших (умерших) военнослужащих, лиц, проходивших службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, перечисленных в федеральных законах от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ и от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ, единовременная выплата в равных долях стала положена полно-

родным и неполнородным братьям и сестрам погибших (умерших) военнослужащих и лиц.

К членам семей лиц, сотрудников, работников и волонтеров были добавлены:

— лица, находившиеся на иждивении погибшего (умершего);

— лица, признанные фактически воспитывавшими и содержавшими погибшего (умершего) в течение не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия.

Также уточнено, что супруга (супруг) должны были состоять на день гибели (смерти) в зарегистрированном браке с погибшим (умершим), а при отсутствии вышеперечисленных лиц единовременная выплата производится в равных долях полнородным и неполнородным братьям и сестрам погибших (умерших). Ранее перечень данных лиц был непосредственно поименован в указах Президента Российской Федерации.

С включением полнородных и неполнородных братьев и сестер погибших (умерших) в перечень лиц, имеющих право на получение единовременной выплаты, при отсутствии иных перечисленных в указах лиц, должностными лицами воинских частей и организаций была выявлена следующая проблема: в случае, если у погибшего (умершего) на момент гибели (смерти) в живых остались совершеннолетние дети и полнородные братья и сестры (независимо от их возраста), то, согласно действующим положениям указов, право на единовременную выплату имеют только братья и сестры, а дети лишены такой возможности.

Так, в воинскую часть в связи с гибелью в ходе специальной военной операции военнослужащего М., за назначение единовременной выплаты обратились его дочь (на момент обращения ее возраст составлял 24 года) и родные брат и сестра М. (возраст 42 и 49 лет соответственно). Единовременная выплата, в соответствии с действующими нормативными правовыми актами была назначена в равных долях брату и сестре погибшего, а дочери в назначении выплаты было отказано.

Сложившаяся ситуация никак не коррелируется с принципом «социальной

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 6 мая 2022 г. № 824 «Об утверждении Правил назначения и осуществления единовременных выплат, установленных указами Президента Российской Федерации от 30 апреля 2022 г. № 247 "О поддержке волонтерской деятельности на территориях Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики" и от 30 апреля 2022 г. № 248 "О дополнительных социальных гарантиях лицам, направленным (командированным) на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, и членам их семей"».

² Указ Президента Российской Федерации от 6 июня 2022 г. № 355 «О внесении изменений в некоторые указы Президента Российской Федерации».

справедливости» и «духом» гражданского и иного законодательства Российской Федерации в сфере социального обеспечения и поддержки.

Конечно, не поддается оценке и сравнению боль утраты близкого человека между членами его семьи, но лишение более близких родственников (в соответствии с нормами семейного и гражданского законодательства) выплат в пользу иных лиц, только с учетом возраста первых, является недопустимым.

Так, согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (ГК РФ), к наследникам первой очереди относятся дети, супруг и родители умершего. Полнородные и неполнородные братья и сестры относятся к наследникам второй очереди и только при отсутствии наследников первой очереди.

Согласно Семейному кодексу Российской Федерации (СК РФ) права и обязанности членов семьи определяются исходя из общих начал и принципов семейного или гражданского права (аналогия права), а также принципов гуманности, разумности и справедливости. Исходя из алиментных обязательств видно, что в первую очередь на трудоспособных совершеннолетних детей возложены обязанности по содержанию своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей и заботе о них (ст. 81). Обязанность по их содержанию совершеннолетними братьями и сестрами возлагается лишь только в тех случаях, если они не могут получить содержание от своих трудоспособных совершеннолетних детей, супругов (бывших супругов) или от родителей (ст. 93 СК РФ).

В Федеральном законе «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» также закреплены приоритеты при получении денежного довольствия, причитающегося военнослужащему, проходившему военную службу по контракту, и не полученного им ко дню гибели (смерти). Такое право предоставлено: супруге (супругу), при ее (его) отсутствии проживавшим совместно с указанным военнослужащим совершеннолетним детям, законным представителям (опекунам, попечителям) либо усыно-

вителям несовершеннолетних детей (инвалидов с детства независимо от возраста) военнослужащего и лица, находившиеся на иждивении военнослужащего, в равных долях, а в случае, если военнослужащий не состоял в браке, не имел детей или иных лиц, находившихся на его иждивении, не находившимся на его иждивении родителям в равных долях.

Для разрешения вопроса, связанного с назначением единовременных пособий, предлагается внесение изменений в действующие указы Президента Российской Федерации. При этом возможно использовать несколько вариантов таких изменений.

1) фразу «при отсутствии членов семей единовременная выплата осуществляется (производится) в равных долях полнородным и неполнородным братьям и сестрам ...» изложить с следующей редакцией: «при отсутствии вышеперечисленных лиц единовременная выплата осуществляется (производится) в равных долях совершеннолетним детям, полнородным и неполнородным братьям и сестрам...»;

2) фразу «при отсутствии членов семей единовременная выплата осуществляется (производится) в равных долях полнородным и неполнородным братьям и сестрам...» изложить с следующей редакцией: «при отсутствии вышеперечисленных лиц единовременная выплата осуществляется (производится) в равных долях несовершеннолетним полнородным и неполнородным братьям и сестрам погибшего (умершего), полнородным и неполнородным братьям и сестрам старше 18 лет, ставшим инвалидами до достижения ими возраста 18 лет, полнородным и неполнородным братьям и сестрам в возрасте до 23 лет, обучающимся в образовательных организациях по очной форме обучения...»;

3) исключить ограничение возраста, наличие инвалидности и условие обучения в образовательных организациях по очной форме обучения для детей погибших (умерших).

Первый вариант позволит в равных долях получать единовременное пособие совершеннолетним детям и полнородным и неполнородным братьям и сестрам.

Второй вариант позволит сэкономить бюджетные средства, так как ограничит выплаты полнородным и неполнородным братьям и сестрам достигших совершеннолетия.

Третий вариант позволит получать единовременную выплату совершеннолетним детям погибшего (умершего). При этом следует учитывать, что при наличии иных членов семьи супруги (супруга) родителей, лиц, находившихся на иждивении погибшего (умершего), их доля будет снижена по сравнению с той долей, которую они получают в соответствии с действующими указами.

При внесении изменений может использоваться и иной вариант, отличный от предложенных автором. В любом случае должен быть учтен принцип социальной справедливости, который в сегодняшних условиях наиболее востребован и ожидается гражданами России.

Также предлагается распространить право на получение единовременной выплаты на лиц, признанных фактически воспитывавшими и содержавшими сотрудника Росгвардии в течение не менее пяти лет до достижения ими совершеннолетия. Это обусловлено тем, что только для данной категории из всех выше рассмотренных эта норма не предусмотрена.

После вхождения в состав Российской Федерации новых субъектов в указы Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 и от 18 апреля 2022 г. № 209, при определении границ территорий указанных в них необходимо внести уточнение: вместо «... на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины» указать «... на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины с 24 февраля 2022 г., Запорожской области, Херсонской области с 30 сентября 2022 г.».

Одновременно с внесением изменений необходимо проработать вопрос о единовременных выплатах, уже полученных членами семей. При этом следует учесть, что принимаемые меры должны оградить родственников от тягб по «выбиванию» в судебном порядке своей доли у других

членов семьи, которые неизбежно породят конфликт между ними.

Если подобная ситуация стала возможна из-за недоработки органов государственной власти, разрешение данного вопроса не должно быть переложено на плечи получателей пособий, а все ранее полученные пособия не должны подлежать возврату. К сожалению, данная практика периодически имеет место.

Хотелось бы также отметить, что внесение изменений в указы Президента Российской Федерации необходимо осуществить в кратчайшие сроки пока количество лиц, столкнувшихся с подобными трудностями не увеличилось. Как ранее отмечал В.М. Корякин, необходимо также уточнение Указа Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98 в части, касающейся определения конкретной даты, с которой он распространяется на военнослужащих выполняющих специальные задачи на территории Сирийской Арабской Республики¹.

Практика показывает, что несвоевременное разрешение подобных вопросов способствует росту социальной напряженности, количеству жалоб граждан в различные инстанции, создает дополнительную нагрузку на судебную систему на долгие годы вперед. Одним из ярких тому примеров (для разрешения которого понадобилось более 12 лет) является право членов семей погибших (умерших) военнослужащих на выплату единовременного пособия, предусмотренного статьей 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и единовременного пособия, предусмотренного п. 8 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (суть проблемы автором была изложена ранее).

¹ Корякин В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297). С. 85—93.

Как видно, усилия военных юристов и практиков не оказались напрасными. Возможно, в том числе, и благодаря данному многолетнему спору в изданных в 2022 г. указах Президента Российской Федерации появился пункт о том, что «... получение единовременных выплат, установленных настоящим Указом, не учитывается при определении права на получение иных выплат и при предоставлении мер социальной поддержки, предусмотренных законодательством Российской Федерации и за-

конодательством субъектов Российской Федерации ...».

Библиография

1. Корякин, В.М. Социальное обеспечение участников специальной военной операции: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 4(297). — С. 85—93.

2. Фомин, А.В. Возмещение вреда лицам, участвующим в борьбе с терроризмом: справедливость восстановлена, вопросы остались / А.В. Фомин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 7(276). № 8(277). — С. 34—38.

Медицинский контроль за условиями жизнедеятельности войск как показатель актуальности системы обеспечения безопасности военной службы

© Цуциев Сергей Александрович,
доктор медицинских наук, полковник
медицинской службы в отставке, старший
научный сотрудник. Федеральное
государственное бюджетное учреждение
«Государственный научно-исследовательский
испытательный институт военной медицины»
Министерства обороны Российской Федерации
(ФГБУ «ГНИИИ ВМ» МО РФ), г. Санкт-
Петербург

Аннотация. В статье предпринята попытка вскрыть внутреннее противоречие между официально принятым приоритетом контроля за соблюдением требований безопасности военной службы в войсках и фактическим положением дел на примере организации медицинского контроля за условиями жизнедеятельности военнослужащих. Цель — поиск доказательств актуальности системы обеспечения безопасности военной службы в современных армии и на флоте России. Для этого были изучены руководящие документы по медицинскому обеспечению и безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. Установлен существенный приоритет медицинского контроля за организацией питания и водообеспечения войск над таковым за условиями военно-профессиональной деятельности. Как закономерное следствие, в Минобороны России в настоящее время отсутствуют силы и средства для решения основной задачи безопасности военной службы — идентификации вредных и (или) опасных факторов военной службы в войсках. Этот факт дает веские основания для сомнений в полномасштабном выявлении и постановке на учет всех опасностей и соответствующих им профессиональных рисков повреждения здоровья, в проведении профилактических мероприятий по их ликвидации (минимизации). Этим самым ущемляются права военнослужащих на безопасный труд, на сохранение здоровья и жизни в процессе прохождения военной службы. Необходимо сместить акценты в расстановке приоритетности мероприятий медицинского контроля за условиями повседневной деятельности войск, отдав предпочтение гигиенической оценке условий военного труда военнослужащих на каждом рабочем месте. Это позволит повысить не только актуальность, но и результативность системы обеспечения безопасности военной службы в Вооруженных Силах.

Ключевые слова: медицинский контроль, безопасность, военная служба, вредные и (или) опасные, факторы, гигиеническая оценка, сохранение жизни и здоровья.

Troops' living environment medical supervision as an indicator of military service security system's applicability

© Tsutsiev S.A.,
Doctor of Medicine, Retired Medical service
Colonel, senior research officer of FSBI "State
Scientific Research and Test Institute of Military
Medicine", Ministry for Defence of Russian
Federation, Saint Petersburg

Abstract. There was made an attempt in the article to reveal the inherent contradiction between the authorized priority of compliance with the military service security requirements' control with troops and the actual state of things as exemplified by the organization of servicemen's living environment medical supervision. The purpose is to search for proof of the military service security system's applicability in the modern

Russian Army and Navy. In this regard, the guideline documents for the troops' medical support and military service security in the Russian Armed Forces have been analyzed. The significant priority of catering and water services control was established over the priority of professional military activity's control. As a natural consequence, the Ministry of Defense of the Russian Federation currently lacks the resources to solve the main task of military service security, i.e. the military service health and safety hazards' identification with troops. This fact gives strong reasons to doubt the full-scale identification and registration of all hazards and the corresponding occupational health risks, and the implementation of preventive measures on their mitigation (minimization). Thus, the rights of servicemen to safe work, to in-service life and health protection, are infringed. It is necessary to shift the emphasis in prioritization of the troops' daily activities medical supervision over the conditions of daily activities of the troops, giving preference to the military workplace labor conditions' sanitary audit at each workplace. This would enable increasing both the relevance and effectiveness of the military service security system in the Armed Forces of the Russian Federation.

Key words: medical supervision, security, military service, occupational hazards, sanitary audit, life and health protection.

Военная служба, как известно, представляет собой особую форму реализации гражданами конституционного права на труд и связана с осознанным (добровольным) согласием военнослужащего преодолевать всевозможные и многочисленные «тяготы и лишения», зачастую связанные с риском повреждения здоровья, а порой — и самой жизни. Следующая особенность — беспрекословность подчинения чужой воле (командира, начальника) выполнять поставленную задачу: формат условий, как правило, уточняется, но не обсуждается — как правило, в любое время суток (года), при любых погодных (климатических) условиях и пр.

Это есть многовековые традиции воинской доблести, основанные на глубоком доверии каждого военнослужащего своему командиру, знающему, как наилучшим способом (то есть с минимальными потерями в живой силе и технике) выполнить боевую задачу. Вне всякого сомнения, это понимание основано на детальном знании и понимании командирами (начальниками) особенностей военной службы, требований ее безопасности во вверенном им подразделении и воинской части в целом. В первую очередь, это касается условий и характера выполняемой боевой работы.

Опасности и профессиональные риски повреждения здоровья, генерирующиеся на конкретном рабочем месте, в конечном счете, определяют спектр «тягот и лишений», которые предстоит преодолеть. Оптимизируя условия воинского труда, мы тем самым снижаем риски повреждения

здоровья личного состава¹. Логично предположить, что внимание командиров (начальников) любого уровня должно быть направлено на выявление (а в дальнейшем — на актуализацию) факторов воинского труда, способных оказать вредное и (или) опасное воздействие на здоровье тех или иных специалистов, а в последующем — на их устранение (или минимизацию).

С целью придания ускорения этому процессу и повышения результативности деятельности всех заинтересованных сторон (лиц) в середине 90-х годов прошлого столетия было принято решение о разработке и внедрении в Вооруженных Силах системы обеспечения безопасности военной службы. Однако, вопреки ожиданиям, быстрых и ошеломляющих успехов не наступило. Многочисленные травмы, отравления, в том числе, и массовые, гибель личного состава и пр., по-прежнему нередкие «попутчики» военной службы даже в условиях мирного времени².

¹ Юдин А.Б., Цуциев С.А. Гигиенические проблемы обеспечения безопасности военной службы // Вестник Академии военных наук. 2021. № 1 (74). С. 95—102; Цуциев С.А., Юдин А.Б. Безопасность военной службы как гигиеническая проблема // Военно-медицинский журнал. 2022. Т. 343. №8. С. 40—47.

² Доценко С.А. Вопросы развития системы управления безопасностью военной службы // Человеческий капитал. 2016. № 11 (95). С. 16—17; Григорьев С.М. Актуальные вопросы обеспечения безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации // Человеческий капитал. 2016. № 5 (89). С. 32—33; Артамонов В.А., Григорьев С.М. Научно-правовые проблемы понятийного аппарата в сфере безопасности военной службы: предложения по разрешению //

Итак, безвредные условия боевой работы — основа высокой боеспособности любой воинской части. Несомненно, есть и другие факторы военной службы, способные оказать в определенных условиях (в частности, в горно-пустынной местности с жарким климатом) решающее влияние на эффективность боевой работы, например, организация обеспечения доброкачественной водой в достаточном количестве, организация полноценного и безвредного питания, банно-прачечного обслуживания и пр. И все же, полагаем, при планировании и реализации контроля за различными видами повседневной деятельности войск решающее предпочтение должно отдаваться именно надзору за условиям воинского труда как по объему запланированных мероприятий, так и по времени их реализации, а также по степени точности и надежности применяемых методик диагностики. Проверке актуальности этой гипотезы и посвящено настоящее исследование.

Установлено, что несмотря на официально объявленный приоритет надзорной деятельности командиров и начальников всех рангов за соблюдением требований безопасности военной службы в местах выполнения военнослужащими должностных и специальных обязанностей, основные усилия медицинского контроля направлены на объекты продовольственной службы. Далее следуют вопросы организации водообеспечения и банно-прачечного обеспечения войск. Условия ратного труда, по нашим данным, не относятся к категории первоочередных задач. Но не потому, что на всех рабочих местах созданы безвредные условия труда, а по причине скудности планирования этих мероприятий, применения, главным образом, визуальных методов контроля. В итоге первостепенная задача безопасности воен-

ной службы — выявление вредных и (или) опасных факторов военного труда — в настоящее время реализована быть не может по причине отсутствия необходимых ресурсов, а, следовательно, военнослужащие по-прежнему остаются незащищенными в должной степени от воздействия самых разнообразных и неожиданных факторов военного труда, подверженными риску повреждения здоровья. Очень трудно добиться решительного снижения уровня травматизма военнослужащих, профессиональных заболеваний, их гибели, если в ущерб контролю за условиями воинского труда основное внимание сфокусировать на проверке соблюдения санитарных норм и правил при организации питания, водообеспечения войск. Есть все основания рассматривать создавшуюся ситуацию именно как ущемление прав в реализации социальных гарантий на безопасный труд, защиту жизни и здоровья.

Медицинское обеспечение Вооруженных Сил является видом всестороннего обеспечения и осуществляется военно-медицинскими подразделениями, частями и организациями. Анализ планов работы начальника медицинской службы воинской части на календарный месяц¹ показал, что на него возлагаются многочисленные и разносторонние виды деятельности и среди них фигурирует медицинский контроль за условиями повседневной жизнедеятельности войск. Судя по количеству запланированных мероприятий на месяц⁵, а это, по нашим данным, порядка 20 % от общего бюджета, надзорная деятельность относится к категории важных процедур, которой уделяется большое внимание. Эти мероприятия занимают третье место в рейтинге занятости, уступая только боевой и мобилизационной работе (первое место) и лечебно-профилактическим мероприятиям (второе место). На долю остальных видов деятельности приходится от 4,0 % до 6,5 % общего бюджета мероприятий.

Анализ структуры надзорных мероприятий показал, что первое место в рей-

Человеческий капитал. 2017. № 5 (101). С. 73—77; Марков А.В. Показатели методики оценки безопасности военной службы // Научный резерв. 2018. № 3. С. 103—107; Каменская Е.В., Яблочкин А.Б., Годяев С.А. Требования руководящих документов по обеспечению безопасности военной службы // Наука и военная безопасность. 2018. № 2 (13). С. 94—98.

¹ Руководство по медицинскому обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное время, 2017 г.

тинге занятости приходится на медицинский контроль за организацией питания военнослужащих. На его реализацию приходится порядка 36 % от всего бюджета времени, запланированного на надзорную деятельность, и около 38 % от всего объема запланированных мероприятий, соответственно. На втором месте находится медицинский контроль за организацией водообеспечения войск: на его долю приходится около 30 % времени и порядка 25 % от всех мероприятий, соответственно. Третье место — контроль за организацией банно-прачечного обеспечения военнослужащих: на его реализацию выделено примерно 22 % времени и около 12 % от всех мероприятий, соответственно. Медицинский контроль за военно-профессиональной деятельностью военнослужащих (проверка санитарного состояния гарнизонного караула) занял четвертое место с примерно 7 % времени и порядка 12 % мероприятий, соответственно. Это сделано нами с большой долей условности, предполагающей осмотр рабочих мест членов расчета гарнизонного караула. Если этим пренебречь и быть точным, то получится, что условия военного труда в предстоящем месяце, по каким-то причинам, а такое случается, не вошли в сферу интересов начальника медицинской службы. Тем не менее, на наш взгляд, такой стиль планирования применительно к военно-профессиональной деятельности войск является неприемлемым.

Итак, первое впечатление: в войсковом звене при организации медицинского контроля за условиями повседневной деятельности войск, основное внимание уделяется реализации вопросов питания, водообеспечения и банно-прачечного обеспечения военнослужащих. По мнению разработчиков Руководства по медицинскому обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное время (2017 г.) — это вопросы первостепенной важности. В каких условиях военные специалисты выполняют свой ратный труд — задача, не отличающаяся своей актуальностью. Иными словами, военного врача на территории воинской части (исключая медицинский пункт), с очень большой долей вероятно-

сти, можно найти в столовой (солдатской, офицерской), казарме, бане и пр. объектах тыла и, как исключение, на технической позиции (аккумуляторная, боксы, объекты хранения ВВСТ и пр.).

Для объективизации своих наблюдений, придания им точности и надежности, медицинская служба воинской части должна в обязательном порядке проводить гигиенические и санитарно-микробиологические исследования. Анализ номенклатуры этих исследований показал выраженную ее «пищевую» направленность: порядка 60 % всех исследований связано с медицинским контролем за организацией питания войск. Несомненно, у разработчиков Руководства¹ были веские основания для установления такого тщательного инструментально-лабораторного подтверждения соответствия многочисленных аспектов организации питания установленным санитарным нормам и правилам, но весьма спорным видится нам решение проводить систематический отбор проб готовой пищи с целью определения химического состава и энергетической ценности суточного рациона, а так же отбор проб продовольственного сырья, пищевых продуктов и готовой пищи для определения соответствия медико-биологическим требованиям и санитарным нормам. Для войскового врача это, при тщательном соблюдении всех требований, довольно непростые процедуры, предполагающие немалые затраты сил и времени (в частности, комиссионный отбор средней пробы, составление акта, упаковка образцов проб в специальную тару, транспортировка к месту исследования и пр.). Полагаем, вполне достаточно и регулярного весового контроля полноты доведения норм довольствия (сахар, масло, хлеб и пр.) и готовой пищи (отдельные блюда) до каждого военнослужащего. Это доступная, легко реализуемая (достаточно фельдшера), наглядная, а самое главное — очень действенная процедура, позволяющая оперативно управлять процессом организации

¹ Руководство по медицинскому обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное время, 2017 г.

полноценного питания. Даже собственного прибора иметь не надо: поверенные весы имеются в каждой столовой. Таких примеров можно привести немало и все они существенным образом отвлекают медицинскую службу от решения более важных задач.

Около 25 % всех исследований связано с организацией водообеспечения военнослужащих, что, по сравнению, с предыдущим объектом изучения немного. Но и здесь не все выглядит однозначно. Так, например, можно, конечно, дать убедительное обоснование необходимости определения в воинской части лабораторным методом содержания активного и остаточного хлора в хлорсодержащих препаратах и растворах, но на сколько это целесообразно? Как известно, хлорсодержащие препараты интенсивно применяются в войсках для дезинфекции различных объектов, а «активное начало» в них весьма нестойкое вещество, которое подвержено быстрому распаду даже при соблюдении всех правил хранения. И проводя, названные выше процедуры, медицинская служба берет на себя, невольно, ответственность за качество дезинфекции во всей воинской части. Кроме того, необходимо наладить учет контроля качества этих препаратов, а это также отвлекает от главного. С большим энтузиазмом можно обязать военных врачей определять «активное начало», например, в лекарственных препаратах, но есть ли необходимость в этом?

Примерно 15 % всего объема обязательных исследований приходится на контроль за организацией размещения и условиями воинского труда. Это измерение температуры воздуха в казарменных, служебных и производственных помещениях, а также определение искусственной освещенности. Даже при очень лояльном и осторожном суждении, такое инструментально-лабораторное сопровождение иначе как некорректное не назовешь. Не очень четко прописан перечень помещений, подлежащих контролю: если это казарма, то УВС ВС РФ, регламентируется температура воздуха только в спальном помещении. В отношении других помещений необходимы комментарии: что они из себя пред-

ставляют и почему нужны в них именно объективные методы контроля. К тому же следует заметить, что «чистая» термометрия воздуха в казарменных, служебных и производственных помещений — в настоящее время показатель мало информативный, так как теплоощущения человека во многом зависят еще от влажности воздуха, скорости его движения и радиационной температуры ограждений. Более того, практически все перечисленные помещения согласно УВС ВС РФ должны быть оборудованы термометрами. С определенной долей условности помещения специальных фортификационных сооружений можно отнести к «служебным», однако в Руководстве по медицинскому обеспечению Вооруженных Сил ничего не говорится о многочисленных обитаемых отделениях наземных, подвижных образцов ВВСТ. Определение искусственной освещенности расчетным методом, на наш взгляд, также является мало информативным показателем, так как не учитывает многих нюансов, имеющих решающее значение.

Перечень обязательных гигиенических и санитарно-микробиологических исследований, проводимых специалистами санитарно-эпидемиологической лаборатории (взвода) медицинской роты (приложение 9 к Руководству по медицинскому обеспечению Вооруженных Сил Российской Федерации на мирное время, 2017 г.), несравнимо более многочисленное как по объему выполняемых диагностических процедур, так и по количеству видов повседневной деятельности войск, охваченных медицинским контролем, что само по себе логично и не вызывает вопросов. Анализ структуры запланированных к реализации исследований показал, что порядка 28 % от общего их бюджета времени приходится на контроль за организацией питания войск, около 16 % — водоснабжения и примерно по 10 % — размещения и за условиями военно-профессиональной деятельности войск. Первое место (порядка 32 %) «заняли» санитарно-микробиологические исследования.

Итак, несмотря на то, что соблюдение требований безопасности военной службы объявлено приоритетным направлением в деятельности всех командиров и начальников, в войсках в настоящее время фактически наибольшее беспокойство у командования Вооруженных Сил вызывают вопросы организации питания и водообеспечения войск: именно на эти объекты направлены основные усилия, в частности, медицинского контроля. Невольно складывается впечатление, что основная проблема военной службы — это организация полноценного питания, обеспечение доброкачественной водой и качественное банно-прачечное обслуживание военнослужащих, а санитарное состояние поднадзорных объектов — сфера ответственности медицинской службы. Условия и характер боевой работы военнослужащих не вызывают беспокойства и сомнений у командиров и начальников разного уровня. Как следствие, медицинская служба не располагает штатными силами и средствами для идентификации вредных и (или) опасных факторов военной службы, полный перечень которых применительно к каждому рабочему месту военнослужащего (подразделению, объекту) отсутствует. Полагаем, военным медикам желательно изменить приоритетность при осуществлении медицинского контроля за повседневной деятельностью войск, отдав предпочтение изучению условий военного труда специа-

листов, в том числе, и тыловых служб. Этим самым будет обеспечиваться реальная актуальность системы безопасности военной службы, формирование условий для сохранения жизни и здоровья военнослужащих и, следовательно, для реализации социальных гарантий.

Библиография

1. Артамонов, В.А. Научно-правовые проблемы понятийного аппарата в сфере безопасности военной службы: предложения по разрешению / В.А. Артамонов, С.М. Григорьев // Человеческий капитал. — 2017. — № 5 (101). — С. 73—77.
2. Григорьев, С.М. Актуальные вопросы обеспечения безопасности военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации / С.М. Григорьев // Человеческий капитал. — 2016. — № 5 (89). С. 32—33.
3. Доценко, С.А. Вопросы развития системы управления безопасностью военной службы / С.А. Доценко // Человеческий капитал. — 2016. — № 11 (95). — С. 16—17.
4. Каменская, Е.В. Требования руководящих документов по обеспечению безопасности военной службы / Е.В. Каменская, А.Б. Яблочкин, С.А. Годяев // Наука и военная безопасность. — 2018. — № 2 (13). — С. 94—98.
5. Марков, А.В. Показатели методики оценки безопасности военной службы / А.В. Марков // Научный резерв. — 2018. — № 3. — С. 103—107.
6. Цуциев, С.А. Безопасность военной службы как гигиеническая проблема / С.А. Цуциев, А.Б. Юдин // Военно-медицинский журнал. — 2022. — Т. 343. — № 8. — С. 40—47.
7. Юдин, А.Б. Гигиенические проблемы обеспечения безопасности военной службы / А.Б. Юдин, С.А. Цуциев // Вестник Академии военных наук. — 2021. — № 1(74). — С. 95—102.

Правоохранительная, судебная, прокурорская деятельность

О рассмотрении военным судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (по материалам судебной практики)

© **Заказнова Алевтина Николаевна**,
юрист,
© **Харитонов Станислав Станиславович**,
кандидат юридических наук, профессор

Аннотация. В статье представлены примеры из военно-судебной практики, связанные с подачей и принятием военным судом к рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ на действия и решения должностных лиц и органов, осуществляющих в ходе досудебного производства уголовное преследование.

Ключевые слова: судебный порядок рассмотрения жалоб; военнослужащий, военные суды.

On the consideration by the military court of complaints in accordance with Art. 125 Code of Criminal Procedure (on materials of judicial practice)

© **Zakaznova A.N.**,
lawyer
© **Kharitonov S.S.**,
candidate of legal sciences, professor

Annotation. The article presents examples from military judicial practice related to the filing and acceptance by a military court for consideration of complaints in accordance with Art. 125 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the actions and decisions of officials and bodies carrying out criminal prosecution in the course of pre-trial proceedings.

Key words: judicial procedure for consideration of complaints; soldier, military courts

Оденьте преступление в золото — и крепкое копье правосудия переломится, не поранив; оденьте в рубище — его пронзит и соломинка пигмея.

У. Шекспир

Рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ — одно из основных направлений осуществления судебного контроля в ходе досудебного производства наряду с рассмотрением судом ходатайств органов предварительного расследования о применении мер уголовно-процессуального принуждения, а также о производстве отдельных следственных

действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан¹.

Военные юристы в той или иной степени рассматривали в своих научных публикациях прямо или косвенно теорию и практику применения мер пресечения, в том числе и к военнослужащим².

¹ См.: Дикарев И.С., Юткина С.М. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК // Законность. 2023. № 2. С. 48—51.

² См., например: Заказнова А.Н. Изучение механизма суицидального поведения как необходимое условие для предупреждения самоубийств военно-

Несмотря на подробную регламентацию судебного порядка рассмотрения жалоб в уголовно-процессуальном законодательстве, а также наличие по этому вопросу разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащихся в Постановлении от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление Пленума № 1), в судебной практике по-прежнему допускаются ошибки как заявителями при подаче жалоб, так и судами при решении вопроса о принятии их к производству. Устранение подобных нарушений способствовало бы не только повышению уровня процессуальных гарантий прав и законных

служащих по призыву // Современное российское право: пробелы, пути совершенствования : сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 24—25 декабря 2015 г. Выпуск 9. Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2016. С. 23—34; Мозговой О.А. Уголовно-правовая охрана и регулирование отношений, обеспечивающих проведение специальной военной операции: опыт, проблемы и направления совершенствования // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 188—193; Назаров А.А. Социально-правовая оценка мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11-2. С. 136—140; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13—17; Раков А.В., Харитонов С.С. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 188—193; Смирнов Д.В., Власов С.Ю. О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов // Военное право. 2022. № 3 (73). С. 191—199; Сотникова В.В. Расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий: сегодня и завтра // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 279—283; Харитонов В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2020 г. / Отв. редактор О.И. Александрова. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. С. 421—424, и др.

интересов граждан, вовлеченных в орбиту уголовного правосудия, но и существенной экономии времени и сил как судей, так и других участников досудебного производства по уголовным делам¹.

С учетом указанного далее представлены показательные, как представляется, примеры из военно-судебной практики по рассматриваемой теме.

Вывод судьи об отсутствии в поданной заявителем жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ предмета обжалования необоснован, поскольку им обжаловалось бездействие должностного лица следственного органа, которое способно причинить ущерб конституционным правам участников уголовного судопроизводства и затруднить им доступ к правосудию.

Постановлением судьи гарнизонного военного суда от 11 января 2022 г. Р. отказано в принятии к рассмотрению жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление старшего следователя-криминалиста военного следственного отдела СК России по N-скому гарнизону от 16 сентября 2019 г. об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Б.

Судья, отказывая заявителю в принятии к рассмотрению его жалобы, сославшись на п. 9 Постановления Пленума № 1, мотивировал своё решение тем, что в отношении Р. вынесен обвинительный приговор, который вступил в законную силу. При этом Б. допрашивалась в качестве свидетеля по уголовному делу в отношении Р., что в свою очередь свидетельствует об отсутствии предмета рассмотрения жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ.

Между тем из содержания жалобы Р., поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, следует, что заявитель обжалует не действия должностного лица в рамках уголовного дела в отношении него, а принятые тем действия по заявлению Р., связанные с принятием решения об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении Б., то есть самостоятельные действия, которые к существу уголовного дела в отношении заявителя отношения не имеют.

¹ См.: Дикарев И.С., Юткина С.М. Указ. соч.

Таким образом, судьёй при решении вопроса о принятии жалобы Р. к производству был неверно определён предмет обжалования, и жалоба заявителя на действия следователя подлежала проверке по основаниям, предусмотренным ст. 125 УПК РФ.

При таких обстоятельствах апелляционным постановлением окружного военного суда постановление судьи было отменено с передачей материала на новое судебное разбирательство в тот же суд со стадии принятия жалобы к производству¹.

В соответствии с ч. 3 ст. 125 УПК РФ о рассмотрении жалобы, помимо заявителя, должны быть уведомлены иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием или решением.

Постановлением судьи гарнизонного военного суда от 28 октября 2021 г. производство по жалобе Н. в части, касающейся не проведения следователем проверки по его заявлению от 30 августа 2021 г., о совершённых экспертом ФСБ России Е. преступлений при даче им заключения в рамках уголовного дела в отношении заявителя, прекращено, а эта же жалоба в остальной части оставлена без удовлетворения.

Суд апелляционной инстанции данное постановление отменил ввиду нарушения судом первой инстанции уголовно-процессуального закона, исходя из следующего.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ судебное решение должно быть законным, обоснованным и мотивированным, основываться на рассмотрении конкретных обстоятельств, а также на нормах материального и процессуального права.

В соответствии с ч. 3 ст. 125 УПК РФ судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора с участием заявителя и его защитника, иных лиц, чьи интересы непосредственно затрагива-

ются обжалуемым действием (бездействием) или решением.

Как следует из разъяснений, изложенных в п. 10 Постановления Пленума № 1, судья обязан обеспечить своевременное извещение о месте, дате и времени судебного заседания заявителя, его защитника, представителя, прокурора, руководителя следственного органа, следователя. Подлежат извещению иные лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым действием (бездействием) или решением. К иным лицам относятся, например, потерпевший в случае обжалования обвиняемым постановления о возбуждении уголовного дела; подозреваемый (обвиняемый) в случае обжалования потерпевшим постановления о прекращении уголовного дела; подозреваемый, обвиняемый в случае подачи жалобы в их интересах защитником либо законным представителем.

Согласно представленным материалам, 20 сентября 2021 г. Н. обратился в военный следственный отдел СК России по N-скому гарнизону с заявлением от 30 августа этого же года, в котором просил возбудить уголовное дело в отношении эксперта Е. по признакам преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК РФ, по факту составления экспертом заведомо ложного заключения по результатам проведённой почерковедческой экспертизы.

22 сентября 2021 г. следователь военно-следственного отдела СК России по N-скому гарнизону письменно уведомил заявителя о том, что материалы процессуальной проверки Книги регистрации сообщений о преступлении (КРСП) № 177 от 20 сентября 2021 г. по его сообщению о преступлении в отношении вышеуказанного лица, на основании п. 35 Инструкции об организации приёма, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации, утверждённой приказом Председателя СК России от 11 октября 2012 г. № 72, приобщены к материалам ранее проведённой процессуальной проверки КРСП № 229 от 2 ноября 2020 г., поскольку подано в отношении одного и

¹ См.: Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за первое полугодие 2022 года URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=402 (дата обращения 28.04.2023).

того же лица и содержат признаки одних и тех же преступлений.

Вместе с тем жалоба Н. в порядке ст. 125 УПК РФ на бездействие указанного должностного лица была рассмотрена судом без участия Е., чьи интересы непосредственно затрагиваются обжалуемым решением, участие которого является обязательным. Каких-либо сведений о том, что он извещался о дате, месте и времени судебного заседания, материалы дела не содержат, почтовое извещение в материалах отсутствует, данных о его извещении иным способом также не имеется. Вопрос о возможности рассмотрения жалобы в его отсутствие в судебном заседании не обсуждался.

Таким образом, не извещение Е. о рассмотрении жалобы Н. в порядке ст. 125 УПК следует расценивать как лишение Е. гарантированного УПК РФ права на участие в судебном разбирательстве, что могло повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения¹.

В порядке ст. 125 УПК РФ обжалуются решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Ч. обратился в гарнизонный военный суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой просил признать незаконными постановления начальника военно-следственного отдела о соединении в одном производстве трех уголовных дел, возбужденных в отношении заявителя в совершении преступлений, предусмотренных ст. 322² УК РФ.

Судья гарнизонного военного суда в удовлетворении жалобы заявителю отказал.

Рассмотрев материалы по апелляционной жалобе Ч., суд второй инстанции нашел постановление судьи гарнизонного

военного суда подлежащим отмене, а производство по жалобе прекращению по следующим основаниям.

Закон гарантирует участникам уголовного судопроизводства и иным лицам, в отношении которых допущены нарушения их прав и свобод, возможность обжалования в суд решений и действий (бездействия) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, и определяет, чьи решения и действия (бездействие) могут быть обжалованы в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ.

Помимо постановлений дознавателя, следователя и руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела судебному обжалованию в соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ подлежат иные решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства или иных лиц, чьи права и законные интересы нарушены, либо могут затруднить доступ граждан к правосудию.

Согласно п. 7 Постановления Пленума № 1 в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию суду следует выяснить, подсудна ли жалоба данному суду, подана ли она надлежащим лицом, имеется ли предмет обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ, содержит ли жалоба необходимые сведения для ее рассмотрения.

Согласно п. 2 того же Постановления в случае, если жалоба не содержит предмет обжалования, судья отказывает в принятии ее к рассмотрению.

Соединение уголовных дел в отношении Ч. было произведено уполномоченным на то лицом, в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Этими постановлениями ущерб конституционным правам и свободам заявителя причинен не был, доступ к правосудию Ч. не затруднялся. К такому же выводу пришел и судья гарнизонного военного суда в своем постановлении об отказе заявителю в удовлетворении жалобы.

¹ См.: Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за первое полугодие 2022 г. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=402 (дата обращения 28.04.2023).

Поэтому жалоба Ч. предмета для обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ не содержала, в связи с чем суд апелляционной инстанции обжалуемое постановление отменил, а производство по жалобе Ч. прекратил¹.

Постановление судьи об оставлении жалобы заявителя без удовлетворения отменено, поскольку в нем не дано ответа на изложенные в жалобе доводы.

Постановлением судьи гарнизонного военного суда оставлена без удовлетворения жалоба И. в интересах А. в порядке ст. 125 УПК РФ, в которой представитель заявителя просила признать незаконным постановление заместителя руководителя военного следственного отдела об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников управления ФСБ России по Республике Дагестан по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Оставляя жалобу без удовлетворения, судья гарнизонного военного суда сделал вывод о том, что доводы адвоката не могут являться предметом оценки при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку судья не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства.

Рассмотрев материалы досудебного производства в апелляционном порядке, судебная коллегия постановление судьи отменила, а материалы досудебного производства передала на новое судебное разбирательство со стадии судебного разбирательства в тот же суд, но другим судьей, указав следующее.

В соответствии с п. 14 Постановления Пленума № 1, проверяя законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 148 УПК РФ), судья обязан выяснить, соблюдены ли нормы, регулирующие порядок рассмотрения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (ст. 20,

144, 145 и 151 УПК РФ), а также, принято ли уполномоченным должностным лицом решение об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии к тому законных оснований и соблюдены ли при его вынесении требования ст. 148 УПК РФ.

Кроме того, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, разрешение вопроса о законности и обоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела предполагает, по меньшей мере, установление обстоятельств, позволяющих дать предполагаемому событию преступления правильную правовую оценку с учетом собранных данных, достаточных как для вынесения процессуального решения, так и для проверки его правомерности; такое постановление должно основываться на достоверных сведениях, которые могут быть проверены в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке (постановления от 6 ноября 2014 г. № 27-П и от 23 ноября 2017 г. № 32-П; определения от 28 июня 2018 г. № 1413-О, от 26 ноября 2018 г. № 2817-О и от 24 октября 2019 г. № 2691-О). Судья также обязан проверить, учел ли орган предварительного расследования все обстоятельства, включая указанные в жалобе, которые могли существенно повлиять на его выводы, а также исследовал ли он данные обстоятельства вообще (Определение от 12 апреля 2018 г. № 867-О).

Вопреки требованиям закона, судья гарнизонного военного суда, не разрешив ни одного довода жалобы, сделал противоречащий вышеуказанным правовым позициям вывод о том, что он не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. Между тем, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по сути является итоговым процессуальным решением, исключаящим какое-либо последующее судебное разбирательство по существу².

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 г. http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=71 (дата обращения 23.04.2023).

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного

Отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при его проверке являются самостоятельным предметом жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ независимо от того, вынесен ли по уголовному делу в отношении заявителя приговор.

Постановлением судьи гарнизонного военного суда отказано в принятии в порядке ст. 125 УПК РФ жалобы А. на бездействие руководителя военного следственного отдела в отношении регистрации заявления о преступлении, совершенном сотрудником Управления ФСБ России по Удмуртской Республике, и проведения по этому заявлению процессуальной проверки.

Принимая такое решение, судья исходил из того, что заявитель, будучи осужденным по уголовному делу, фактически оспаривает действия оперативного сотрудника, осуществлявшего оперативно-розыскные мероприятия в рамках предварительного расследования того же уголовного дела. В связи с этим судья А. разъяснил, что вопросы о признании незаконными имевших место на стадии досудебного производства решений и действий должностных лиц заявитель вправе поставить только при рассмотрении дела судом апелляционной или кассационной инстанции.

Между тем, такие выводы являются ошибочными.

Исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в Определении от 25 декабря 2008 г. № 876-О-О, положения ст. 125 УПК РФ прямо предусматривают право участников уголовного судопроизводства обжаловать в судебном порядке решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, и не предполагают произвольных действий правоприменителя, каким-либо образом ограничивающих это право.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в п. 2 Постановления Пленума № 1, в указанной процессуальной процедуре оспариванию также подлежат решения и действия (бездействие) должностных лиц, принятые на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, если они могут затруднить доступ граждан к правосудию. К таковым относятся в частности отказ в приеме сообщения о преступлении либо бездействие при его проверке.

Приходя к выводу о том, что заявитель обжалует действия должностного лица в рамках расследуемого в отношении него уголовного дела, ограничивая возможность задействования процедуры судебного контроля, судья суда первой инстанции не учел, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 140 УПК РФ поводом для возбуждения уголовного дела, а, следовательно, и для проведения доследственной проверки, служит заявление о преступлении, зарегистрированное в установленном законом порядке.

Однако в результате обжалованного бездействия руководителя следственного органа проверка по заявлению А., которая могла бы привести к принятию одного из решений, предусмотренных ч. 1 ст. 145 УПК РФ, не проводилась.

Ввиду изложенного постановление судьи как не отвечающее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ в апелляционном порядке отменено, а материалы судебного производства по жалобе направлены на новое судебное рассмотрение в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ, в тот же суд, но другим судьей со стадии принятия жалобы к рассмотрению.

В случае неподсудности жалобы суду, в который она подана в порядке ст. 125 УПК РФ, судье следует вынести постановление о возвращении данной жалобы подавшему ее лицу. В соответствии с требованиями УПК РФ и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ не предусмотрено направление по подсудности жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ.

Постановлением судьи И-ского гарнизонного военного суда обоснованно признана неподсудной этому суду жалоба, по-

данная защитником — адвокатом Ж. в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление следователя военного следственного отдела по N-скому гарнизону от 30 декабря 2021 г. о возбуждении в отношении военнослужащего К. уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Тем же постановлением судьи указанная жалоба направлена по подсудности в N-кий гарнизонный военный суд.

Однако, принимая решение о направлении жалобы по подсудности, судья не учел существо предусмотренной ст. 125 УПК РФ процедуры, которое заключается в максимально оперативном разрешении жалоб, подаваемых именно на те действия (бездействие) и решения должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Поскольку возможности исполнения постановления о направлении по подсудности жалобы, поданной в порядке ст. 125 УПК РФ, ранее вступления этого постановления в законную силу уголовно-процессуальный закон не предусматривает, принятие такого решения не способствует оперативности разрешения поданной жалобы, ввиду чего является незаконным.

С учетом изложенного, установив неподсудность указанной жалобы И-скому гарнизонному военному суду, судье надлежало вынести постановление о возвращении данной жалобы подавшему ее лицу.

Библиография

1. Дикарев, И.С. Критерии приемлемости жалоб, подаваемых в порядке ст. 125 УПК / И.С. Дикарев, С.М. Юткина // Законность. — 2023. — № 2. — С. 48—51.

2. Заказнова, А.Н. Изучение механизма суицидального поведения как необходимое условие для предупреждения самоубийств военнослужащих по призыву / А.Н. Заказнова // Современное российское право: пробелы, пути совершенствования : сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 24—25 декабря 2015 г. Выпуск 9. — Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2016. — С. 23—34.

3. Мозговой, О.А. Уголовно-правовая охрана и регулирование отношений, обеспечивающих проведение специальной военной операции: опыт, проблемы и направления совершенствования / О.А. Мозговой // Военное право. — 2022. — № 6(76). — С. 188—193.

4. Моргуленко, Е.А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 11. — С. 13—17.

5. Муравьев, К.В. Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию и экономия принуждения при выборе меры пресечения / К.В. Муравьев // Юридический вестник Самарского университета. — 2020. — № 6 (4). — С. 72—79.

6. Назаров, А.А. Социально-правовая оценка мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат / А.А. Назаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 11-2. — С. 136—140.

7. Смирнов, Д.В. О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов / Д.В. Смирнов, С.Ю. Власов // Военное право. — 2022. — № 3(73). — С. 191—199.

8. Сотникова, В. В. Расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий: сегодня и завтра / В.В. Сотникова, К.А. Бунин // Военное право. — 2019. — № 2(54). — С. 279—283.

9. Харитонов, В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве / В.С. Харитонов // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 г. / Отв. редактор О.И. Александрова. — М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. — С. 421—424.

10. Харитонов, С.С. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов / С.С. Харитонов, А.В. Раков // Военное право. — 2023. — № 1(77). — С. 188—193.

Формы реализации тактики надзорной деятельности органов прокуратуры

© Махьянова Римма Мубараковна,
кандидат юридических наук, доцент 25 кафедры
ФГКВОУ ВО «Военный университет имени
князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. В статье обоснована целесообразность использования прокурорами в практической деятельности разнообразных форм тактического воздействия в целях достижения качества проводимых проверок. Порядок разработки и реализации указанных форм осуществляется в соответствии с системой формирования тактических приемов прокурора, функционирование которой соответствует требованиям действующего законодательства и направлено на получение конечного продукта тактики. Приведена классификация надзорных ситуаций нетипичного типа, в которых выделены определенные группы, в соответствии с содержанием которых, в том числе, рекомендуется разрабатывать различные формы реализации тактики надзорной деятельности при условии четкого соблюдения установленных законом принципов организации и деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: надзорная деятельность органов прокуратуры; тактика надзорной деятельности; тактическое воздействие; формы реализации тактики надзорной деятельности; тактические приемы; тактический опыт; тактическое мышление; тактическая обоснованность.

Forms of implementation of tactics of supervisory activity of the Prosecutor's Office

© Makhyanova R.M.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of
the 25th Department of the Prince Alexander
Nevsky Military University of the Russian Ministry
of Defense

Annotation. The article substantiates the expediency of using various forms of tactical influence by prosecutors in their practical activities in order to achieve the quality of the inspections carried out. The procedure for the development and implementation of these forms is carried out in accordance with the system of formation of tactical techniques of the prosecutor, the functioning of which meets the requirements of current legislation and is aimed at obtaining the final product of tactics. The classification of supervisory situations of an atypical type is given, in which certain groups are identified, in accordance with the content of which, among other things, it is recommended to develop various forms of implementing the tactics of supervisory activity, subject to strict compliance with the principles of organization and activity of the prosecutor's office established by law.

Keywords: supervisory activity of the prosecutor's office; tactics of supervisory activity; tactical impact; forms of implementation of tactics of supervisory activity; tactical techniques; tactical experience; tactical thinking; tactical validity.

Тема тактики прокурорского надзора в настоящее время остается не в полной мере разработанной¹.

¹ Винокуров Ю.Е. К вопросу о понятии «Научный продукт» (версия) // Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов

В развитие теоретических исследований основ тактики прокурорского надзора следует отметить, что нами предложена к использованию в практической деятельности органов прокуратуры система разра-

Российской Федерации : вестник научной школы. Вып. 7. М., 2018. С. 6.

ботки и реализации тактических приемов, состоящая из трех взаимосвязанных элементов: объекты и субъекты надзора; надзорная ситуация; тактика (продукт ее реализации в форме конкретного приема (способа (способов действий), а также в виде комбинированных приемов.

Характерными чертами системы являются: а) логичность; б) последовательность; в) динамичность¹.

Порядок и принцип действия системы согласуются с положениями Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» при реализации прокурорами своих полномочий в пределах компетенции в процессе организации и осуществления надзорной деятельности. Основу разработки указанной системы, кроме прочего, составил обобщенный положительный опыт проведения прокурорских проверок по различным направлениям надзора.

Функционирование системы осуществляется в целях получения и дальнейшей реализации конечного продукта разработанной тактики в виде *тактического приема, под которым нами понимается избранный способ (способы) воздействия на надзорную ситуацию (ее текущие обстоятельства) для достижения ожидаемого эффекта.*

В процессе разработки и реализации тактики надзорной деятельности выделяются два решающих момента — «избирательность» и «воздействие», что подразумевает под собой вариативность способов действий и характер их воздействия на условия конкретной надзорной ситуации.

Применительно к тактике *вариативность* предполагает наличие нескольких разработанных способов действий (приемов). Из указанного перечня приемов надлежит избрать те, реализация которых позволит достичь ожидаемого результата с учетом всех обстоятельств складывающейся надзорной ситуации, включая факторы, влияющие на ее динамику.

Одним из основных объективных элементов тактики является надзорная ситуация, условия и обстоятельства которой, управляют процессом разработки и реализации тактики, способствуют принятию рационального тактического решения об избрании целесообразного способа действий.

Наиболее сложной внутренней структурой обладает надзорная ситуация не типичного типа.

Представляется целесообразным заметить, что понятия «надзорная ситуация» и «состояние законности» не подлежат отождествлению.

Так, надзорная ситуация характеризуется динамикой ее условий и обстоятельств, она подвижна и отражает процесс проводимой проверки, учитывая его детализацию (объективные, субъективные, внешние и внутренние факторы). Состояние законности входит в структуру надзорной ситуации и характеризуется некоторым постоянством, отражающим качественные и количественные сведения относительно предмета (предметов) надзора, относящихся, как к каждому поднадзорному объекту (объектам), так и к поднадзорной территории в целом.

Таким образом, *надзорная ситуация* представляет собой совокупность информации о состоянии законности на поднадзорном объекте и факторов, оказывающих влияние на ее динамику и определение типа.

Количество и качество предоставляемых прокурору сведений о состоянии законности на поднадзорных объектах влияет на процессы:

— формирования надзорной ситуации, определения ее типа;

— принятия прокурором целесообразного *тактического решения*, исходя из анализа информационного компонента надзорной ситуации, ее особенностей в конкретном периоде времени.

Под *тактическим решением* нами понимается логически обоснованное заключение о применении рационального способа воздействия на надзорную ситуацию.

Обобщенный опыт надзорной практики органов прокуратуры позволил опреде-

¹ Более подробно об этом см.: Махьянова Р.М. Тактика надзорной деятельности органов прокуратуры : учебное пособие. М.: ВУ, 2023; Махьянова Р.М. Тактическое обеспечение надзорной деятельности органов прокуратуры : монография. М.: ВУ, 2022.

лить примерный перечень факторов, влияющих на формирование типа надзорной ситуации:

— информация о нарушениях закона, требующая проведения проверки;

— имеющиеся в органах прокуратуры материалы по ранее проведенным проверкам (справки, докладные записки, акты прокурорского реагирования; переписка с должностными лицами поднадзорных объектов и других государственных органов; материалы проверок по поступившим и разрешенным в органах прокуратуры обращениям; имеющиеся статистические и аналитические сведения о состоянии законности на поднадзорной территории, и (или) конкретных поднадзорных объектах);

— психологическая обстановка, в которой проводится проверка, в том числе, результаты оценки субъективной стороны проверяемых лиц — их интеллект, воля, жизненный и профессиональный опыт, качество выполнения своих обязанностей, восприятие деятельности прокурорских работников органов прокуратуры в целях реализации своих полномочий, выражаемые в конкретном действии (бездействии);

— состояние и применение прокурорами в ходе проверок различных технических средств в целях фиксации доказательств;

— оценка на предмет законности деятельности должностных лиц на поднадзорном объекте (с учетом их личностных и профессиональных характеристик);

— оценка внутренних и внешних факторов, относящихся к предмету и объекту прокурорской проверки.

Надзорная ситуация *нетипичного типа* характеризуется такими основными факторами, как:

— сокрытие и как следствие возникновение затрудненного познания (знания о незнании) обстоятельств складывающейся надзорной ситуации, касающихся сведений об объектах и субъектах надзора, деятельность которых охватывается предметом прокурорского надзора, непосредственно влияющих на сбор и оценку доказательств, объективное установление фак-

тов нарушения закона (либо их отсутствия);

— отсутствие у прокурора достаточно опыта профессиональной деятельности;

— конфликт (столкновение, серьезное разногласие; имеет характер внезапности, а также более длительное течение, в форме устоявшихся отношений), как субъективный фактор (различного рода противодействия, оказываемые представителями поднадзорной стороны, маскировка подлинного положения (состояния) дел, уход от диалога, конфронтация (противостояние, противоборство¹).

Надзорные ситуации подлежат дальнейшему исследованию в целях определения их теоретических основ.

Вместе с тем, исходя из опыта осуществления надзорной деятельности, в настоящее время возможно выделить группы надзорных ситуаций нетипичного типа:

а) характеризующиеся возникновением конфликта;

б) связанные с отсутствием у прокурора достаточной и объективной информации об объекте и предмете надзора, влекущие возникновение сложных вопросов и задач (проблему);

в) отсутствие достаточного профессионального опыта у прокурора, проводящего проверку, что в дальнейшем может привести к таким негативным последствиям, как: разработка и реализация нецелесообразной тактики (тактические риски² либо отсутствие тактического сопровождения); необъективная оценка условий складывающейся ситуации, включая и оценку деятельности поднадзорных субъектов; неупорядоченность совершения проверочных действий и принятие не рациональных решений; не достижение цели проверки и ее качества и т.п.

Каждое действие прокурора в ходе проверки, особенно в не типичных надзорных ситуациях, должно быть обоснован-

¹ Толковый словарь русского языка / отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. М., 2007. С. 361.

² Махьянова Р.М. Тактические риски при разработке и реализации тактики надзорной деятельности органов прокуратуры // Морской сборник. 2022. № 2. С. 48—51.

ным, в том числе и тактические приемы. Здесь речь идет о *тактической обоснованности* каждого элемента разрабатываемой тактики, универсальная схема которой выглядит следующим образом: уяснение цели и постановка задач; анализ и оценка конкретной ситуации; выработка гипотез; избрание рабочей гипотезы; разработка тактического решения; принятие тактического решения; реализация тактики (использование избранных тактических приемов)¹.

Исходя из этого, каждому указанному элементу тактики должна быть дана оценка, без которой не может быть принято тактически обоснованное решение, влияющее на выбор и реализацию тактики (тактического приема) и результативность надзорного мероприятия, или его промежуточного этапа.

Оценка тактической обоснованности осуществляется по окончании определенного этапа надзорной деятельности и по результатам всех этапов (в комплексе) и надзорной деятельности в целом (здесь представляется целесообразным выделять как конкретные предметы надзора, так и объекты, а также определенный период времени).

Тактическая обоснованность надзорной деятельности органов прокуратуры может иметь следующие уровни оценки: 1) эмпирический; 2) научный; 3) теоретический; 4) творческий; 5) эвристический; 6) интуитивный; 7) рекомендательный; 8) методический; 9) компетентностный.

Указанные уровни составляют содержание тактики надзорной деятельности органов прокуратуры и относятся к субъективным и объективным элементам.

Результат тактической обоснованности напрямую зависит от уровня *тактического мышления* прокурора, разрабатывающего тактику в конкретной ситуации, его способности объективной отработки каждого элемента тактики применительно к условиям надзорной ситуации, что впо-

следствии скажется на конечной оценке результата проверочного мероприятия.

Таким образом, надзорная ситуация нетипичного типа нуждается в обязательном тактическом сопровождении, в ходе которого представляется целесообразным вырабатывать разнообразные формы тактического воздействия на ее условия и обстоятельства в целях достижения качества и результативности проводимой проверки.

Исходя из содержания определенных нами групп надзорных ситуаций нетипичного типа, разрабатываются и реализуются и способы воздействия на ее условия и обстоятельства.

Избранию определенного тактического приема в обязательном порядке предшествует поиск, и это не случайно, поскольку под *тактикой надзорной деятельности органов прокуратуры* нами понимается поиск и реализация рациональных решений в ситуациях, требующих разработки наиболее целесообразных методов и способов действий при организации и осуществлении надзорной деятельности.

Согласно словарным толкованиям термин «воздействовать» обозначает оказывать влияние и добиваться необходимого результата.

В нашем случае речь идет о *тактическом воздействии*, которое осуществляется, как показывает обобщенный опыт использования тактики в общественно полезной и ной деятельности, не только в виде (форме) избранного тактического приема (научного и (или) практического, включая их совокупность)², выражающегося в прямом действии, но и в других формах.

Термин «форма» как философское понятие, представляет собой структуру, внутреннее строение, определенный и определяющий порядок предмета или *протекания процесса* в отличие от его «аморфного» материала (материи), содержания или содержимого. С этим различием связано философское понятие формы, иг-

¹ Махьянова Р.М. Тактика надзорной деятельности органов прокуратуры как фактор повышения эффективности государственного управления // Военное право. 2020. № 6 (64). С. 158.

² Маликов С.В., Махьянова Р.М. Тактические приемы надзорной деятельности военного прокурора: виды, их понятия и основания классификации // Морской сборник. 2020. № 4. С. 40—45.

рающее важную роль в логике, теории познания¹.

Анализ исторической и словарно-справочной литературы дает основание полагать о том, что в профессиональной и иной деятельности существуют различные формы тактического воздействия на условия и обстоятельства складывающейся ситуации. Характерно это и для тактики надзорной деятельности органов прокуратуры.

Исходя из совокупного анализа исторической, словарно-справочной и научно-практической литературы, основными инструментами разработки и реализации тактики (содержащими как объективные, так и субъективные элементы) являются: 1) умение; 2) методы, формы, способы действий (их система, совокупность, совместная (коллективная деятельность); 3) принципы и источники их применения (правовые, научные, прикладные); 4) ситуации (включая их динамичность).

Кроме того, процесс разработки и реализации тактики, исходя из целей ее использования в общественно полезной и иной деятельности, выражается в: изучении и анализе складывающейся ситуации; обеспеченности необходимыми предметами, средствами, оружием, техникой и т.д. и их дальнейшем использовании в зависимости от специфики осуществляемой деятельности и условий складывающейся обстановки; подготовленности субъекта (личностные и профессиональные характеристики); прогнозировании действий (собственных и оппонентов); принятии рациональных решений с учетом обстоятельств складывающейся ситуации.

Так, в словарно-справочной литературе встречаются следующие формы тактического воздействия на условия конкретной ситуации (здесь необходимо учитывать специфику той или иной общественно полезной деятельности).

Например, тактически умолчать²; «страусова тактика — стремление уйти от

действительности, избежать принятия решения; тактика выкручивания рук — метод грубого нажима, давления на кого-л. с целью добиться выгодного для себя решения вопроса; тактика кнута и пряника — метод чередования жестких и мягких мер при обращении с кем-л., ведении международных отношений»³ и др.

Таким образом, вышеприведенное свидетельствует о том, что реализация тактики возможна не только в форме непосредственного действия (совершения определенных избранных действий).

Ярким примером тому является «тактика умолчания», «страусова тактика», с помощью которой возможно избежать нежелательного общения, возникновения негативных последствий и проблем и т.п.

Указанные формы тактического воздействия также можно отнести к тактическим приемам, которые не реализуются в виде совершения избранного прямого действия или комплекса действий.

С учетом этого, по нашему мнению, природа тактического приема, его содержание и форма реализации также нуждаются в проведении теоретических исследований.

Применительно к тактике надзорной деятельности, по аналогии, также возможно разрабатывать и реализовывать, например, такие формы тактического воздействия, как *тактическое выжидание*.

Применение такой формы тактического воздействия характерно, прежде всего, для ситуаций нетипичного типа конфликтной группы.

Например, при возникновении конфликта, возможно применять не только психологические (установление психологического контакта, формирование благоприятного психологического климата) и конфликтологические (в целях урегулирования и пресечения возникающих серьезных противоречий, разногласий и споров) тактические приемы, реализация которых осуществляется посредством совершения

¹ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2003. С. 489.

² Толковый словарь русского языка: школьное издание. В 2-х томах. Том 2. П–Я / автор-

составитель С.А. Кузнецов. М.: Русское слово, 2020. С. 1013, 1014.

³ Большой словарь русских поговорок / под общей редакцией профессора В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 656.

отдельных действий (в форме беседы, пояснений, убеждений и т.п.), а также, в зависимости от всех условий и факторов надзорной ситуации, целесообразно выждать и не реагировать активно в целях получения дополнительной информации и разработки рационального решения об избрании формы тактического воздействия.

Данное тактическое воздействие возможно использовать и в группе проблемных (неупорядоченных ситуаций), требующих решения сложных задач в целях поиска для этого наиболее оптимальных и эффективных путей.

Также представляется целесообразным использовать как одну из форм тактического воздействия на условия надзорных ситуаций не типичного типа *«тактическую сдержанность»* при возникающих острых конфликтных ситуациях, когда ведение диалога не способствует урегулированию ситуации. В данном случае речь идет о психологической корректировке прокурором собственных действий.

Учитывая изложенное, формы реализации тактики надзорной деятельности органов прокуратуры могут быть разнообразными. Однако при их разработке необходимо четко соблюдать принципы организации и деятельности прокуратуры, установленные Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», требования Кодекса этики прокурорского работника, а также положения нормативных правовых актов, в которых регламентированы полномочия прокурора.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что вопросы тактики прокурорского надзора нуждаются в дальнейшем теоретическом исследовании в целях совершенствования прокурорской деятельности, разработки новых форм и методов осуществления надзорных мероприятий и повышения их качества.

Библиография

1. Винокуров, Ю.Е. К вопросу о понятии «Научный продукт» (версия) / Ю.Е. Винокуров // Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов Российской Федерации: вестник научной школы. — Вып. 7. — М., 2018.
2. Маликов, С.В. Тактические приемы надзорной деятельности военного прокурора: виды, их понятия и основания классификации / С.В. Маликов, Р.М. Махьянова // Морской сборник. — 2020. — № 4.
3. Махьянова, Р.М. Тактика надзорной деятельности органов прокуратуры : учебное пособие / Р.М. Махьянова. — Москва: Военный университет Минобороны России, 2023.
4. Махьянова, Р.М. Тактика надзорной деятельности органов прокуратуры как фактор повышения эффективности государственного управления / Р.М. Махьянова // Военное право. — 2020. — № 6.
5. Махьянова Р.М. Тактические риски при разработке и реализации тактики надзорной деятельности органов прокуратуры / Р.М. Махьянова // Морской сборник. — 2022. — № 2.
6. Махьянова, Р.М. Тактическое обеспечение надзорной деятельности органов прокуратуры : монография / Р.М. Махьянова. — Москва: Военный университет Минобороны России, 2022.

Прокурорский надзор в Вооруженных Силах: история образования и развития, отдельные проблемы

© Тишкин Олег Олегович,
юрист

Аннотация. В статье автором на основании анализа норм ранее действовавшего законодательства, трудов ученых исследуются отдельные аспекты, связанные с историей образования и становления военной прокуратуры в России. По результатам проведенного исследования автором делается вывод относительно основных периодов, связанных с образованием и становлением органов военной прокуратуры. Исследуются и определяются отдельные проблемные аспекты осуществления прокурорского надзора в Вооруженных Силах Российской Федерации и делаются предложения по их устранению.

Ключевые слова: военная прокуратура, прокурорский надзор в Вооруженных Силах Российской Федерации, органы военной прокуратуры.

Prosecutor's supervision in the Armed Forces: the history of education and development, individual problems

© Tishkin O.O.,
lawyer

Abstract. Within the framework of this article, the author, based on the analysis of the norms of previously existing legislation, the works of scientists, examines certain aspects related to the history of education and the formation of the military prosecutor's office in Russia. Based on the results of the study, the author concludes about the main periods associated with the formation and formation of the military prosecutor's office. Certain problematic aspects of prosecutorial supervision in the Armed Forces of the Russian Federation are investigated and identified, and proposals are made to eliminate them.

Keywords: Military Prosecutor's Office, prosecutor's supervision in the Armed Forces of the Russian Federation, military prosecutor's office.

Известно, что военная прокуратура России прошла почти четырехсотлетний путь развития, который был непрост по событиям в жизни страны. В целом развитие института военной прокуратуры Российской Федерации можно разделить (с определенной долей условности) на ряд этапов.

Первый этап начался с 1711 г. и продолжался вплоть до 1867 г. (обособления должностей военных прокуроров от иных должностей органов прокуратуры Российской Федерации). Отметим, что изначально Петром I был создан институт аудиторов (по-иному — аудиторат). Аудиторат по своей сути явился первым шагом к об-

разованию органов военной прокуратуры¹.

Как показывает историко-правовой анализ, должность аудитора была первоначально введена в армии и на флоте в 1711 г. Важно отметить, что правовой статус аудитора регулировался в рамках Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1716 г. и полностью исключал его властные полномочия, — аудитор являл собой некую должность «судебного консультанта», который должен был владеть действующим законодательством, следить за процессом в том или ином органе судебной власти и давать необходимые разъяснения по вопросам, связанным с ведени-

¹ Рогачиков А.Е. Военная прокуратура Восточного военного округа: история развития и сегодняшний день // Военно-юридический журнал. 2013. № 2. С. 2.

ем процесса и применением тех или иных правовых норм.

Ключевых требований для занятия должности аудитора было всего два: во-первых, аудитором мог быть только военнослужащий офицерского звания, а, во-вторых, обязательно требовалось наличие юридических познаний. Вместе с тем, как показывает изучение специальной литературы, должность аудитора не пользовалась большой популярностью в войсках. Так, согласно нормам, содержащимся в Табеле о рангах от 24 января 1722 г., звание «Генерал-Аудитор» (высший чин военно-судебного ведомства) соответствовал чину подполковника в армии, «Обер-Аудитор» — чину капитана¹.

Второй этап развития органов военной прокуратуры начинается примерно с 1867 г. и продолжается вплоть до 1917 г. Данный этап считается «классическим» этапом развития органов военной прокуратуры. А именно, в результате коренного реформирования судебных органов и органов прокуратуры, отделения суда от исполнительной власти было принято решение о создании нового Военно-судебного устава². 15 мая 1867 г. Александром II он был утвержден. В Уставе определялась система органов военной юстиции, единая и независимая от общих органов юстиции. Создаваемая система готовилась к функционированию не только в мирное, но и в военное время. Военно-окружные суды составляли основное звено особой ветви судов Российской империи, которую возглавлял Главный военный суд, подчиненный Военному министру и осуществлявший функции кассации и надзора. Военные прокуроры находились при военных судах, однако не входили в их состав. Они, в отличие от прокуроров общих судов, не были подчинены министру юстиции — Генерал-прокурору. Руководство лицами прокурорского надзора военно-судебного ведомства осуществлял Главный военный прокурор. Штатное число чинов прокурор-

ского надзора на тот момент составляло 84 человека: 9 военных прокуроров округов и 75 помощников военных прокуроров.

Важно указать при этом на то, что все существующие чины прокурорского надзора в рассматриваемый промежуток времени были подчинены вышестоящим прокурорам, что прямо устанавливало принцип единства и централизации военного прокурорского надзора.

В соответствии с нормами, существующими в Военно-судебном уставе 1867 г., на должностях военных прокуроров могли проходить службу офицеры армии. Важно, что требования к военным прокурорам устанавливались идентично требованиям, предъявляемым к военным судьям, как-то: прохождение службы в офицерском звании и чине; общий офицерский стаж не менее чем два года, при этом обязательно должен быть стаж в рамках группы старших офицерских должностей; необходимо было за год до момента занятия должности военного прокурора пройти стажировку при главном военно-судебном управлении. Примечательно, что именно в рассматриваемый период появляется общая формула (которая и актуальна на сегодняшний день) о том, что должности военных прокуроров могут быть заняты только лишь лицами, имеющими «офицерское воинское звание и получившими военно-юридическое образование». Было создано специальное образовательное учреждение для подготовки кадров военной прокуратуры — Александровская военно-юридическая академия. Отметим, что Главный военный прокурор всегда назначался из числа лиц, имеющих генеральское звание.

В соответствии с предписаниями Военно-судебного устава 1867 г. отметим следующие основные аспекты статуса военного прокурора:

— военный прокурор должен был осуществлять поддержание государственного обвинения по уголовным делам в военно-судебных органах;

— военный прокурор должен был осуществлять контроль и надзор за

¹ Логвинов Н.Е. Институт военной прокуратуры в СССР // Законность и правопорядок в современном обществе. 2016. № 33. С. 109.

² Там же. С. 110.

производством следствия и дознания по уголовным делам;

— военный прокурор в обязательном порядке должен был утверждать обвинительные заключения должностных лиц, ведущих предварительное следствие и дознание;

— была создана специальная специализированная система военно-прокурорского надзора на условиях подчинения нижестоящих военных прокуроров вышестоящим, и возглавлял указанную систему Главный военный прокурор¹.

Следующий период развития органов военной прокуратуры начинается с 1917 г. и продолжается примерно до 1991 г. В соответствии с Декретом «О суде» от 24 ноября 1917 г. № 1² были полностью упразднены ранее действующие Судебные уставы 1864 г. Иными словами, был ликвидирован сам институт военной прокуратуры. Одновременно требования, связанные с соблюдением законности в государстве и в Красной Армии, являлись актуальными с самых первых дней существования только что созданного государства. Основные задачи по надзору были возложены на Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ) и Народный комиссариат юстиции (НКЮ РСФСР) с его местными органами в системе губисполкомов.

Сообразно справедливому мнению, высказанному Г.С. Пономаревым, в рассматриваемый период был взят курс на создание в СССР системы прокурорского надзора с учетом дореволюционной практики. В 1922 г. подготавливается проект Положения о прокурорском надзоре, который был подписан 28 мая 1922 г.³ Важно при этом указать на то, что организацион-

но органы военной прокуратуры Российской Федерации не являли собой самостоятельного органа. Так, в частности, общее руководство военной прокуратурой осуществлял Прокурор республики, который при этом являлся и Народным комиссаром юстиции. Важно при этом указать на то, что при Прокуроре состояли помощники, один из которых выполнял прокурорские обязанности при осуществлении Верховного трибунала ВЦИК. Именно он непосредственно руководил работой нижестоящих военных прокуроров. В свою очередь следственный аппарат организационно входил в состав революционных военных трибуналов.

Уточним, что на военную прокуратуру распространялись, в том числе, и существующие сегодня принципы организации и деятельности органов прокуратуры. В частности, к их числу относятся следующие:

- централизация и единоначалие в органах прокурорского надзора;
- строгое подчинение нижестоящих прокуроров вышестоящим;
- независимость органов военной прокуратуры от военного командования.

Интересен ряд специфических условий быта и службы в армии и на флоте, что требовало от военных прокуроров выполнения ряда задач, связанных с поддержанием воинской дисциплины, изложенных в Инструкции военным прокурорам и их помощникам, утвержденной приказом РВСР от 4 января 1923 г. № 41.

20 августа 1926 г. ЦИК и Совнарком СССР утвердили Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре, который стал первым законодательным актом, специально регламентировавшим задачи, организацию и деятельность военной прокуратуры в СССР. Так, военная прокуратура представляла собой самостоятельную систему органов при Прокуратуре Верховного Суда СССР. В Положении определялась организация военных трибуналов и военной прокуратуры, а также регулировались некоторые особенности их уголовно-процессуальной деятельности. Военные прокуроры и помощники военных проку-

¹ Туганов Ю.Н. Специальная дисциплинарная ответственность судей военных судов, прокуроров и следователей военной прокуратуры по российскому законодательству // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2005. № 7 (97). С. 3.

² О суде: Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917 г. (утратил силу) // СУ РСФСР. 1917. N 4. Ст. 50.

³ Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части. Томск: НТЛ, 2007. С. 32.

рогов состояли при действовавших военных трибуналах военных округов, фронтов, отдельных армий и флотов. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г. «Об изменении и дополнении Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре» следственный аппарат был передан в полное подчинение органов прокуратуры. Военные следователи из системы военных трибуналов были переданы в военную прокуратуру.

В дальнейшем законодательными актами был конкретизирован правовой статус военного прокурора. Но основы деятельности как военного прокурора, так и современной военной прокуратуры были заложены именно первыми нормативными правовыми актами послереволюционного периода.

В августе 1926 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре. По сути, это был первый законодательный акт, в котором непосредственно и полно определены задачи, организация и деятельность военной прокуратуры в СССР.

Положение о Верховном Суде СССР и Прокуратуре Верховного Суда СССР 1929 г. устанавливало руководство деятельностью органов военной прокуратуры Прокурором Верховного Суда СССР через своего старшего помощника по военной прокуратуре. В последующем (в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) производство по уголовным делам осуществлялось в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» по правилам, устанавливаемым Положением о военных трибуналах в районах военных действий. Таким образом, во время войны никаких дополнительных функций и задач на прокуратуру не возлагалось, а статус военного прокурора не изменялся.

Что касается организационных моментов, то в январе 1942 г. была организована Главная военная прокуратура железнодорожного транспорта, 29 мая 1943 г. — Главная военная прокуратура морского и речного флота СССР. Изменилась и подследственность военной прокуратуры в связи с расширением круга дел, подсудных

военным трибуналам.

В принятом в 1966 г. новом Положении о военной прокуратуре определялись система органов военной прокуратуры (и их полномочия), подследственность уголовных дел военным следователям (ст. 12 Положения о военной прокуратуре)¹.

Принятие союзного Закона о прокуратуре СССР 1979 г. привело к изменению правовых основ деятельности органов военной прокуратуры. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 4 августа 1981 г. № 5403-X утвердил новое Положение о военной прокуратуре, где сохранились доказавшие свою эффективность нормы предыдущего законодательства, а также появились новые предписания с учетом накопленного опыта регулирования деятельности органов военной юстиции².

Следующим этапом развития законодательства о военной прокуратуре стал период становления российской государственности, последовавший после распада СССР. Действующий сегодня Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет актуальные на современном этапе развития нашей страны особенности организации и деятельности органов военной прокуратуры.

Далее рассмотрим отдельные вопросы, касающиеся осуществления прокурорского надзора в войсках и воинских формированиях. Так, обратим внимание на предостережение о недопустимости нарушения закона. Согласно действующему законодательству в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор или его заместитель направляет в письменной форме должностным лицам, а при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки экстремистской деятельности, руко-

¹ Об утверждении Положения о военной прокуратуре: Указ Президиума ВС СССР от 14.12.1966 № 558-VII (утратил силу) // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 24.04.2023г.

² Об утверждении Положения о военной прокуратуре: Указ Президиума ВС СССР от 04.08.1981 N 5403-X (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1981. № 32. Ст. 956.

водителям общественных (религиозных) объединений и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона.

Применение предостережения отнесено к исключительной компетенции прокурора и его заместителей, а помощники военного прокурора не обладают такими полномочиями, что не исключает возможности подготовки проекта предостережения для предупреждения противоправных действий должностных лиц по материалам проверки, из которых следует, что противоправные действия не совершены, но в будущем могут быть совершены действия нарушающие права и свободы военнослужащих.

Предостережения объявляются во всех случаях, когда у прокурора имеются сведения о готовящихся противоправных деяниях. Основанием для предостережения должностного лица могут быть только сведения о готовящихся противоправных действиях, которые приведут к совершению правонарушения и причинению вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и свободам военнослужащих. При наличии оснований для привлечения нарушителей закона к дисциплинарной, административной, материальной, уголовной ответственности предостережения о недопустимости нарушений закона, как правило, не применяются.

Важно отметить, что в настоящее время практика осуществления прокурорского надзора о прохождении военной и иной службы в воинских подразделениях свидетельствует о том, что прокурорами неверно воспринимается само основание для вынесения предостережения, а именно оно выносится по фактам совершенных должностными лицами нарушений закона. Общее содержание таких предостережений сводится к описанию факта выявленного прокурором нарушения закона и требованием не совершать подобных нарушений впредь под угрозой наказания. При этом суды, оценивая законность применения предостережений, как правило, проверяют лишь обоснованность изложенных в предостережениях выводов о допущенных должностным лицом нарушениях закона,

тогда как правильность выбора прокурором способа прокурорского реагирования и вопросы наличия достоверных сведений о готовящихся, но еще не совершенных противоправных деяниях, как правило, не исследуются.

Таким образом, полагаем, что существующая практика применения предостережений по фактам окончанных правонарушений при отсутствии достоверных сведений о готовящихся противоправных деяниях является некорректной и не соответствует тем целям, которые преследовал законодатель в 1999 г., предоставляя прокурорам возможность правового реагирования на выявляемые в процессе надзорных мероприятий факты подготавливаемых правонарушений в целях их предотвращения. Представляется, что между замыслом законодателя и его реализацией некоторыми правоприменителями сформировался отчетливый диссонанс. В этой связи, по нашему мнению, назрела объективная необходимость принятия Генеральной прокуратурой Российской Федерации правотолкующего акта относительно практики применения предостережения, где следует, в том числе, указать на недопустимость применения предостережений по фактам окончанных правонарушений при отсутствии достоверных сведений о готовящихся противоправных деяниях.

Другая проблема. Такой акт реагирования, как надзорное представление, представляет собой меру, посредством которой государство обеспечивает надзор за деятельностью уполномоченных органов и должностных лиц на предмет поддержания режима законности. При этом, несмотря на решающее значение представления военного прокурора, существует ряд вопросов, требующих скорейшего решения. Мы полагаем, что отсутствие их решения негативно отразится на эффективности применения данного акта прокурорского реагирования в частности и прокурорского надзора в целом¹.

¹ Липендин В.И. Актуальные проблемы надзорного представления прокурора // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения

Представление, с точки зрения надзорной деятельности должностных лиц прокуратуры, следует рассматривать как официально внесенный прокурором или его заместителем в рамках осуществления надзора акт, предметом которого являются нарушения законодательства, адресованный уполномоченным должностным лицам или органам и содержащий требование безотлагательно рассмотреть и в предусмотренный в законодательстве срок принять меры, направленные на устранение обнаруженных нарушений, условий, которые поспособствовали их совершению, и причин, привлечь нарушителей к ответственности и письменно сообщить прокурору об итогах рассмотрения прокурорского представления и проделанной для его выполнения работе.

Представление вносится в соответствии с п. 3 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», согласно которому прокурор либо его заместитель издает его с целью устранить нарушение законодательства, когда обнаруживается факт совершения должностными лицами или органами. Согласно ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», ответить на прокурорское представление следует на протяжении месяца с той даты, когда оно было внесено. При этом в ответе должна содержаться информация о том, какие меры приняты, чтобы устранить обнаруженные нарушения, условия, которые способствовали их нарушению, и причины, а также о полученных результатах.

Полагаем, что сегодня правовое регулирование представления в качестве акта, в котором фиксируются результаты надзорной деятельности, недостаточно. Так, в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» отсутствует понятие термина «представление прокурора», не раскрывается его структура и требования, которым должен соответствовать такой акт.

Ряд исследователей аргументирует, что главная проблема не в том, что нет

тщательного регулирования использования представления в законодательстве, регламентирующем прокурорскую деятельность, а в наличии противоречий между действующими нормами.

Звучат, в частности, предложения о замене в ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» требования о необходимости рассмотреть представление в тот срок, который указан в статье, на требование о рассмотрении такого акта в 10-дневный срок, как это предусмотрено, например, в ст. 23 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Но большинство исследователей в том, что касается этой нормы, придерживаются единой точки зрения, суть которой состоит в признании недостаточной правовой регламентации этого института надзорной деятельности прокуратуры. Так, например, Е.Р. Ергашев сравнил акты, которые издаются в рамках прокурорского реагирования в России и Казахстане, правовую регламентацию их использования, и пришел к выводу о значительной схожести этих документов. У них практически дублируется структура, используются аналогичные термины, повторяется содержание и сроки выполнения, но при этом есть и довольно существенная разница. К примеру, по ст. 25 Конституционного закона Республики Казахстан от 5 ноября 2022 г. № 155-VII «О прокуратуре» в прокурорском представлении основание для обращения различается исходя из цели, указаны сроки для уведомления прокурора о том, где будет рассмотрено представление, а также о результатах его рассмотрения. Автор полагает, что необходимо ввести такие нормы и в отечественный закон¹.

Как полагает С.В. Филипенко, то, что в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» нет отдельной главы, посвященной актам, которые издаются в порядке прокурорского реагирования

и инновации : Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. 2018. С. 169.

¹ Ергашев Е.Р. О современных проблемах правовой регламентации и применения актов прокурорского реагирования в Российской Федерации и Республике Казахстан // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 171.

ния, негативно сказывается на работе прокуратуры, поскольку в значительной степени затрудняется их использование, практически невозможна систематизация прокурорских актов и их отдельное изучение без обращения к содержанию других законодательных актов¹.

М.В. Бызова считает, что проблемы, с которыми сегодня приходится сталкиваться, не могут быть решены ввиду недостаточности правовой регламентации использования такого инструмента, как надзорное прокурорское представление. Поэтому автор предлагает включить в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» главу, регламентирующую вопросы, связанные с использованием прокурорами актов реагирования. По мнению ученого, следует детализировать предмет надзора, осуществляемого прокуратурой, закрепленный сегодня только в общих чертах, провести закрепление термина «представление прокурора» и исчерпывающего списка оснований для вынесения такого акта. Кроме того, М.В. Бызова полагает, что требуется расширение прокурорских полномочий в сфере использования рассматриваемого акта посредством включения в него требования привлечь виновных к дисциплинарной, материальной ответственности, а также возможности предложения в представлении определенных мер, направленных на прекращение нарушений закона.

Нам эта точка зрения представляется рациональной, так как сегодня проблема неполного правового регулирования в рассматриваемой сфере уже нашла достаточное подтверждение. Однако в течение продолжительного времени законодатель не делал серьезных шагов в направлении ее решения. При сохранении такого положения дел, как нам видится, упомянутая нерешенная проблема будет все сильнее снижать эффективность прокурорских актов и надзорной деятельности в целом.

Полагаем, что реализация описанных

мер способна не только повысить эффективность и улучшить качество прокурорского представления как надзорного акта, но и сделать эффективнее работу прокуратуры в целом. Думается, что представление будет максимально эффективным, если провести корреляцию приведенных выше позиций, активно работать, расширяя нормативно-правовую базу использования прокурорского представления.

Библиография

1. Бызова, А.В. Представление прокурора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Бызова. — Екатеринбург, 2009.
2. Воронин, О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части / О.В. Воронин. — Томск: НТЛ, 2007.
3. Ергашев, Е.Р. О современных проблемах правовой регламентации и применения актов прокурорского реагирования в Российской Федерации и Республике Казахстан / Е.Р. Ергашев // Российский юридический журнал. — 2016. — № 6. — С. 181—184.
4. Липендин, В.И. Актуальные проблемы надзорного представления прокурора / В.И. Липендин // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. — 2018. — С. 169—171.
5. Логвинов, Н.Е. Институт военной прокуратуры в СССР / Н.Е. Логвинов // Законность и правопорядок в современном обществе. — 2016. — № 33. — С. 109—112.
6. Рогачиков, А.Е. Военная прокуратура восточного военного округа: история развития и сегодняшний день / А.Е. Рогачиков // Военно-юридический журнал. — 2013. — № 2. — С. 2—6.
7. Туганов, Ю.Н. Специальная дисциплинарная ответственность судей военных судов, прокуроров и следователей военной прокуратуры по российскому законодательству / Ю.Н. Туганов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2005. — № 7 (97). — С. 2—7.
8. Филипенко, С.В. Проблемы применения актов прокурорского реагирования на современном этапе развития Российского государства / С.В. Филипенко // Бизнес, Менеджмент и Право. — 2014. — № 1. — С. 110—113.

¹ Филипенко С.В. Проблемы применения актов прокурорского реагирования на современном этапе развития Российского государства // Бизнес, Менеджмент и Право. 2014. № 1. С. 110.

Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика

Преступления против правосудия в структуре преступности в Российской Федерации

© Ермолович Ярослав Николаевич,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права и криминологии
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской
Федерации»

Аннотация. В статье выявляются современные тенденции развития преступности и судимости за преступления против правосудия, делаются выводы о причинах развития некоторых выявленных тенденций этого вида преступности.

Ключевые слова: уголовное право, уголовное законодательство, преступления против государственной власти, преступления против правосудия, преступность, судебная статистика.

Crimes against justice in the structure of crime in the Russian Federation

© Eermolovich Ya.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
FGKOU VO «The Moscow Academy Investigative
Committee of the Russian Federation»

Annotation. The article identifies current trends in the development of crime and convictions for crimes against justice, and draws conclusions about the causes of the development of some of the identified trends in this type of crime.

Key words: criminal law, criminal legislation, crimes against state power, crimes against justice, crime, judicial statistics.

Составы преступлений против правосудия изложены в главе 21 УК РФ, входящей в раздел «Преступления против государственной власти». Всего в рассматриваемой главе предусмотрено 24 основных состава преступления, а с учетом квалифицированных разновидностей и разных составов преступлений, объединенных в одной статье, — 55 составов преступлений. Научный интерес и наличие противоречий и проблем при квалификации таких преступлений подтверждает издание в 2022 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации Постановления от 28 июня 2022 г. № 20. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» На основе анализа опубликованных Судебным

департаментом при Верховном Суде Российской Федерации данных статистической отчетности судов о преступлениях против правосудия, количестве осужденных за эти преступления и назначенных им наказаниях можно сделать выводы о структуре и динамике данного вида преступности¹.

¹ См.: Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам» за 2018, 2019, 2020, 2021 г. [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.03.2023).

Так, в 2021 г. за совершение преступлений против правосудия было осуждено 14 967 человек, т.е. на 12,7 % больше по сравнению с предыдущим годом, в 2020 г. — 13 280 человек, т.е. усматривается падение на 1,3 % по сравнению в предыдущим годом, в 2019 г. — 13 460, т.е. меньше на 2,8 % по сравнению с предыдущим годом, в 2018 г. — 13 844.

В 2018 г. количество осужденных за совершение преступлений против правосудия составляло 1,8 % от общего количества осужденных судами в этом году (658 291 человек), в 2019 г. — 2,0 % (от 598 214 человек), в 2020 г. — 2,2 % (от 530 998 человек), в 2021 г. — 2,3 % (от 565 317 человек). Таким образом, если в абсолютных показателях динамика носит неустойчивый характер за последние 4 года, то в относительных показателях наблюдается устойчивая тенденция роста удельной доли преступлений против правосудия в общей структуре преступности и судимости.

Если в 2021 г. 14 967 человек были осуждены за совершение 17 807 преступлений против правосудия, то оправдано было всего 56 человек (0,37 %), обвинявшихся в совершении 88 преступлений (0,49 %), в отношении 40 человек (0,26 %), обвиняемых в совершении 74 преступлений против правосудия (0,41 %), дело было прекращено за отсутствием состава, события преступления или непричастностью к преступлению, т.е. по реабилитирующим основаниям, в отношении 1 085 человек (7,25 %), обвиняемых в совершении 1 382 преступлений против правосудия (7,76 %), уголовные дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям¹. В 2021 г. принудительные меры медицинского характера были применены в отношении 81 человека, совершившего преступления против правосудия или об-

щественно опасное деяние, имеющее признаки такого преступления (0,54 %).

В 2020 г. 11 543 человека были осуждены за совершение 15 576 преступлений против правосудия, оправдано было всего 57 человек (0,49 %), обвинявшихся в совершении 113 преступлений (0,73 %), в отношении 37 человек (0,32 %), обвиняемых в совершении 69 преступлений против правосудия (0,44 %), дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, в отношении 1 450 человек (12,56 %), обвиняемых в совершении 1 701 преступления против правосудия (10,92 %), уголовные дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям. В 2020 г. принудительные меры медицинского характера были применены в отношении 84 человек, совершивших преступления против правосудия или общественно опасные деяния, имеющие признаки такого преступления (0,72 %).

В 2019 г. 13 460 человек были осуждены за совершение 15 659 преступлений против правосудия, оправдано было всего 43 человека (0,32 %), обвинявшихся в совершении 62 преступлений (0,4 %), в отношении 50 человек (0,37 %), обвиняемых в совершении 86 преступлений против правосудия (0,55 %), дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, в отношении 1 310 человека (9,73 %), обвиняемых в совершении 1 488 преступления против правосудия (9,5 %), уголовные дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям. В 2019 г. принудительные меры медицинского характера были применены в отношении 74 человек, совершивших преступления против правосудия или общественно опасные деяния, имеющие признаки такого преступления (0,55 %).

В 2018 г. 13 844 человека были осуждены за совершение 15 915 преступлений против правосудия, оправдано было всего 65 человек (0,47 %), обвинявшихся в совершении 111 преступлений (0,7 %), в отношении 58 человек (0,42 %), обвиняемых в совершении 109 преступлений против правосудия (0,69 %), дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, в отношении 1 110 человек (8,02 %), обвиня-

¹ О реабилитирующих и не реабилитирующих основаниях прекращения уголовных дел см.: О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) // Российская газета. 2006. 25 января.

емых в совершении 1 323 преступлений против правосудия (8,31 %), уголовные дела были прекращены в суде по не реабилитирующим основаниям. В 2018 г. принудительные меры медицинского характера были применены в отношении 136 человек, совершивших преступления против правосудия или общественно опасные деяния, имеющие признаки такого преступления (0,98 %).

Таким образом, проведенный анализ статистических показателей за 4 года показывает, что количество оправданных и лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены в суде по реабилитирующим основаниям, не выходит за рамки статистической погрешности. Количество же лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены по не реабилитирующим основаниям в суде, характеризуется неустойчивой динамикой и колеблется в пределах от 8 до 12 % от количества осужденных, причем в 2021 г. этот показатель сильно упал на фоне общего роста количества осужденных за преступления против правосудия, что может свидетельствовать о повышении эффективности и оперативности предварительного расследования.

Следует иметь в виду, что в анализируемые показатели не входят преступления и лица, уголовные дела по которым были прекращены на стадии предварительного расследования по не реабилитирующим основаниям (в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, со смертью подозреваемого или обвиняемого, вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием и т. п.), поскольку такие сведения не попадают в статистическую отчетность судов.

В 2018 г. из общего числа назначенных наказаний за преступления против правосудия (всего 12 114 случаев)¹ реальное лишение свободы составляло 5 311

случаев (43,84 % от общего числа назначенных наказаний за рассматриваемые преступления), причем лишение свободы на срок до 1 года составляло 4 066 случаев назначения или 76,6 % от числа назначенных наказаний в виде лишения свободы реально за преступления против правосудия. Лишение свободы условно было назначено в 3 042 случаях, т. е. составляет 25,11 % от числа назначенных наказаний за преступления против правосудия. В совокупности лишение свободы условно и реально составляло почти 69 % от общего числа назначенных наказаний. Другие виды основных наказаний, не связанных с лишением свободы, были назначены в 3 574 случаях (29,5 %), из них штраф составлял 2 193 случая назначения (18 %), исправительные работы — 333 случая (2,75 %), обязательные работы — 989 случаев (8,1 %). Освобождено от уголовного наказания (амнистия, зачет срока содержания под стражей, домашнего ареста и иные основания) было 87 человек или 0,72 % от числа лиц, которым было назначено уголовное наказание. Иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 104.4 УК РФ) применялась в 458 случаях, что составляет 3,8 % от числа лиц, которым было назначено уголовное наказание. Иная мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ) за совершение преступлений против правосудия применялась в 3 случаях. В 358 случаях были назначены дополнительные наказания (3,18 % от количества назначенных наказаний), из них лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначалось в 135 случаях (1,1 % от назначенных наказаний и 37,7 % от числа назначенных дополнительных наказаний), ограничение свободы было назначено в 168 случаях (1,4 % от назначенных наказаний и 46,9 % от числа назначенных дополнительных наказаний), штраф — в 55 случаях (0,45 % от назначенных наказаний и 15,4 % от числа назначенных дополнительных наказаний). Из общего количества осужденных, которым было назначено наказание, только 4 совершили неоконченные преступления,

¹ См.: Форма № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» за 2018, 2019, 2020, 2021 г. [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.03.2023).

никто не совершил преступления с использованием боевого оружия, смягчающие обстоятельства учитывались в 10 064 случаях, отягчающие обстоятельства — в 7 377 случаях.

В 2019 г. из общего числа назначенных наказаний за преступления против правосудия (всего 11 753 случаев, падение почти на 3 % по сравнению с 2018 г.) реальное лишение свободы составляло 5 698 (48,48 % от общего числа назначенных наказаний за рассматриваемые преступления, рост на 7,3 % по сравнению с 2018 г.), причем лишение свободы на срок до 1 года составляло 4 387 случаев назначения или 37,32 % от числа назначенных наказаний за преступления против правосудия (рост на 7,8 %) и почти 77 % от количества назначенных наказаний в виде лишения свободы реально. Лишение свободы условно было назначено в 3 017 случаях, т. е. составляет 25,67 % от числа назначенных наказаний за преступления против правосудия. В совокупности лишение свободы условно и реально составляло почти 74 % от общего числа назначенных наказаний, т. е. рост удельного веса лишения свободы в структуре назначения наказаний за год составил более 5 %. Другие виды основных наказаний, не связанных с лишением свободы, были назначены в 2 933 случаях (25 % от числа назначенных наказаний, падение почти на 18 % по сравнению в предыдущим годом), из них штраф составлял 1 608 случая назначения (13,68 % от числа назначенных наказаний, падение на 26,7 %), исправительные работы — 322 случая (2,73 %, показатели не изменились), обязательные работы — 871 случаев (7,41 %, падение на почти 12 %). Освобождено от уголовного наказания было 103 человека или 0,88 % от числа лиц, которым было назначено уголовное наказание (рост на 18,4 % по сравнению с 2018 г.). Иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 104.4 УК РФ) применялась в 725 случаях, что составляет 6,1 % от числа лиц, которым было назначено уголовное наказание (рост на 58 % по сравнению с 2018 г.). Иная мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества (ст. 104.1

УК РФ) за совершение преступлений против правосудия применялась в 6 случаях (рост на 50 % по сравнению с 2018 г.). В 396 случаях были назначены дополнительные наказания (3,37 % от количества назначенных наказаний, рост на 10,6 %), из них лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначалось в 151 случаях (38,1 % от числа назначенных дополнительных наказаний, рост на 11,85 %), ограничение свободы было назначено в 186 случаях (46,9 % от числа назначенных дополнительных наказаний, рост на 10,71 %), штраф — в 57 случаях (14,4 % от числа назначенных дополнительных наказаний, рост на 3,6 %). Из общего количества осужденных, которым было назначено наказание, только 14 совершили неоконченные преступления, 6 — совершили преступления с использованием боевого оружия, смягчающие обстоятельства учитывались в 10 071 случаях (85,7 % от общего числа назначенных наказаний), отягчающие обстоятельства — в 7 581 случаях (64,5 %).

В 2020 г. из общего числа назначенных наказаний за преступления против правосудия (всего 11 543 случаев, падение почти на 1,8 % по сравнению с 2019 г.) реальное лишение свободы составляло 5 718 (49,54 % от общего числа назначенных наказаний за рассматриваемые преступления, рост на 0,35 % по сравнению с 2019 г.), из этого числа лишение свободы на срок до 1 года составляло 4 502 случаев назначения или 39 % от числа назначенных наказаний за преступления против правосудия (рост на 2,62 %) или 78,7 % от числа назначенных наказаний в виде лишения свободы реально. Лишение свободы условно было назначено в 3 042 случаях, т. е. составляет 26,35 % от числа назначенных наказаний за преступления против правосудия. В совокупности лишение свободы условно и реально составляло почти 75,9 % от общего числа назначенных наказаний, т. е. в 2020 г. удельный вес лишения свободы в структуре назначения наказаний за преступления против правосудия вырос еще на 1,5 %. Другие виды основных наказаний, не связанных с лишением свободы,

были назначены в 2 684 случаях (23,25 % от числа назначенных наказаний, т. е. упали еще на 8,5 % по сравнению в предыдущим годом), из них штраф составлял 1 358 случая назначения (11,76 % от числа назначенных наказаний, падение за год еще на 15,5 %), исправительные работы — 356 случаев (3 %, падение на 10,5 % за год), обязательные работы — 840 случаев (7,3 %, падение на 3,5 %). Освобождено от уголовного наказания было 99 человека или 0,86 % от числа лиц, которым было назначено уголовное наказание (падение на 3,9 % по сравнению с 2019 г.). Иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 104.4 УК РФ) применялась в 797 случаях, что составляет 6,9 % от числа лиц, которым было назначено уголовное наказание (рост на 9,9 % по сравнению с 2019 г.). Иная мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ) за совершение преступлений против правосудия применялась в 1 случае (падение на 83 % по сравнению с 2019 г.). В 421 случае были назначены дополнительные наказания (3,65 % от количества назначенных наказаний, рост на 6,3 %), из них лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначалось в 140 случаях (33,25 % от числа назначенных дополнительных наказаний, падение на 7,28 %), ограничение свободы было назначено в 203 случаях (48,21 % от числа назначенных дополнительных наказаний, рост на 9,14 %), штраф — в 76 случаях (18 % от числа назначенных дополнительных наказаний, рост на 33,3 %). Из общего количества осужденных, которым было назначено наказание, только 11 совершили неоконченные преступления, 7 — совершили преступления с использованием боевого оружия, смягчающие обстоятельства учитывались в 10 032 случаях (86,9 % от общего числа назначенных наказаний), отягчающие обстоятельства — в 7 163 случаях (62 %).

В 2021 г. из общего числа назначенных наказаний за преступления против правосудия (всего 12 998 случаев назначения, рост на 12,6 % по сравнению с 2020 г.)

реальное лишение свободы составляло 5 665 (43,58 % от общего числа назначенных наказаний за рассматриваемые преступления, по количеству практически столько же, сколько и в 2020 г.), из этого числа лишение свободы на срок до 1 года составляло 4 201 случаев назначения или 32,3 % от числа назначенных наказаний за преступления против правосудия (падение на 6,7 %) или 74,1 % от числа назначенных наказаний в виде лишения свободы реально. Лишение свободы условно было назначено в 3 404 случаях, т. е. составляет 26,18 % от числа назначенных наказаний за преступления против правосудия (рост на 17,73 % за год). В совокупности лишение свободы условно и реально составляло почти 69,77 % от общего числа назначенных наказаний, т. е. в 2021 г. удельный вес лишения свободы в структуре назначения наказаний за преступления против правосудия упал на 6,13 %, при том что наблюдается рост количества совершенных преступлений против правосудия. Другие виды основных наказаний, не связанных с лишением свободы, были назначены в 3 766 случаях (29 % от числа назначенных наказаний, рост за год составил 40,3 %), из них штраф составлял 1 492 случая назначения (11,48 % от числа назначенных наказаний, рост на 9,87 %), исправительные работы — 785 случаев (6 %, рост на 120,5 % за год), обязательные работы — 1 289 случаев (9,92 %, рост на 53,45 % за год). Освобождено от уголовного наказания было 162 человека или 1,24 % от числа лиц, которым было назначено уголовное наказание (рост на 63,6 % по сравнению с 2020 г.). Иная мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 104.4 УК РФ) применялась в 374 случаях, что составляет 2,88 % от числа лиц, которым было назначено уголовное наказание (падение на 53 % по сравнению с 2020 г.). Иная мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества (ст. 104.1 УК РФ) за совершение преступлений против правосудия применялась в 3 случаях. В 472 случае были назначены дополнительные наказания (3,63 % от количества назначенных наказаний, рост на 12,11 %), из них лишение права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначалось в 185 случаях (39,19 % от числа назначенных дополнительных наказаний, рост на 32,14 %), ограничение свободы было назначено в 202 случаях (42,8 % от числа назначенных дополнительных наказаний, показатели за год не изменились), штраф — в 83 случаях (17,58 % от числа назначенных дополнительных наказаний, рост на 9,2 %). Из общего количества осужденных, которым было назначено наказание, только 8 совершили неоконченные преступления, 1 совершил преступление с использованием боевого оружия, смягчающие обстоятельства учитывались в 11 503 случаях (88,5 % от общего числа назначенных наказаний), отягчающие обстоятельства — в 3 202 случаях (24,63 %, падение за год составило 55,3 %).

Таким образом, анализируя структуру назначенных наказаний, можно сделать вывод о том, что основным наказанием, назначаемым за преступления против правосудия, является лишение свободы (как реально, так и условно), причем наблюдаются устойчивые детерминанты назначения этого вида наказания, поскольку удельный вес этого наказания в общей структуре назначения наказаний за преступления против правосудия колеблется с незначительными отклонениями на одном уровне. Большую часть назначенных наказаний составляют либо условное лишение свободы, либо лишение свободы на срок до 1 года, что свидетельствует и о том, что большинство преступлений против правосудия относится к преступлениям небольшой и средней тяжести. Оставшуюся 1/3 назначенных наказаний составляют наказания, не связанные с лишением свободы, с тенденцией к росту в абсолютных и относительных показателях удельной доли обязательных и исправительных работ. Практика применения судебного штрафа, а также дополнительных наказаний, свидетельствует о том, что уровень уголовной репрессии постепенно увеличивается, поскольку количество случаев освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа падает, а количество дополнительных наказаний растет,

причем рост осуществляется за счет расширения применения наиболее строго из дополнительных наказаний — ограничения свободы. Несоответствие мер государственного реагирования (снижение количества назначенных лишений свободы, рост количества назначенных наказаний не связанных с лишением свободы) росту преступности против правосудия в 2021 г. следует объяснять инерцией судебной системы, деятельность которой направлена на реализацию уголовной политики по гуманизации мер уголовной репрессии с одной стороны и с другой стороны, судя по росту количества назначенных наказаний, не связанных с лишением свободы, снижением количества учтенных отягчающих обстоятельств, рост преступности против правосудия в 2021 г. происходил в основном за счет преступлений небольшой и средней тяжести, что, в свою очередь, может свидетельствовать наоборот о повышении раскрываемости таких преступлений. Конфискация имущества крайне редко применяется за совершение преступлений против правосудия, поскольку в гл. 31 УК РФ как правило закреплены формальные составы преступлений, не связанные с причинением имущественного вреда или извлечением незаконного дохода.

Если сравнивать практику назначения судами уголовных наказаний за преступления против правосудия с практикой назначения наказаний за остальные преступления, то удельный вес в общем числе осужденных всеми судами (в процентах) реальному лишению свободы на определенный срок (в среднем 28 % от числа назначенных наказаний) почти на треть ниже количества осужденных, которым было назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок за совершение преступлений против правосудия (в среднем 45 % от числа назначенных наказаний), а условное осуждение к лишению свободы (в среднем также 28 % от числа назначенных наказаний) в общем и целом коррелирует с практикой судов по назначению наказаний за преступления против правосудия (в среднем 25,5 %), тогда как лишение свободы на срок до 1 года назначалось всеми судами в целом в 6,5 % слу-

чаев, а за преступления против правосудия — в среднем в 35,5 % случаев назначения наказания¹. Такой дисбаланс следует объяснить тем, что по своему характеру преступления против правосудия обладают довольно высокой степенью общественной опасности (например заключаются в уклонении от отбывания назначенных уголовных наказаний или административного надзора), а фактически совершаемые преступления против правосудия, обладают как правило низкой степенью общественной опасностью, что и детерминирует выбор судьями в основном краткосрочных лишений свободы в ущерб наказаниям, не связанным с лишением свободы. Об этом свидетельствует и более редкое применение судебного штрафа за преступления против правосудия по сравнению с общей практикой (6,5 % случаев применения за все преступления, 4,9 % случаев назначения за преступления против правосудия). При этом составы преступлений, закрепленные в гл. 31 УК РФ, относятся к различным категориям, от небольшой тяжести до особо тяжких, а санкции статей содержат альтернативные виды наказаний, как связанные с лишением свободы, так и не связанные, поэтому в данном случае нельзя сказать, что содержание уголовного закона существенно влияет на практику применения уголовных наказаний или определяет тенденции карательной политики.

Переходя к анализу структуры преступности против правосудия, следует отметить, что за 4 года с 2018 г. по 2021 г. ни одного человека не было осуждено за совершение следующих преступлений против правосудия:

1) незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло

прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба (ч. 3 ст. 299 УК РФ);

2) заведомо незаконные заключение под стражу или содержание под стражей (ч. 2 ст. 301 УК РФ);

3) заведомо незаконные заключение под стражу или содержание под стражей, повлекшие тяжкие последствия (ч. 3 ст. 301 УК РФ);

4) принуждение к даче показаний (ч. 1 ст. 302 УК РФ);

5) принуждение к даче показаний, соединенное с применением насилия, пытки (ч. 2 ст. 302 УК РФ);

6) вынесение судьей заведомо неправосудного приговора, решения, повлекшее тяжкие последствия (ч. 2 ст. 305 УК РФ);

7) разглашение данных предварительного расследования (ст. 310 УК РФ);

8) разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно в отношении их близких, если это деяние совершено лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью (ч. 1 ст. 311 УК РФ);

9) разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, а равно в отношении их близких, если это деяние совершено лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью, повлекшее тяжкие последствия (ч. 2 ст. 311 УК РФ);

10) уклонение лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости, от применения к нему принудительных мер медицинского характера (ч. 3 ст. 314 УК РФ).

В единичных случаях за 4 года с 2018 г. по 2021 г. привлекались к уголовной ответственности (были осуждены) ли-

¹ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008—2021 годы [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.03.2023).

ца за совершение следующих преступлений против правосудия:

1) воспрепятствование производству предварительного расследования, совершенное лицом с использованием служебного положения (ч. 3 ст. 294 УК РФ) — 16 случаев;

2) посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ) — 8 случаев;

3) угроза убийством, причинением вреда здоровью, совершенные с применением насилия, опасного для жизни и здоровья (ч. 4 ст. 296 УК РФ) — 13 случаев;

4) клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ч. 1 ст. 298.1 УК РФ) — 8 случаев;

5) клевета, совершенная в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта (ч. 2 ст. 298.1 УК РФ) — 2 случая;

б) клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 3 ст. 298.1 УК РФ) — 10 случаев;

7) привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 299 УК РФ) — 5 случаев;

8) привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого преступления (ч. 2 ст. 299 УК РФ) — 2 случая;

9) незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) — 14 случаев;

10) заведомо незаконное задержание (ч. 1 ст. 301 УК РФ) — 3 случая;

11) заведомо незаконные заключение под стражу или содержание под стражей, повлекшие тяжкие последствия (ч. 3 ст. 301 УК РФ) — 2 случая;

12) провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 304 УК РФ) — 4 случая, все в 2018 г.;

13) вынесение судьей заведомо неправосудного приговора, решения (ч. 1 ст. 305 УК РФ) — 3 случая;

14) сокрытие или присвоение имущества, подлежащего конфискации (ч. 2 ст. 312 УК РФ) — 7 случаев;

15) побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 3 ст. 313 УК РФ) — 7 случаев;

16) злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 КоАП РФ, совершенное в отношении того же судебного акта (ч. 1 ст. 315 УК РФ) — 12 случаев.

Наиболее распространенным преступлением против правосудия, за совершение которого было осуждено больше всего человек в период с 2018 г. по 2021 г. (4 года), является неоднократное несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административных ограничений или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, сопряженное с совершением данным лицом административного правонарушения против порядка управления (ч. 2 ст. 314.1 УК РФ). В 2021 г. 5 622 человек было осуждено за совершение 6 665 указанных преступлений, что составляет 37,6 % от общего количества осужденных за преступления против правосудия и 37,4 % преступлений

против правосудия. В 2020 г. эти показатели были соответственно 4 761 человек и 5 492 преступлений, 41,3 % осужденных и 35,26 % преступлений. В 2019 г. — соответственно 4 572 человек и 5 143 преступлений, 34 % осужденных и 32,8 % преступлений. В 2018 г. — соответственно 4 254 человек и 4 708 преступлений, 30,7 % осужденных и 29,6 % преступлений. Всего за 4 года было осуждено 19 209 человек, совершивших 22 008 преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 314.1 УК РФ.

Вторым по распространенности преступлением против правосудия является уклонение от административного надзора (ч. 1 ст. 314.1 УК РФ). В 2021 г. 5 168 человек было осуждено за совершение 6 261 указанных преступлений, что составляет 34,5 % от общего количества осужденных за преступления против правосудия и 35,2 % преступлений против правосудия. В 2020 г. эти показатели были соответственно 4 606 человек и 5 586 преступлений, 39,9 % осужденных и 35,9 % преступлений. В 2019 г. — соответственно 4 493 человек и 5 330 преступлений, 33,4 % осужденных и 34 % преступлений. В 2018 г. — соответственно 4 400 человек и 5 307 преступлений, 31,8 % осужденных и 33,3 % преступлений. Всего за 4 года было осуждено 18 667 человек, совершивших 22 484 преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314.1 УК РФ.

В своей совокупности преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 314.1 УК РФ, составляют в среднем за 4 года 68,4 % совершенных преступлений против правосудия и 70,8 % осужденных за совершение преступлений против правосудия в этот же период. Следует отметить, что ст. 314.1 УК РФ была введена Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ¹, т. е. только в 2011 г. Преступления, предусмотренные ч. 1 и ч. 2 этой статьи, являются преступ-

лениями небольшой тяжести и наказываются максимум лишением свободы на срок до 1 года. При этом за время своего недолгого существования рассматриваемое преступление стало самым распространенным преступлением против правосудия, причем растет как количество осужденных и количество совершенных ими преступлений в абсолютных показателях, так и в относительных показателях растет удельная доля этого преступления в структуре преступности против правосудия. Эти же преступления определяют рост преступности против правосудия в последние годы.

На третьем месте по распространенности среди преступлений против правосудия находится заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ). Учитывая, что в ч. 2 и ч. 3 ст. 306 УК РФ предусмотрена ответственность за то же преступление, но с квалифицирующими признаками (это же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления или соединенное с искусственным созданием доказательств обвинения), мы суммировали показатели судимости по всем трем частям этой статьи, как судимость за одно преступление, однако следует иметь в виду, что приблизительно 2/3 преступлений, предусмотренных ст. 306 УК РФ, составляют преступления, предусмотренные ч. 1 этой статьи. В 2021 г. 1 899 человек было осуждено за совершение 2 036 преступлений, что составляет 12,7 % от общего количества осужденных за преступления против правосудия и 11,4 % совершенных в этом году преступлений против правосудия. В 2020 г. эти показатели были соответственно 1 774 человек и 1 913 преступлений, 15,4 % осужденных и 12,3 % преступлений. В 2019 г. — соответственно 1 897 человек и 2 058 преступлений, 14 % осужденных и 13,1 % преступлений. В 2018 г. — соответственно 2 487 человек и 2 668 преступлений, почти 18 % осужденных и 16,7 % преступлений. Всего за 4 года было осуждено 8 057 человек, совершивших 8 675 преступлений, предусмотренных ст. 306 УК РФ. Следует отметить падение количества совершенных преступлений и числа осужденных за это преступление как в абсолютных, так и в

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»: Федеральный закон от 06.04.2011 № 66-ФЗ // Рос. газета. 2011. 8 апреля.

относительных показателей за последние 4 года.

На четвертом месте по распространенности среди преступлений против правосудия находится злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы, от отбывания наказания (ч. 1 ст. 314 УК РФ). Учитывая, что в ч. 2 ст. 314 УК РФ предусмотрено иное преступление — невозвращение в исправительное учреждение лица, осужденного к лишению свободы, либо неявка лица, осужденного к лишению свободы, по истечении срока отсрочки исполнения приговора, а преступление, предусмотренное ч. 3 этой же статьи, вообще не встречается в судебной практике, мы учли только судимость по ч. 1 ст. 314 УК РФ как отдельное преступление. В 2021 г. 597 человек было осуждено за совершение 696 преступлений, что составляет почти 4 % от общего количества осужденных за преступления против правосудия и 3,9 % совершенных в этом году преступлений против правосудия. В 2020 г. эти показатели были соответственно 593 человек и 687 преступлений, 5,1 % осужденных и 4,1 % преступлений. В 2019 г. — соответственно 513 человек и 618 преступлений, 3,8 % осужденных и почти 4 % преступлений. В 2018 г. — соответственно 444 человек и 538 преступлений, почти 3,2 % осужденных и 3,4 % преступлений. Всего за 4 года было осуждено 2 147 человек, совершивших 2 539 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 314 УК РФ. Следует отметить рост количества совершенных преступлений и числа осужденных за это преступление как в абсолютных, так и в относительных показателях (т. е. рост удельной доли в структуре преступности против правосудия) за последние 4 года.

На пятом месте по распространенности среди преступлений против правосудия находится заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ). Учитывая, что в ч. 2 ст. 307 УК РФ предусмотрена ответственность за то же преступление, но с квалифицирующим признаком (это же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления), мы

суммировали показатели судимости по двум частям этой статьи, как судимость за одно преступление, однако следует иметь в виду, что более 96 % совершенных преступлений, предусмотренных ст. 307 УК РФ, составляют преступления, предусмотренные ч. 1 этой статьи. В 2021 г. 370 человек было осуждено за совершение 388 преступлений, что составляет 2,5 % от общего количества осужденных за преступления против правосудия и 2,2 % совершенных в этом году преступлений против правосудия. В 2020 г. эти показатели были соответственно 437 человек и 448 преступлений, 3,8 % осужденных и 2,9 % преступлений. В 2019 г. — соответственно 497 человек и 513 преступлений, 3,7 % осужденных и почти 3,3 % преступлений. В 2018 г. — соответственно 627 человек и 647 преступлений, почти 4,5 % осужденных и 4 % преступлений. Всего за 4 года было осуждено 1 931 человек, совершивших 1 996 преступлений, предусмотренных ст. 307 УК РФ. Следует отметить падение количества совершенных преступлений и числа осужденных за это преступление как в абсолютных, так и в относительных показателях, в том числе снижение удельной доли этого преступления в структуре преступности против правосудия за последние 4 года.

В своей совокупности все пять указанных преступлений (ч. 1 ст. 314, ч. ч. 1, 2 ст. 314.1, ст. ст. 306, 307, УК РФ) составляют около 90 % от общего количества преступлений против правосудия, совершенных в период 2018—2021 г. г.

Подводя итог, следует отметить, что удельная доля преступлений против правосудия в общей структуре преступности и судимости с 2012 г. (т. е. с момента начала практики применения ст. 314.1 УК РФ) выросла почти в 3 раза, хотя в период с 2006 по 2011 г. оставалась стабильной и составляла 0,8—0,9 % от количества осужденных, при том что с 2011 г. по 2021 г. количество всех осужденных за все преступления сократилось на 27,7 %. Из этого можно сделать вывод о том, что основной прирост преступности против правосудия обеспечивают в основном уклонения от административного надзора и несоблюде-

ние ограничений при административном надзоре. Кроме того, следует отметить, что если в период с 2018 по 2021 г. все осужденные за преступления небольшой тяжести составляли в среднем 50 % от количества всех осужденных, то среди осужден-

ных за преступления против правосудия этот показатель составляет около 90 %, поскольку все наиболее распространенные преступления против правосудия относятся к категории преступлений небольшой тяжести.

Воинские преступления против порядка пребывания на военной службе (ст. 337 и 338 УК РФ): вопросы теории и практики

© Мантеев Мерген Батрович,
Студент 4 курса ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет правосудия»

Аннотация. Цель статьи заключается в рассмотрении проблемных вопросов квалификации отдельных преступлений, направленных против порядка пребывания на военной службе. Рассмотрены различные категории военнослужащих и лиц, приравненных к ним, коих необходимо относить к специальным субъектам разбираемых составов преступлений. Предложены пути решения существующих неопределенностей правоприменительной практики, касаемо квалификации указанных деяний. Проведено разграничение самовольного оставления части или места службы и дезертирства.

Ключевые слова: самовольное оставление части или места службы, дезертирство, статус военнослужащего, уголовная ответственность, субъект преступления, уголовно-правовая квалификация, преступление, военная служба.

Military crimes against the procedure for military service (arts. 337 and 338 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of theory and practice

© Manteev M.B.,
4th year student, Russian State University of Justice

Abstract. The purpose of the article is to consider the problematic issues of the qualification of individual crimes directed against the order of military service. Various categories of military personnel and persons equated to them are considered, which must be attributed to special subjects of the analyzed elements of crimes. The ways of solving the existing uncertainties of law enforcement practice with regard to the qualification of these acts are proposed. A distinction was made between the composition of unauthorized abandonment of a unit or place of service and desertion.

Keywords: Unauthorized abandonment of a unit or place of service, desertion, status of a serviceman, criminal liability, subject of a crime, criminal qualification, crime, military service.

Защита Отечества является почетной обязанностью для граждан нашей страны. Современные Вооруженные Силы Российской Федерации приобретают новый облик, отличаются своей мощью, передовыми технологиями, не имеющими аналогов в мире и отвечающими требованиям научно-технического прогресса. Одновременно с этим государство устанавливает ответственность за нарушение порядка пребывания на военной службе.

Несмотря на то, что в целом в воинских коллективах поддерживается благоприятная морально-психологическая атмосфера, военнослужащие удовлетворены условиями прохождения службы и добро-

совестно относятся к своим обязанностям, имеют место случаи уклонения от военной службы. Уклоняющиеся военнослужащие, нарушающие порядок пребывания на военной службе, напрямую отрицательно влияют на военную безопасность государства и деятельность военной организации в целом.

Федеральными законами установлена дисциплинарная и уголовная юридическая ответственность за нарушение порядка пребывания на военной службе.

В соответствии с ч. 2 ст. 28.5 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» грубыми являются следующие дисциплинарные про-

ступки: нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими; самовольное оставление воинской части или установленного за пределами воинской части места военной службы военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, или гражданином, призванным на военные сборы; неявка в срок без уважительных причин на службу при увольнении из расположения воинской части или с корабля на берег, при назначении, переводе, а также из командировки, отпуска или медицинской организации; отсутствие военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в воинской части или установленном за пределами воинской части месте военной службы без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного ежедневного служебного времени.

Критерием разграничения дисциплинарной и уголовной ответственности выступает степень общественной опасности и характер противоправности деяний. То есть, прежде всего, дисциплинарные проступки нарушают воинскую дисциплину и не содержат признак уголовно-правовой противоправности.

Также, согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ, деяние может быть признано малозначительным, то есть формально и содержащее признаки того или иного состава преступления, но учитывая характер, роль лица, тяжесть, мотивы и цели и другие обстоятельства суд вправе вынести оправдательный приговор, но совершенное правонарушение может быть признано дисциплинарным проступком.

В действующем УК РФ преступления против порядка пребывания на военной службе предусмотрены ст. 337, 338, 339, расположенными в гл. 33 «Преступления против военной службы».

Исходя из положений ст. 14 и ст. 331 УК РФ, рассматриваемые преступления можно определить как виновно совершенные военнослужащими (проходящими военную службу как по призыву, так и по контракту, а также приравненными к военнослужащим лицами, призванными на военные сборы) общественно опасные деяния, посягающие на установленный зако-

ном порядок прохождения военной службы и причиняющие вред военной безопасности государства, запрещенные УК РФ под угрозой наказания¹.

Течение военной службы, и соответственно, фактический момент, с которого лицо приобретает статус специального субъекта (субъекта данных составов преступления), начинается с момента:

— для граждан, призванных на военную службу и не пребывающих в запасе, — со дня присвоения первого воинского звания рядового военным комиссаром субъекта Российской Федерации;

— для граждан (в том числе для иностранных граждан), поступивших на военную службу по контракту, — со дня вступления в силу контракта о прохождении военной службы;

— для граждан, поступивших в военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования, — с даты зачисления в образовательные организации;

— для граждан, находящихся в запасе и призванных на военные сборы, — в день зачисления в списки личного состава подразделения.

Мобилизованные граждане формально имеют правовой статус военнослужащих на контрактной основе. Так, согласно Указу Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» были осуществлены мероприятия по призыву граждан на военную службу по мобилизации и установлено, что они имеют статус военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах России по контракту, имеют такое же денежное содержание, но статус военнослужащего они имеют до окончания периода мобилизации и увольнения с военной службы в связи с демобилизацией. Таким образом, споры насчет статуса мобилизованных устраняются путем внимательного прочтения данного Указа.

¹ Военно-уголовное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. М.: РГУП, 2020. С. 624.

Относительно добровольцев надо отметить, что на них распространяется отдельные элементы правового статуса военнослужащих по контракту. Закрепление правового положения добровольцев до недавнего времени не вызывало необходимости, а после многократного возрастания желающих содействовать в выполнении боевых задач Вооруженным Силам Российской Федерации был принят Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 419 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так, Федеральный закон «Об обороне» обзавелся новой статьей — 22.1, где установлено, что добровольческие формирования могут создаваться по решению Президента Российской Федерации Министерством обороны, последнее определяет численность, задачи, районы действий, иные вопросы исходя из задач, стоящих перед Вооруженными Силами в целом; гражданин, желающий стать добровольцем, подписывает соответствующий контракт о пребывании в добровольческом формировании, заключаемый с Минобороны России по установленной форме. Что не менее важно, данная статья содержит положение о том, что на граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, распространяется статус военнослужащих в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации

К тому же, ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» закрепила, что добровольцы несут ответственность наравне с военнослужащими, тем самым подчеркивая схожесть выполняемых функций. Исходя из этого, добровольцев приемлемо относить к специальным субъектам преступлений, предусмотренных гл. 33 УК РФ.

Дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части считается датой окончания военной службы. Военнослужащий исключается из списков личного состава воинской части в день истечения сроков его военной службы (за исключением случаев, предусмотренных п. 11 ст. 38 Федерального закона

«О воинской обязанности и военной службе», например: нахождение на стационарном лечении, участие в походах кораблей, нахождение в плену или в положении заложника и т.д.).

Рассмотрим данные составы преступлений.

Объект у ст. 337, 338 и 339 УК РФ один и тот же, а именно общественные отношения в сфере установленного порядка прохождения военной службы. Но деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 337 УК РФ, посягает еще на дополнительный объект — исполнение правосудия, так как военнослужащий оставляет дисциплинарную воинскую часть, где соответственно отбывает наказание.

Субъект данных составов преступлений — специальный, то есть лицо имеющее статус военнослужащего, проходящего военную службу по призыву или на контрактной основе, а также лицо, пребывающее в запасе и призванное на военные сборы.

По конструкции объективной стороны составы формальные, то есть не требующие общественно опасных последствий.

Данные статьи имеют примечание, согласно которым, вследствие тяжелых обстоятельств, военнослужащие, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности. При этом данные примечания являются специальным основанием освобождения от уголовной ответственности.

В случае наличия таких тяжелых обстоятельств, их установление и оценка подлежат в каждом конкретном случае. Под ними понимают на момент самовольного оставления части или места службы трудные жизненные ситуации (семейного, личного, служебного характера), под воздействием которых, военнослужащий принимает решение совершить преступление. Например, это возвращение военнослужащего домой, к близким родственникам из-за смерти близкого родственника или серьезного заболевания, требующего уход и т.д. Ими могут быть неуставные взаимоотношения, затрудняющие пребывание на службе, тяжелые условия прохождения службы

(нехватка продовольствия, отсутствие необходимых материально-бытовых условий). При применении насилия в отношении военнослужащего со стороны командиров или сослуживцев, может наступать состояние крайней необходимости оставления места службы, так как иным способом защитить свою жизнь и здоровье не представляется возможным.

Но если тяжелые жизненные обстоятельства прекращаются (родственник выздоравливает, после похорон прошло достаточно времени), то лицо, вынужденно уклонившееся от военной службы, должно вернуться в расположение части или на место несения службы, в противном случае оно будет подвергаться уголовной ответственности на общих основаниях. О желании военнослужащего продолжать военную службу могут объективно свидетельствовать его активные действия, направленные на прекращение неправомерного нахождения вне места службы, как только им будут устранены причины, из-за которых он самовольно оставил место службы или не явился в срок на службу¹.

Ст. 337 УК РФ содержит несколько составов преступлений, различающихся между собой субъектом и продолжительностью уклонения от военной службы.

Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 337 УК РФ, выражается в деянии, а именно в виде:

1) самовольного оставления части или места службы (убытие военнослужащего за пределы воинской части, в которой он проходит службу, либо уход с места службы без соответствующего разрешения командира).

2) неявки в срок без уважительных причин на службу при увольнении, назначении, из командировки, при переводе, из отпуска или лечения (неявка в срок, установленный в соответствующих докумен-

тах, таких, как отпускной билет, увольнительная записка и т.д.).

Уголовная ответственность наступает только за самовольное оставление или неявку. На практике встречались случаи, когда командир или начальник разрешал военнослужащему покинуть часть или место несения службы. В таких случаях встает вопрос о привлечении должностного лица к дисциплинарной или уголовной ответственности (например, военнослужащий в звании капитана, исполняя обязанности командира роты, незаконно освободил подчиненных ему военнослужащих от обязанностей по прохождению военной службы на срок более 5 месяцев; в отношении последних в возбуждении уголовного дела было отказано, а командира роты признали виновным в совершении преступления по ч. 1 ст. 286 УК РФ²).

Субъективная сторона выражается виной в виде прямого умысла. При этом для квалификации именно по данной статье важна цель. Целью является временное уклонение от исполнения обязанностей военной службы и по истечении определенного срока возвратиться в часть (к месту службы) для прохождения военной службы.

При этом, как отмечает Верховный Суд Российской Федерации³, продолжительностью самовольного оставления части является фактическое время незаконного пребывания военнослужащего вне воинской части или места службы. Исчисляется оно с момента самовольного оставления или истечения срока явки на службу сутками и месяцами. Также, стоит иметь в виду, что течение срока самовольного оставления не может прерываться, если военнослужащий хоть и возвращается в расположение части или места службы, но не желает приступить к выполнению обязанностей военной службы, либо задержа-

¹ Степаненко Н.Е., Лускан В.С. Вопросы совершенствования уголовно-правовой нормы об ответственности за самовольное оставление места службы // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2019. № 4(261). С. 73—81.

² Уголовное дело № 1-71/2017/ Архив Заозерского гарнизонного военного суда.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы».

вается органами власти за совершение иного правонарушения. Даже если соответствующий командир издает приказ об исключении такого лица из списков личного состава части или подразделения, срок самовольного отсутствия не может прерываться, поскольку законных оснований для издания приказа нет.

В ч. 4 ст. 337 УК РФ предусмотрена ответственность за оставление части или места службы военнослужащим по призыву или по контракту сроком на 2 месяца, в то время как максимального или верхнего порога времени не предусмотрено. На практике были ситуации, когда военнослужащие покидали место службы или не являлись на нее, проводя свое время по собственному усмотрению сроком свыше одного года, и когда, наконец, их задерживали правоохранительные органы или они самостоятельно являлись, то заявляли о себе как о военнослужащих, самовольно оставившим воинскую часть.

В связи с этим считаю, что есть необходимость изменения ч. 4 ст. 337 УК РФ для установления максимального времени пребывания вне воинской части или места службы сроком до 6 месяцев, а все что выше установленного срока квалифицировать как дезертирство, предусмотренное ст. 338 УК РФ.

Далее подробно разберем состав такого преступления, как дезертирство.

Объективная сторона выражается в самовольном оставлении части или места службы или неявке на службу.

Субъективная сторона характеризуется виной в виде прямого умысла, но целью будет являться полное уклонение от прохождения военной службы. То есть не стремление уклониться от отдельных обязанностей военной службы, а от конституционной обязанности прохождения военной службы в целом.

Отдельно стоит сказать о квалифицирующих признаках данного состава, так как они вызывают неоднозначную оценку правоприменителем.

Квалифицирующими признаками данного состава преступления являются: дезертирство с оружием, вверенным по службе; дезертирство, совершенное груп-

пой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Вверенным оружием является боевое ручное стрелковое и холодное оружие (это могут быть пистолеты, пистолеты-пулеметы, автоматы, карабины, пулеметы, ручные гранаты, ручные противотанковые гранатометы, штык-ножи и т.д.), которым военнослужащий обладает правомерно, то есть в силу возложенных на него обязанностей военной службы. Под данное понятие не подпадают, например, сигнальные пистолеты, стартовые, охлажденные образцы стрелкового вооружения¹.

Примечательно, что если военнослужащий совершает дезертирство с не вверенным ему оружием, а с оружием, которое является имуществом воинской части, то такое деяние будет квалифицироваться по совокупности с соответствующими статьями Уголовного кодекса.

Рассматривая ч. 2 ст. 338 УК РФ, считаю, следует добавить также указание не только на оружие, вверенное по службе, но и на иные предметы, устройства, вещества, которые представляют собой источник повышенной опасности: взрывчатые вещества, химическое оружие, радиоактивные материалы и т.п. Как это было сделано, к примеру, в ст. 349 УК РФ.

Также можно не прибегать к другим статьям УК РФ при совершении дезертирства с оружием, которое не было вверено военнослужащему, а обозначить в диспозиции статьи любое оружие, которым лицо завладело.

Текст диспозиций ст. 337 и 338 УК РФ ясен для понимания только на первый взгляд. Правоприменительная практика показала, что существуют некоторые затруднения при квалификации по данным составам преступления.

Критерием разграничения самовольного оставления части или места службы и дезертирства является цель уклонения от военной службы. В первом случае лицо стремится временно уклониться от пребы-

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими. .

вания на военной службе. При дезертирстве лицо намерено полностью освободиться от исполнения своих обязанностей.

В диспозиции ст. 337 УК РФ предусмотрены уважительные причины оставления части или места службы или неявки. В уголовном законе не раскрывается понятие «уважительные причины», оно является оценочным, и на практике ими могут быть признаны случаи заболевания или увечья военнослужащего, связанные с утратой трудоспособности и не позволяющие ему самостоятельно передвигаться; отсутствие транспортного сообщения или денежных средств для покупки билета; любое обстоятельство непреодолимой силы или не зависящее от воли гражданина. Иные причины тоже могут быть признаны следователем или судом уважительными, то есть данное положение закона имеет расширительное толкование, и каждый отдельный случай должен рассматриваться индивидуально. В то же время, ст. 338 УК РФ не содержит никакого указания на уважительные причины, что все-таки обосновано, так как если у военнослужащего возникли намерения именно на полное уклонение от военной службы, то никакое жизненное обстоятельство не сможет оправдать данное лицо. И как верно отмечают некоторые исследователи, «понятие «неуважительные причины» не применимо к объективной стороне дезертирства, поскольку в этом случае военнослужащий полностью исключает себя из сферы воинских отношений»¹.

Необходимо отметить, что уголовная ответственность по ст. 337, 338, 339 УК РФ может наступать только за совершение деяния лишь указанными в диспозициях способами.

Относительно квалифицирующих признаков, обуславливающих повышенную уголовную ответственность, в диспозиции ст. 338 УК РФ указывается на совершение дезертирства с оружием группой лиц по предварительному сговору, либо организо-

ванной группой, в то время как самовольное оставление части или места службы таких квалифицирующих признаков не имеет.

Отличием является и указание в диспозиции ст. 337 и дифференциация наказания специального субъекта, а именно военнослужащих по призыву либо по контракту. Ст. 338 УК РФ применяет лишь общее название — «военнослужащие». Возникает ошибочное суждение о том, что граждане, проходящие военные сборы, не могут являться специальными субъектами по ст. 337 УК РФ.

Необходимо упомянуть также состав преступления, предусмотренный ст. 339 УК РФ. Уклонение от исполнения служебных обязанностей путем симуляции болезни или иными способами, предусмотренное ст. 339 УК РФ, преследует те же цели — полное или временное уклонение от обязанностей военной службы. Разграничение можно провести через объективную сторону состава, ведь она выражается только способами совершения преступления, которые прямо предусмотрены диспозицией, а именно путем того или иного обмана. Так как рассматриваемое преступление может быть совершено в целях освобождения от исполнения всех или лишь некоторых обязанностей военной службы (например, освобождение от участия в войсковых учениях путем симуляции болезни и помещения в связи с этим в лазарет)², то отличием будет выступать и тот факт, что совершение данного преступления не обязательно связано с нахождением вне пределов воинской части или места службы.

В результате проделанной работы можно сделать следующие выводы: существует необходимость внесения изменений в анализируемые уголовно-правовые нормы; анализ показал, что наблюдается недостаточность судебного толкования по во-

¹ Степаненко, Н.Е., Русак А.Г. Вопросы разграничения самовольного оставления части и дезертирства // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2020. № 2. С. 50—58.

² Харитонов, С.С. Проблемные вопросы квалификации уклонений от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. 2018. № 11(256). С. 76—86.

просам квалификации в целях правильного применения уголовного закона.

Единые подходы в квалификации позволят упорядочить правоприменительную практику, что несомненно благоприятно скажется на обеспечении законности в Вооруженных Силах. К тому же, как отмечается в публикации Я.Н. Ермоловича, самовольное оставление части или места службы является наиболее распространенным преступлением против военной службы. Все это свидетельствует об актуальности данного исследования.

Библиография

1. Военно-уголовное право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. — М.: РГУП, 2020.
2. Ермолович, Я.Н. Военная преступность — 2020 (анализ статистических показателей судимости военнослужащих Российской Федерации за преступления против военной

службы в 2020 г.) / Я.Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 2(295). — С. 86—92. — EDN UWZPCI.

3. Степаненко, Н.Е. Вопросы разграничения самовольного оставления части и дезертирства / Н.Е. Степаненко, А.Г. Русак // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2020. — № 2. — С. 50—58.

4. Степаненко, Н.Е. Вопросы совершенствования уголовно-правовой нормы об ответственности за самовольное оставление места службы / Н.Е. Степаненко, В.С. Лускан // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2019. — № 4(261). — С. 73—81. — EDN VXAAOQ.

5. Харитонов, С.С. Проблемные вопросы квалификации уклонений от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами / С.С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2018. — № 11(256). — С. 76—86. — EDN VMREKK.

К вопросу об уголовной ответственности лиц, участвующих в специальной военной операции на добровольной основе

© Моргуленко Евгений Андреевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного права Военного
университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматриваются основания привлечения участвующих в специальной военной операции на добровольной основе лиц к уголовной ответственности за преступления против военной службы, формулируются предложения по совершенствованию редакции ст. 331 УК РФ.

Ключевые слова: специальная военная операция, уголовная ответственность военнослужащих, добровольческие формирования, правовой статус военнослужащих, субъект преступлений против военной службы, новая редакция ст. 331 УК РФ.

The issue of criminal liability of persons participating in a special military operation on a voluntary basis

© Morgulenko E.A.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate profes-
sor of the Department of Criminal Law of the prince
Alexandr Nevsky Military University of the Minis-
try of Defense of the Russian Federation

Abstract. The article examines the grounds for bringing persons participating in a special military operation on a voluntary basis to criminal responsibility for crimes against military service, and formulates proposals for improving the wording of Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: Special military operation to protect the DPR and LPR, criminal liability of military personnel, volunteer formations, the legal status of military personnel, the subject of crimes against military service, new edition of Article 331 of the Criminal Code of the Russian Federation.

В связи с тем, что в специальной военной операции принимают непосредственное участие достаточно большое количество лиц, добровольно выполняющих задачи, возложенные на Вооруженные Силы Российской Федерации (далее — добровольцы), в последнее время у практических работников военной юстиции все чаще возникает вопрос о возможности привлечения таких лиц к уголовной ответственности за совершение преступлений против военной службы, предусмотренные гл. 33 УК РФ. При этом среди ученых-юристов проблема юридической ответственности добровольцев достаточно единодушно воспринимается как существен-

ная и отечественным уголовным законодательством не решенная¹.

¹ См., например, Панкратов В.Н., Сынков Н.В., Гришаев С.С. Правовое обеспечение реализации гражданами добровольчества как формы выражения гражданином солидарности с действиями государства при защите национальных интересов: история и современность // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 62; Харитонов В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 г. / Отв. редактор О.И. Александрова. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. С. 421—424.

В свою очередь затруднения правоприменителей в указанном вопросе вполне очевидны. С одной стороны, добровольцы активно вовлечены в военно-служебные отношения, бок о бок в военнослужащими Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований участвуют в боевых действиях, пользуются большинством прав военнослужащих и фактически выполняют значительную часть их обязанностей, и, более того, в соответствии с п. 5.1. ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» добровольцам (гражданам, пребывающим в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы) предоставляются многие социальные гарантии и компенсации, предусмотренные законом для военнослужащих.

Вместе с тем, несмотря на всю схожесть прав, обязанностей, условий службы и задач, выполняемых военнослужащими и добровольцами, последние статуса военнослужащих не имеют, поскольку не указаны в качестве таковых ни в Федеральном законе «О статусе военнослужащих», ни в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» в связи с чем они фактически находятся вне правового поля в части юридической ответственности, возлагаемой на военнослужащих при совершении ими различных правонарушений и деликтов.

Не разрешают указанное противоречие и разъяснения высших судебных инстанций, в связи с чем в практике правоприменения вполне могут возникнуть ситуации незаконного возложения ответственности на вышеуказанных лиц.

Учитывая то обстоятельство, что в соответствии со ст. 331 УК РФ субъектами преступлений против военной службы могут быть только военнослужащие, проходящие военную службу по призыву либо по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов, приходится констатировать, что добровольцы, в том числе граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы, юридически не являясь во-

еннослужащими или гражданами, призванными на военные сборы, уголовную ответственность за преступления против военной службы в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации не несут и нести не могут.

Вместе с тем, продиктованная соблюдением принципов социальной справедливости и равенства граждан перед законом необходимость «уравнивания» военнослужащих и «добровольцев» не только в правах и социальных гарантиях, но и в обязанностях и ответственности вполне очевидна и требует совершенствования правовых норм в указанной части.

Кроме того, необходимость обеспечения возможности привлечения добровольцев к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные гл. 33 УК РФ определяется рядом следующих фактов:

— в соответствии с Федеральным законом «Об обороне» на граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, в случаях и порядке, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус военнослужащих, однако каких-либо нормативных актов, определяющих специальную ответственность указанных лиц, в российском законодательстве в настоящее время не имеется;

— добровольцы объективно включены в отношения, непосредственно связанные с военной службой, без каких-либо серьезных ограничений выполняют боевые и иные задачи, возложенные на Вооруженные Силы, то есть фактически выполняют воинские функции по обеспечению военной безопасности государства;

— они пользуются социальными гарантиями и компенсациями, предусмотренными действующим законодательством для военнослужащих в связи с особым характером обязанностей, возложенных на последних;

— они на добровольной основе принимают на себя права и обязанности, во многом совпадающие с правами и обязанностями военнослужащих, однако вопрос их ответственности остается неурегулированным;

— общественная опасность совершаемых добровольцами преступлений (падающими под объективные признаки преступлений, предусмотренных гл. 33 УК РФ) практически полностью идентична общественной опасности преступлений против военной службы, совершаемых военнослужащими, поскольку эти преступления добровольцев причиняют вред именно военной безопасности государства, а не иным объектам уголовно-правовой охраны;

— почти все элементы составов преступлений, совершаемых добровольцами, за исключением субъекта и объекта преступления (до внесения предлагаемых нами дополнений в ст. 331 УК РФ), совпадают с элементами составов преступлений против военной службы, предусмотренных гл. 33 УК РФ;

— в случае совершения добровольцами преступлений, фактически посягающих на военную безопасность, охраняемую гл. 33 УК РФ, привлечь указанных лиц к адекватной уголовной ответственности не представляется возможным, поскольку они в настоящее время субъектами преступлений против военной службы в соответствии со ст. 331 УК РФ не являются, а их привлечение по общеуголовным составам уголовного законодательства не будет соответствовать характеру и степени общественной опасности фактически совершенных преступлений.

Кроме того, в рамках дискуссии об ответственности добровольцев остается открытым вопрос о том какие именно лица должны быть отнесены к этой категории.

Исходя из существа вопроса о приравнивании ответственности добровольцев к ответственности военнослужащих, представляется, что и правовой статус этих лиц должен определяться нормативными актами именно военного законодательства.

В настоящее время нормативное закрепление отдельных элементов статуса добровольцев осуществлено в Федеральном законе «Об обороне» в Федеральном законе «О статусе военнослужащих». При этом Федеральный закон «О статусе военнослужащих» в части определения статуса добровольцев и структур, в которых по-

следние осуществляют свою добровольческую деятельность, указывает лишь на то, что к ним относятся граждане, пребывающие в добровольческих формированиях, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций¹, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации (п. 5.1 ст. 2).

В свою очередь Федеральный закон «Об обороне» помимо вышеуказанных признаков добровольческих формирований, указанных в п. 8.1 ст. 1 этого закона, определяет также, что решение о создании добровольческих формирований принимает Президент Российской Федерации (п. 11.2 ст. 4), а непосредственно создаются они Министерством обороны Российской Федерации (п. 1 ст. 22.1).

Кроме того, п. 10 ст. 22.1 Федерального закона «Об обороне» прямо указывает, что граждане Российской Федерации, пребывающие в добровольческих формированиях, имеют статус (совокупность гарантий, прав, обязанностей и ответственности), устанавливаемый федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. На таких граждан в случаях и порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, распространяется статус военнослужащих.

Вместе с тем до настоящего момента каких-либо законов или иных нормативных актов, определяющих специальную ответственность граждан, пребывающих в добровольческих формированиях, за совершение ими проступков и преступлений, не принято.

¹ О характеристике особых государственно-правовых режимов см.: Корякин В.М. Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы // Военное право. 2023. № 2 (78). С. 117.

Вышеуказанные обстоятельства свидетельствуют о настоятельной необходимости внесения дополнений в ст. 331 УК РФ. Мы предлагаем ч. 1 ст. 331 УК РФ после слова «сборов» дополнить словами: «или гражданами, пребывающими в добровольческих формированиях, созданных Министерством обороны Российской Федерации, содействующих выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации».

Таким образом ч. 1 ст. 331 УК РФ должна иметь следующую редакцию:

Статья 331. Понятие преступлений против военной службы.

1. Преступлениями против военной службы признаются предусмотренные настоящей главой преступления против установленного порядка прохождения военной службы, совершенные военнослужащими, проходящими военную службу по призыву либо по контракту, а также гражданами, пребывающими в запасе, во время прохождения ими военных сборов или гражданами, пребывающими в добровольческих формированиях, созданных Министерством обороны Российской Федерации, содействующих выполнению за-

дач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации».

До принятия предлагаемых дополнений в ст.331 УК РФ каких-либо законных оснований для привлечения «добровольцев» к ответственности по статьям гл. 33 УК РФ не имеется.

Библиография

1. Корякин, В.М. Юридическая ответственность военнослужащих в условиях специальных режимов: проблемные вопросы / В.М. Корякин // Военное право. — 2023. — № 2 (78). — С. 116—123.
2. Панкратов, В.Н. Правовое обеспечение реализации гражданами добровольчества как формы выражения гражданином солидарности с действиями государства при защите национальных интересов: история и современность / В.Н. Панкратов, Н.В. Сынков, С.С. Гришаев // Военное право. — 2023. — № 1 (77). — С. 54—64.
3. Харитонов, В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве / В.С. Харитонов // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 г.; Отв. ред. О.И. Александрова. — М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. — С. 421—424.

Об особенностях уголовно-правовой квалификации преступлений, предусмотренных статьей 283² УК РФ

© Смирнов Дмитрий Витальевич,
кандидат юридических наук, заведующий
кафедрой уголовного права Военного
университета

© Сотникова Валерия Владимировна,
кандидат юридических наук, старший
преподаватель кафедры уголовного права
Военного университета

Аннотация. В статье рассматриваются уголовно-правовые нормы статьи 283² УК РФ с точки зрения соотношения конституционных прав гражданина Российской Федерации и обязанности сохранения государственной тайны. Авторы анализируют составы преступлений, предусмотренных данной статьей, обращают внимание на спорные вопросы квалификации деяний.

Ключевые слова: государственная тайна, конституционные права граждан, выезд из Российской Федерации, незаконные перемещение или пересылка носителей, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, служебное положение, организованная группа, уголовная ответственность.

On the peculiarities of the criminal-legal qualification of crimes provided for in Article 283.2 of the Criminal Code of the Russian Federation

© Smirnov D.V.,
Candidate of Law, Head of the Department of
Criminal Law of the Military University

© Sotnikova V.V.,
PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of
Criminal Law of the Military University

Annotation. The article deals with the criminal law norms of article 283.2 of the Criminal Code of the Russian Federation from the point of view of the relationship between the constitutional rights of a citizen of the Russian Federation and the obligation to preserve state secrets. The authors analyze the composition of the crimes under Art. 283.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Pay attention to controversial issues of qualification of acts.

Keywords: State secret, constitutional rights of citizens, departure from the Russian Federation, illegal transfer or transfer of media containing information constituting a state secret, official position, organized group, criminal liability.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации была введена новая статья 283², предусматривающая уголовную ответственность за нарушение требований по защите государственной тайны. Данной статьей установлены уголовно-правовые запреты на выезд из России ее гражданина, допущенного (ранее допус-

кавшегося) к государственной тайне, право которого на выезд из страны заведомо для него ограничено, и незаконные перемещение или пересылку носителей, содержащих сведения, составляющие государственную тайну за пределы Российской Федерации, при отсутствии признаков контрабанды предметов, изъятых из оборота (ст. 226¹ УК РФ), государственной измены, шпио-

нажа и незаконного получения сведений, составляющих государственную тайну. Статья 283² появилась в УК РФ достаточно оперативно. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» был подготовлен коллективом депутатов¹ в целях защиты национальных интересов Российской Федерации, прав и свобод граждан от новых форм преступной деятельности и угроз государственной безопасности. Первоначальный законопроект не предусматривал введения в УК РФ запретов, касающихся сохранности государственной тайны. Законопроект предусматривал изменение содержания статей 208, 275, 276, 359 УК РФ, введение в УК РФ статей 275¹, 280⁴. О введении в УК РФ запрета, в настоящее время предусмотренного ст. 283² УК РФ, речи не шло. Отсутствует ссылка на данную статью и в заключении профильного комитета². Она была включена в законопроект позднее, в результате поправок, рекомендованных Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству 1 июля 2022 г., а 14 июля 2022 г. закон № 260-ФЗ был принят. Таким образом, ст. 283² УК РФ появилась в уголовном законодательстве за 14 дней (необычайно оперативно для законодательного акта), что, скорее всего, было обусловлено сложной политической ситуацией, сложившейся в результате начала специальной военной операции Вооруженных Сил России на Украине и последовавшего за ее началом глобального противостояния интересам России со стороны коллективного запада. В этих условиях установление уголовно-правового запрета, защищающего государственную тайну, представляется обоснованным.

История отечественного уголовного права знает примеры таких запретов. Так уголовно-правовой запрет на незаконный

выезд за границу или въезд в страну существовал в СССР и был предусмотрен, например, в ст. 83 УК РСФСР, которая определяла (в части первой) альтернативное наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до трех за выезд (въезд), а также переход границы страны без установленного паспорта или разрешения надлежащих властей. Однако это преступление относилось к «иным государственным преступлениям» и не было напрямую связано с посягательством на сохранность государственной тайны. В рассматриваемой же статье УК РФ объектом уголовно-правовой защиты выступает непосредственно государственная тайна.

Основу правового регулирования отношений, возникающих в связи с отнесением сведений к государственной тайне, их засекречиванием (рассекречиванием) и защитой составляет Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне». Данный Закон определяет государственную тайну как защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. Перечень должностных лиц, наделяемых полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне, а также конкретизация сведений, относящихся к государственной тайне, осуществляется на основе нормативных актов Президента Российской Федерации³. Статьей 8 Закона о государственной тайне устанавливаются три степени секретности сведений, составляющих государственную тайну, и соответствующие этим степеням грифы секретности для носителей указанных сведений: «особой важности», «совершенно секретно» и «секретно». Правовой режим защиты государственной тайны составляет взаимообусловленное сочетание двух связанных с ее охраной режимов — режим ограничения доступа к государ-

¹ Авторы законопроекта — депутаты В.И. Пискарев, Э.В. Валеев, А.В. Картаполов, А.Л. Красов, А.Б. Выборный.

² См. электронный ресурс. Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130406-8> свободный. Дата обращения 12.03.2022.

³ Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне».

ственной тайне и режим ограничения распространения содержащих ее сведений. Доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, представляет собой фактическое ознакомление лица со сведениями, составляющими государственную тайну, санкционированное полномочным должностным лицом¹. Режим ограничения доступа осуществляется через процедуру оформления допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, а в отношении соответствующих юридических лиц — на проведение работ с использованием таких сведений. Режим ограничения распространения сведений, составляющих государственную тайну, реализуется путем установления организационных и технических процедур, ограничивающих распространение защищенных сведений (введение защищающих тайну запретов, отобрание подписок о неразглашении, установление паролей, шифров, контроль соблюдения режима секретности). Целью режима ограничений доступа является предотвращение возможности утечки сведений, составляющих государственную тайну.

Статья 21 Закона о государственной тайне устанавливает добровольность допуска должностных лиц и граждан России к государственной тайне, в отличие от иностранцев, бипатридов эмигрантов и реэмигрантов, для которых действует специальный порядок допуска, устанавливаемый Правительством Российской Федерации². Процедура допуска гражданина к сведениям, составляющим государственную тайну, включает письменное согласие на проведение в отношении него определенных

проверочных мероприятий, ознакомление с нормами законодательства Российской Федерации о государственной тайне, предусматривающими ответственность за его нарушение. Кроме того, гражданин принимает на себя обязательства по нераспространению доверенных ему сведений, составляющих государственную тайну, и дает согласие на частичные, временные ограничения своих прав. В частности, это права, закрепленные в ч. 2 ст. 27 и ч. 4 ст. 29 Конституции Российской Федерации: свободно выезжать за пределы Российской Федерации и свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации такие ограничения допустимы только федеральным законом и в строго определенных целях — защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким нормативным актом федерального уровня, регулирующим отношения, связанные с выездом из Российской Федерации, является Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее — Закон о выезде). Данный закон, устанавливающий как порядок выезда, так и основания для его ограничений, предусматривает возможность регулирования этих отношений и другими федеральными законами, а также принятыми на основании данных федеральных законов указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации. Однако при этом согласно ст. 2 Закона о выезде гражданин России не может быть ограничен в праве на выезд из Российской Федерации иначе, как по основаниям и в порядке, предусмотренным этим Законом. Такое ограничение предусмотрено ст. 15 Закона о выезде в случае, если гражданин, допущенный к сведениям, относящимся к категориям «особой важности» или «совершенно секретно», заключит трудовой договор (контракт), предполагающий временное ограничение права на выезд из

¹ См. об этом: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2012 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" и статьи 24 Закона Российской Федерации "О государственной тайне" в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 22 августа 1998 г. № 1003 «Об утверждении Положения о порядке допуска лиц, имеющих двойное гражданство, лиц без гражданства, а также лиц из числа иностранных граждан, эмигрантов и реэмигрантов к государственной тайне».

России. При этом закон устанавливает, что срок ограничения на выезд не может превышать пять лет со дня последнего ознакомления лица с вышеуказанными сведениями до истечения срока ограничения, установленного трудовым договором (контрактом). Иной срок может устанавливаться только самим Законом о выезде.

В российской судебной практике сформирована правовая позиция, в соответствии с которой не может устанавливаться разрешительный порядок выезда за пределы территории России для гражданских лиц, в том числе осведомленных в секретных сведениях (третья форма допуска) и не осведомленных в сведениях, составляющих государственную тайну, так как такой порядок не соответствует ст. 15, 19 Закона о выезде и ограничивает право этой категории граждан на выезд из Российской Федерации¹. Согласно положениям, закрепленным в п. 10 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2010 г. № 63, обязательства граждан перед государством по соблюдению требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне, с которыми заключается трудовой договор (контракт), отражаются в трудовом договоре (контракте), а обязательства граждан, с которыми не заключается трудовой договор (контракт), оформляются в виде расписки, в которой гражданин дает согласие на частичные, временные ограничения своих конституционных прав, в частности права на выезд из России на срок до 5 лет со дня последнего ознакомления со сведениями особой важности и совершенно секретными сведениями, права на неприкосновенность частной жизни

¹ См.: Решение Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 2011 г. № ГКПИ11-1392 по делу Морараш В.В. о признании недействующими пунктов 5, 157 Инструкции об организации выезда из Российской Федерации военнослужащих и лиц гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации, утв. приказом Министра обороны Российской Федерации от 31 июля 2006 г. № 250дсп.

при проведении проверочных мероприятий в период оформления (переоформления) допуска к государственной тайне, права на распространение информации в части сведений, составляющих государственную тайну, на использование открытий и изобретений, если они содержат сведения, составляющие государственную тайну. В случае принятия решения о временном ограничении права на выезд из России гражданин в 5-дневный срок обязан передать имеющийся у него заграничный паспорт на хранение до истечения установленного срока ограничения этого права.

Иное правовое регулирование предусмотрено в отношении военнослужащих. Согласно ст. 19 Закона о выезде выезд военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, из Российской Федерации возможен только при наличии разрешения командования, оформленного в порядке, установленном Правительством Российской Федерации². Такое разрешение дается Министром обороны Российской Федерации (руководителями соответствующих федеральных органов исполнительной власти) или уполномоченными ими лицами (п. 1 и 3); документы, удостоверяющие личность гражданина Российской Федерации, по которым военнослужащие осуществляют выезд из России (паспорт, дипломатический паспорт, служебный паспорт, паспорт моряка), оформляются на основании справки по установленной форме, выдаваемой воинскими частями, организациями и учреждениями Вооруженных Сил Российской Федерации, а также федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба (п. 3).

На основании вышеприведенных правовых норм, регулирующих рассматриваемые правоотношения, следует прийти к выводу, что право на выезд из России мо-

² См. постановление Правительства Российской Федерации от 19 декабря 1997 года № 1598 «О порядке оформления разрешений на выезд из Российской Федерации военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, а также федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба».

жет быть временно ограничено для лиц, допущенных к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, а также для военнослужащих.

Законодатель предусмотрел процедуру реализации ограничения права на выезд. Так, в соответствии со ст. 16 Закона о выезде в случае временного ограничения права на выезд из России федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел или его территориальный орган выдает гражданину Российской Федерации уведомление, в котором указываются основание и срок ограничения, дата и регистрационный номер решения об ограничении, полное наименование и адрес организации, принявшей на себя ответственность за ограничение права данного гражданина на выезд из России. Следует согласиться с высказанным в литературе мнением, что предусмотренное ст. 16 Закона о выезде уведомление выступает, с одной стороны, гарантией соблюдения прав российских граждан при ограничении его прав на выезд, а с другой стороны, может выступать в качестве основного доказательства факта ограничения прав, так как именно в этом документе указываются нормативные и фактические основания ограничения конституционного права на выезд из России, содержится указание на орган или лицо, ответственные за принятие решения об ограничении выезда гражданина¹.

Проанализированные выше законодательные положения определяют условия признания лица субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 283² УК РФ, как лица, во-первых, либо состоящего на военной службе, либо заключившего трудовой договор (контракт), предусматривающий временное ограничение права на выезд; во-вторых, фактически ознакомленного с государственной тайной. При этом сведения, с которыми лицо ознакомлено, должны относиться только к категориям

«особой важности» или «совершенно секретно».

С субъективной стороны деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 283² УК РФ, характеризуется умышленной формой вины: лицо, имеющее допуск к сведениям, составляющим государственную тайну, защищенную грифами «совершенно секретно» и «особой важности» и фактически осведомленное об этих сведениях, достоверно знает, что в отношении него действует запрет на выезд, однако умышленно этот запрет нарушает, пересекая государственную границу России.

Объективная сторона преступления, предусмотренного частью первой рассматриваемой статьи уголовного закона, составляет выезд лица, осведомленного о сведениях составляющих государственную тайну, имеющих гриф «особой важности» или «совершенно секретно», за пределы территории Российской Федерации в нарушение условий трудового договора или уведомления федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, содержащего прямой запрет на выезд с территории страны. Так как цель законодателя была в том, чтобы исключить возможность передачи третьим лицам информации, защищенной соответствующим грифом, логично было бы понимать под выездом за пределы Российской Федерации любое пересечение государственной границы, в результате которого лицо оказывается вне пределов страны². Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» для данных случаев использует более гибкое понятие — «пересечение государственной границы». Согласно данному Закону пересечение государственной границы лицами, выезжающими из России, осуществляется в пунктах пропуска с обязательным соблю-

¹ Горохова С.С., Семенова А.В., Сивопляс А.В., Смирнова Е.С., Митричев И.А., Артемьев Е.В., Беляев М.А., Богатырева Н.В. Комментарий к Федеральному закону от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» / Специально для системы ГАРАНТ, 2017 г.

² Однако использование законодателем термина «выезд» несколько сужает вышеуказанную трактовку. Строго говоря, пеший выход, не может подпадать под понятие «выезд», которое в русском языке используется для обозначения результата действия по значению глагола «выезжать», то есть передвигаться, используя какое-либо средство передвижения, кроме пешего хода.

дением процедуры пограничного контроля, предметом которого является признание законности пересечения государственной границы, а также осуществление действий по обнаружению и задержанию нарушителей правил пересечения государственной границы. По общему правилу основанием для пропуска через государственную границу граждан, выезжающих из России, является наличие действительных документов на право выезда, а результатом процедуры контроля проставление должностным лицом соответствующей отметки в документе, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации за пределами территории России (загранпаспорт) и разрешение должностного лица покинуть пункт пропуска. Лица, в отношении которых в установленном законодательством Российской Федерации порядке принято решение о запрещении выезда из России пропуску через государственную границу не подлежат. Выявлять нарушителей временных ограничений на выезд призван пограничный контроль. Осуществляя пограничный контроль должностные лица пограничных органов вправе получать от физических лиц объяснения об обстоятельствах незаконного пересечения государственной границы или иного нарушения режима в пунктах пропуска, временно ограничивать или запрещать в пунктах пропуска движение этих лиц и транспортных средств. При выявлении фактов нарушения ограничений прав гражданина на выезд должностное лицо сообщает об этом своему непосредственному начальнику и передает ему представленные лицом документы на право пересечения государственной границы. Непосредственный начальник должностного лица приглашает лицо, представившее документы на право пересечения государственной границы, в помещение подразделения пограничного контроля пограничного органа в пункте пропуска, повторно проверяет наличие и действительность необходимых документов на право пересечения государственной границы, а также наличие оснований для наложения ограничений на выезд, а при необходимости получает объяснения от указанного лица. При подтверждении ос-

нований для ограничения в выезде принимается решение об отказе в пропуске через государственную границу, о чем сообщается лицу, представившему документы на право пересечения государственной границы, с указанием основания отказа и государственного органа, решение которого послужило таким основанием.

В силу формального состава преступления, предусмотренное ч. 1 ст. 283² УК РФ, будет окончено с момента пересечения государственной границы, то есть после пересечения поста пограничного контроля. Законодатель безразлично относится к способу совершения деяния.

Предметом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 283² УК РФ, являются носители информации, составляющие государственную тайну. Закон о государственной тайне рассматривает таковые как материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов (гравитационные, электромагнитные, волновые). Между тем согласно требованиям ст. 12 Закона о гостайне носители сведений, составляющие государственную тайну, должны иметь определенные реквизиты, указывающие на степень секретности, орган государственной власти, предприятие, учреждение, организацию, осуществившие засекречивание носителя, регистрационный номер, а также дату или условия рассекречивания сведений либо указание на событие, после наступления которого сведения будут рассекречены. При невозможности нанесения таких реквизитов на соответствующий носитель эти данные указываются в сопроводительной документации на него. Если же носитель содержит составные части с различными степенями секретности, то каждой из этих составных частей присваивается соответствующий гриф секретности, а носителю в целом присваивается гриф секретности, соответствующий тому грифу секретности, который присваивается его составной части, имеющей высшую для данного носителя степень секретности сведений. Кроме того, на носителе в по-

рядке, утвержденном Правительством РФ, могут проставляться дополнительные отметки, определяющие полномочия должностных лиц по ознакомлению с содержащимися в этом носителе сведениями. Срок засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, не может превышать тридцать лет и лишь в исключительных случаях этот срок может быть продлен по заключению межведомственной комиссии по защите государственной тайны.

С объективной стороны деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 283² УК РФ, выражается в активных действиях, направленных на вывоз с территории России носителей информации, составляющих государственную тайну, совершенных одним из двух способов: путем перемещения или путем пересылки. При этом обязательными признаками рассматриваемого состава преступления являются: 1) незаконный вывоз носителей информации, составляющих государственную тайну, который увязывается со способами их вывоза, перечисленными в диспозиции статьи; 2) в действиях такого лица должны отсутствовать признаки преступлений, предусмотренных ст. 226¹, 275, 276 и 283¹ УК РФ.

Незаконное перемещение носителей, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, за пределы Российской Федерации, представляет собой действия, направленные на их перемещение с территории России любым способом, например, их провоз в багаже, в автотранспорте, а под незаконной пересылкой необходимо понимать их перемещение в виде почтовых, багажных отправок, с нарочным либо иным способом, когда транспортировка этих носителей с территории страны осуществляется в отсутствие отправителя.

В силу того, что состав ч. 2 ст. 283² УК РФ сконструирован как формальный, ответственность лица за оконченное преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 283² УК РФ, наступает с момента начала перемещения носителей информации, составляющих государственную тайну, непосредственно через государственную границу России способами, указанными в диспозиции, независимо от получения их

адресатом (например, с момента пересечения лицом поста пограничного контроля, либо с момента сдачи в почтовое отделение письма, посылки, багажа и т.п. с содержащимися в нем вышеуказанными носителями). Субъективная сторона указанного деяния характеризуется прямым умыслом и отсутствием цели использования полученных сведений в ущерб безопасности России. При наличии такой цели деяние должно квалифицироваться как преступление против безопасности государства без совокупности со ст. 283² УК РФ.

Части 3 и 4 рассматриваемой статьи предусматривают ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 и 2, при отягчающих обстоятельствах: ч. 3 — совершенные с применением насилия или с угрозой его применения либо должностным лицом с использованием своего служебного положения, ч. 4 — совершенные организованной группой.

В уголовно-правовой доктрине под насилием понимается воздействие на телесную неприкосновенность потерпевшего. Насилие может быть опасным для жизни и здоровья, так и не опасным для жизни и здоровья. Оно выражается в нанесении побоев, ранений, связывании, удушении, причинении вреда здоровью и т.д. Представляется, что насилие, связанное с причинением тяжкого вреда здоровью или смерти, требует дополнительной квалификации по совокупности преступления (ст. 111 или ст. 105 и ч. 3 ст. 283² УК РФ). В остальных же случаях признак применения насилия дополнительной квалификации не требует.

Если потерпевшим является сотрудник пограничной службы, осуществляющий специализированный контроль за пересечением Государственной границы, деяние виновного необходимо квалифицировать по совокупности преступлений по ч. 2 ст. 318 и ч. 3 ст. 283² УК РФ.

Сопоставительный анализ п. «б» ч. 2 ст. 226¹, «б» ч. 2 ст. 283¹, ч. 3 ст. 283² и ст. 318 УК РФ дает основания заключить, что в уголовном законе используются различные приемы установления ответственности за преступления, связанные с наси-

лием. В целях их унификации уместным представляется разграничение уголовно-правовых последствий в указанных статьях в зависимости от опасности или отсутствия опасности для жизни и здоровья потерпевшего.

Состав с указанным квалифицирующим признаком по конструкции является материальным и считается оконченным с момента причинения соответствующего вреда здоровью.

Под угрозой применения насилия понимается противоправный способ психического воздействия, выражающийся в его запугивании с целью вызвать у последнего чувство страха, тревоги, беспокойства за свою безопасность. Угроза может выражаться в различных формах (устно, письменно, словами, жестами и т.п.), путем причинения вреда здоровью или жизни, физической боли. В данном случае угроза должна свидетельствовать о желании виновного применить ее немедленно, восприниматься потерпевшим как реальная, даже если виновный и не собирался ее исполнить, а лишь запугивал. Данный состав по конструкции формальный. Преступление считается оконченным с момента высказывания угрозы применения насилия, независимо от достижения виновным преступного результата.

Совершение деяний должностным лицом с использованием своего служебного положения является квалифицирующим признаком во многих составах УК РФ, а в некоторых составах образует само преступное деяние. Представляется, что для правильной квалификации преступления необходимо разграничивать понятия «служебные полномочия» и «служебное положение».

Законодательное определение понятия «служебное положение» не выработано, поэтому вопрос о его содержании и о том, как «служебное положение» соотносится со «служебными полномочиями», остается открытым, что порождает ошибки при квалификации деяний. В доктрине уголовного права к определению содержания понятия «служебное положение» существуют два конкурирующих подхода. Сторонники так называемого узкого подхода

ограничивают применение признака «с использованием служебного положения» исключительно случаями использования конкретных полномочий, официально возложенных на лицо в связи с выполнением профессиональных обязанностей и занимаемой должностью. Сторонники так называемого широкого подхода предлагают не ограничивать «служебное положение» наличием исключительно служебных полномочий, а учитывать и иные возможности субъекта, которые вытекают из занимаемого служебного положения и используются при совершении конкретного преступления¹. Так, Э.Ю. Авшеев предлагает под служебным положением понимать не только наличие у лица управленческих полномочий, но и предусмотренных правовыми актами иных возможностей повлиять на волю лиц². По мнению Н.Ю. Акининой, служебное положение характеризуется двумя обязательными признаками: видом служебной деятельности: публичная (государственная, гражданская, правоохранительная, военная, муниципальная) и частная (служба в организациях любой организационно-правовой формы, в том числе коммерческих, некоммерческих, оказывающих услуги неопределенному кругу лиц) – в зависимости от вида определяется объем служебных полномочий; статусом служащего, определяющим его служебные полномочия (права и обязанности)³. Помимо признаков специального субъекта преступления автор акцентирует внимание на наличии именно служебных полномочий. Таким образом, можно сделать вывод, что при узком подходе к определению содержания служебного положения фактиче-

¹ См., напр.: Волженкин Б.В. Служебные преступления : учеб.-практ. пособие. М., 2000; Любавина М.А. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009 года № 19 / под ред. А. Н. Попова. СПб., 2010.

² Авшеев Э.Ю. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность жилища : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 9.

³ Акинина Н.Ю. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности жилища : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 11.

ски отождествляются понятия «служебное положение» и «служебные полномочия».

Нет единства по этому вопросу и в судебной практике. Конституционный Суд Российской Федерации высказал мнение об отсутствии сложностей и какой бы то ни было неопределенности в применении квалифицирующего признака «с использованием своего служебного положения»¹. Что касается Верховного Суда Российской Федерации, то разные его постановления содержат различные правовые позиции по данному вопросу. Так, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» дает определение понятию служебных полномочий, не вызывающее разночтений: под использованием должностным лицом своих полномочий понимается совершение таких деяний, которые были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей. Что касается «служебного положения», то в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации указывается, что использование лицом своего служебного положения выражается не только в умышленном использовании таким лицом своих служебных полномочий, но и в оказании влияния, определяемого значимостью и авторитетом занимаемой должности, на других лиц в целях совершения желаемых субъектом действий². В то же время п. 11

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» содержит несколько иную формулировку, согласно которой под совершением бандитизма с использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 209 УК РФ) следует понимать использование лицом своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со своим служебным положением. В п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» использование служебного положения рассматривается не только как реализация служебных полномочий, но и как выполнение специальных обязанностей.

Анализ постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебной практики и доктринальных позиций позволяет сделать вывод, что в статьях, содержащих квалифицирующий признак «с использованием своего служебного положения», данный признак может включать: служебные полномочия; наличие у лица реальной, связанной с осуществлением служебных полномочий, возможности влиять (воздействовать), в том числе незаконно, на действия и решения иных находящихся в служебной зависимости или подчиненности лиц; иные служебные возможности; авторитет занимаемой должности, а также может указывать на способ совершения преступления либо характеризовать облегчающую совершение преступления обстановку.

Преступление, совершенное организованной группой, согласно ч. 3 ст. 35 УК

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2014 г. № 2832-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сазонова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

² Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»; от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»; от 18 октября 2012 г. № 21 «О

применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»; от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

РФ признается, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Законодатель в ч. 3 определил три признака организованной группы: а) объединение лиц для совершения совместного преступления (оно может проходить путем совместного волеизъявления на неопределенный, но относительно продолжительный период); б) заранее объединившихся до начала совершения преступления; в) группа должна отличаться устойчивостью. К признаку устойчивости можно отнести: стабильность состава; тесная связь между ее членами; согласованность действий; постоянство и форм, и методов преступной деятельности; длительность ее существования и количество совершенных преступлений; г) цель объединения соучастников — совершение одного или нескольких преступлений подразумевает субъективную готовность к совершению одного, так и нескольких преступлений.

Между тем, по мнению авторов, в следственной и судебной практике обязательно возникнет вопрос об уголовно-правовой квалификации совершения групповых деяний в отсутствие организованности группы. Это может быть группа лиц без предварительного сговора или группой лиц по предварительному сговору. И в том, и в другом случае общественная опасность деяния существенно возрастает, но если следовать буквальному толкованию закона, то в данном случае деяние должно быть квалифицировано только по ч. 1 или ч. 2 ст. 283² УК РФ. Не решит эту проблему и п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Авторам представляется логичным, кроме организованной группы в ч. 4 ст. 283² УК РФ предусмотреть повышенную уголовную

ответственность также за аналогичные действия, совершенные группой лиц и группой лиц по предварительному сговору.

Таким образом, появление в УК РФ уголовного запрета нарушения требований защиты государственной тайны свидетельствует о существенном росте значимости последней как объекта правовой защиты. Анализ законодательных новелл ст. 283² УК РФ показывает, что в связи с отсутствием судебной практики по данной статье по целому ряду вопросов в теории нет их единого понимания, что требует разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Библиография

1. Авшеев, Э.Ю. Уголовно-правовая охрана права на неприкосновенность жилища : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.Ю. Авшеев. — Ростов н/Д, 2005.
2. Акинина, Н.Ю. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности жилища : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Ю. Акинина. — Тюмень, 2008.
3. Волженкин, Б.В. Служебные преступления : учеб.-практ. пособие / Б.В. Волженкин. — М., 2000.
4. Горохова, С.С. Комментарий к Федеральному закону от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [С.С. Горохова, А.В. Семенова, А.В. Сивопляс, Е.С. Смирнова, И.А. Митричев, Е.В. Артемьев, М.А. Беляев, Н.В. Богатырева] / Специально для системы ГАРАНТ, 2017 г.
5. Любавина, М.А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009 г. № 19 / М.А. Любавина; под ред. А. Н. Попова. — СПб., 2010.

Гражданский иск в уголовном процессе: обращение к военно-судебной практике

© Харитонов Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук, профессор, полковник юстиции запаса,

© Шарапов Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции запаса

Аннотация. В данной статье приведены и проанализированы примеры практики военных судов по рассмотрению судами гражданского иска по уголовному делу.

Ключевые слова: военные суды, военнослужащий, гражданский иск в уголовном процессе.

Civil lawsuit in criminal proceedings: appeal to military judicial practice

© Kharitonov S.S.,
candidate of legal sciences, professor, Colonel of Justice of the Reserve

© Sharapov S.N.,
PhD in Law, Associate Professor, Colonel of Justice of the Reserve,

Annotation: This article presents and analyzes examples of the practice of military courts in considering a civil lawsuit in a criminal case by courts.

Key words: military courts, serviceman, civil action in criminal proceedings.

Когда я собираюсь ехать в какую-либо страну, я не смотрю, какие там законы; я смотрю на то, как они там реализуются

Ш. Монтескьё

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением, в том числе, и защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений. То есть у потерпевшего есть процессуальная возможность восстановить нарушенные законные интересы в рамках искового производства.

Как указано в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», конституционные гарантии прав потерпевшего от преступления на доступ к правосудию и на возмещение причиненного ему ущерба (ст. 52 Кон-

ституции Российской Федерации) реализуются, в частности, посредством применения предусмотренного уголовно-процессуальным законом порядка рассмотрения судом гражданского иска по уголовному делу, установленного в качестве правового механизма эффективной судебной защиты прав потерпевшего».

С учетом отмеченного для правоприменителя особый интерес представляет складывающаяся судебная практика по данному вопросу, которая позволяет определить единые подходы к толкованию и применению судами (в том числе и военными) норм права.

Также следует отметить, что военные юристы в той или иной степени рассматривали гражданский иск в уголовном деле¹ с учетом особенностей, обусловленных прохождением гражданином военной службы.

Представленные далее примеры освещают наиболее актуальные вопросы, возникшие в практике судов в первом полугодии 2022 г., и могут быть использованы заинтересованными лицами для обеспечения единообразия в толковании норм права.

Неправильное применение судом норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих разрешение вопросов по

¹ См., например: Заказнова А.Н. Изучение механизма суицидального поведения как необходимое условие для предупреждения самоубийств военнослужащих по призыву // Современное российское право: пробелы, пути совершенствования : сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 24—25 декабря 2015 г. Выпуск 9. Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2016. С. 23—34; Мозговой О.А. Уголовно-правовая охрана и регулирование отношений, обеспечивающих проведение специальной военной операции: опыт, проблемы и направления совершенствования // Военное право. 2022. № 6 (76). С. 188—193; Назаров А.А. Социально-правовая оценка мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11-2. С. 136—140; Моргуленко Е.А., Харитонов С.С., Шарапов С.Н. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий // Военно-юридический журнал. 2022. № 11. С. 13—17; Раков А.В., Харитонов С.С. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 188—193; Смирнов Д.В., Власов С.Ю. О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов // Военное право. 2022. № 3 (73). С. 191—199; Сотникова В.В. Расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий: сегодня и завтра // Военное право. 2019. № 2 (54). С. 279—283; Харитонов В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 г. / Отв. редактор О.И. Александрова. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. С. 421—424, и др.

гражданскому иску, повлекло отмену приговора в этой части.

По приговору гарнизонного военного суда от 5 апреля 2022 г. С. осуждён к лишению свободы: по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ на срок 12 лет, по п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ на срок 2 года, по пп. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 242² УК РФ на срок 8 лет.

В соответствии с ч. 1 и 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путём частичного сложения наказаний С. назначено окончательное наказание в виде лишения свободы на срок 13 лет в исправительной колонии строгого режима. Также судом частично удовлетворён гражданский иск законного представителя несовершеннолетних потерпевших О. и П.-Н., о компенсации морального вреда. В пользу Н. постановлено взыскать с С. 300 000 руб., в удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Согласно ст. 299 УПК РФ при постановлении приговора суд разрешает вопросы о том, подлежит ли удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере. В соответствии с положениями п. 10 ч. 1 ст. 299, п. 1 ч. 1 ст. 309 УПК РФ неправильное разрешение гражданского иска в уголовном деле является основанием для отмены приговора суда в этой части.

Согласно приговору по результатам рассмотрения гражданского иска, суд пришёл к выводу о взыскании с С. компенсации морального вреда в пользу представителя несовершеннолетних Н.

Между тем это решение принято судом без учёта разъяснений, изложенных в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу», согласно которым в случае, если потерпевшими по уголовному делу являются несовершеннолетние, то по искам, заявленным в их интересах, взыскание производится в пользу самого несовершеннолетнего. При этом в силу положений п. 26 этого же Постановления Пленума при определении размера компенсации морального вреда необходимо учитывать ха-

рактер причинённых потерпевшему физических и (или) нравственных страданий, связанных с его индивидуальными особенностями, степень вины подсудимого и т.д.

С учётом данных обстоятельств окружной военный суд приговор в части разрешения гражданского иска отменил, направив уголовное дело в этой части на новое судебное рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства¹.

Гражданский иск, заявленный в уголовном процессе лицом, не имеющим полномочий на предъявление иска, подлежит оставлению без рассмотрения. Моральный вред, как физические или нравственные страдания, неразрывно связан с личностью потерпевшего, в связи с чем близкий родственник умершего не наделяется безусловным правом требования компенсации морального вреда, если смерть этого лица не является последствием преступления.

Приговором гарнизонного военного суда от 25 октября 2021 г. рядовой К. осуждён за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ к лишению свободы на срок 4 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

К. признан виновным в умышленном причинении сослуживцу Ч. тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни в виде закрытой тупой травмы живота — разрыва капсулы и ткани селезенки, с развитием внутрибрюшного кровотечения и геморрагического шока 3 степени. В последующем Ч. скончался в медицинском учреждении.

Гарнизонный военный суд, установив, что смерть Ч. не является последствием преступления, совершённого К., вынес постановление об ошибочном признании Р. потерпевшей по делу и в удовлетворении заявленного Р. гражданского иска о компенсации морального вреда отказал за недоказанностью исковых требований.

Судебная коллегия окружного военного суда приговор в части решения по гражданскому иску изменила, указав в апелляционном определении от 27 января 2022 г. следующее.

В силу абз. 4 ст. 222 ГПК РФ суд оставляет исковое заявление без рассмотрения в случае, если заявление подписано или подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание или предъявление иска. Согласно ст. 151 ГК РФ компенсация морального вреда производится в случае причинения гражданину морального вреда действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом. Поскольку моральный вред как физические или нравственные страдания неразрывно связан с личностью потерпевшего, близкий родственник умершего не наделяется безусловным правом требования компенсации морального вреда, если смерть этого лица не является последствием преступления.

Установив, что смерть Ч. не является последствием преступления, гарнизонный военный суд не вправе был принимать решение по иску о взыскании с К. в пользу Р. морального вреда в связи со смертью её сына, а потому её гражданский иск, как заявленный лицом, не наделённым права предъявления иска по уголовному делу, подлежал оставлению без рассмотрения.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции приговор в части гражданского иска изменил, определив оставить гражданский иск Р. о компенсации причинённого ей морального вреда без рассмотрения².

Исковые требования о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда в уголовном процессе имеют различные правовые основания для их удовлетворения, порядок доказывания их

¹ См.: Обзор апелляционной практики 2-го Восточного окружного военного суда по уголовным делам за первое полугодие 2022 г. URL: http://2vovs.cht.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=402 (дата обращения 28.04.2023).

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 г., утвержденный на заседании президиума 1-го Западного окружного военного суда 19 июля 2022 г. URL: http://1zovs.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=288 (дата обращения 24.04.2023).

размера и в последующем исполнения приговора в этой части.

По приговору гарнизонного военного суда в отношении Е., осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, одновременно с Е. в пользу потерпевшей в счет возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда, причиненных преступлением, присуждено к взысканию 7 978 860 руб.

Вместе с тем, исковые требования о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда в уголовном процессе хотя и связаны с совершенным преступлением и в данном случае заявлены в одном иске, однако имеют различные правовые основания для их удовлетворения, порядок доказывания их размера и в последующем исполнения приговора в этой части, то есть по своей сути представляют собой два иска, объединенных в одном производстве, в связи с чем резолютивная часть приговора должна содержать решение по каждому из них.

Приведя в описательно-мотивировочной части приговора правильные суждения относительно заявленных требований о компенсации морального вреда и возмещении материального ущерба, суд в резолютивной части приговора, в нарушение требований ч. 1 ст. 299 УПК РФ в ее взаимосвязи с п. 1 ч. 1 ст. 309 УПК РФ, определив лишь общий размер денежных средств, подлежащих взысканию по удовлетворенному иску потерпевшей, не указал, какая именно сумма подлежит взысканию с осужденного в счет компенсации морального вреда, а какая в счет возмещения материального ущерба.

По этим основаниям приговор в этой части был отменен в апелляционном порядке, а вопрос о рассмотрении гражданского иска передан на новое судебное рассмотрение¹.

¹ См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных 2-му Западнему окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 г. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=71 (дата обращения 24.04.2023).

По смыслу ч. 1 ст. 44 УПК РФ требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся, в частности, к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего, подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

У. осужден гарнизонным военным судом по ч. 1 ст. 109 УК РФ к наказанию в виде исправительных работ на срок 1 год 6 месяцев с удержанием из заработной платы осужденного 15 % в доход государства.

При этом гражданский иск потерпевшего к осужденному о компенсации морального вреда удовлетворен частично; в удовлетворении гражданского иска потерпевшего к осужденному о взыскании денежных средств, затраченных на обучение сына, погибшего в результате действий У., и приобретение медикаментов матери погибшего, отказано.

По смыслу ч. 1 ст. 44 УПК РФ требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего, подлежат разрешению в порядке гражданского судопроизводства (п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»), в связи с чем у суда не имелось оснований для рассмотрения в рамках судебного разбирательства по уголовному делу иска потерпевшего о взыскании денежных средств в счет понесенных затрат, не связанных непосредственно с преступлением.

С учетом изложенного судебная коллегия по уголовным делам окружного военного суда приговор в части решения по гражданскому иску изменила, оставив указанный гражданский иск без рассмотрения².

² См.: Обзор судебной практики гарнизонных военных судов по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2022 г., утвержденный постановлением президиума Южного окружного военного суда 15 июля 2022 г. № 13. URL: http://yovs.ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_community&id=312 (дата обращения 26.04.2023).

В заключении отметим, что хотя в России, конечно, и не прецедентное право, однако складывающаяся военно-судебная практика имеет большое значение для рассмотрения дела в военном суде, поскольку судьи используют правовые позиции, выработанные ранее по тому или иному вопросу.

Библиография

1. Заказнова, А.Н. Изучение механизма суицидального поведения как необходимое условие для предупреждения самоубийств военнослужащих по призыву / А.Н. Заказнова // Современное российское право: пробелы, пути совершенствования : сборник статей IX Международной научно-практической конференции, Пенза, 24—25 декабря 2015 г. Выпуск 9. — Пенза: Автономная некоммерческая научно-образовательная организация «Приволжский Дом знаний», 2016. — С. 23—34.
2. Мозговой, О.А. Уголовно-правовая охрана и регулирование отношений, обеспечивающих проведение специальной военной операции: опыт, проблемы и направления совершенствования / О.А. Мозговой // Военное право. — 2022. — № 6(76). — С. 188—193.
3. Назаров, А.А. Социально-правовая оценка мошенничества, совершаемого военнослужащими при получении выплат / А.А. Назаров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 11-2. — С. 136—140.
4. Моргуленко, Е.А. О некоторых вопросах уголовной ответственности военнослужащих за воинские преступления в ходе боевых действий / Е.А. Моргуленко, С.С. Харитонов, С.Н. Шарапов // Военно-юридический журнал. — 2022. — № 11. — С. 13—17.
5. Муравьев, К.В. Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию и экономия принуждения при выборе меры пресечения / К.В. Муравьев // Юридический вестник Самарского университета. — 2020. — № 6 (4). — С. 72—79.
6. Смирнов, Д.В. О некоторых спорных вопросах квалификации мошенничества в практике военных судов / Д.В. Смирнов, С.Ю. Власов // Военное право. — 2022. — № 3(73). — С. 191—199.
7. Сотникова, В.В. Расследование преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий: сегодня и завтра / В.В. Сотникова, К.А. Бунин // Военное право. — 2019. — № 2(54). — С. 279—283.
8. Харитонов, В.С. О некоторых проблемах привлечения к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в наемничестве / В.С. Харитонов // Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 18 апреля 2019 г. / Отв. редактор О.И. Александрова. — М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2020. — С. 421—424.
9. Харитонов, С.С. К вопросу квалификации преступлений: некоторые аспекты с позиции военных судов / С.С. Харитонов, А.В. Раков // Военное право. — 2023. — № 1(77). — С. 188—193.

Некоторые аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим при совершении преступлений против военной службы

© Чукин Дмитрий Сергеевич,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации, подполковник юстиции

Аннотация. В статье проводится исследование особенностей освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением участников уголовно-правового конфликта при совершении преступлений против военной службы. Изучение нормативных основ данного института позволяет констатировать отсутствие принципиального запрета на прекращение уголовных дел по указанному основанию. Наряду с этим, теория уголовного права и практика применения уголовного закона характеризуется отсутствием единообразия при оценке возможности освобождения от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные гл. 33 УК РФ, вследствие их многообъектности, что неизбежно порождает судебское усмотрение и может препятствовать реализации принципа справедливости. Резюмируется, что данный вид освобождения от уголовной ответственности возможен лишь в тех преступлениях против военной службы, где имеется лицо, признанное потерпевшим по уголовному делу, а также выполнение требований, указанных в ст. 76 УК РФ, при условии, что в первую очередь устранен вред основному непосредственному объекту, которым выступает установленный порядок прохождения военной службы.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, примирение с потерпевшим, преступления против военной службы, многообъектные преступления, судебское усмотрение, принцип справедливости.

Some aspects of exemption from criminal liability in connection with reconciliation with the victim when committing crimes against military service

© Chukin D.S.,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation, Lieutenant Colonel of the Institute

Summary. The article examines the features of exemption from criminal liability in connection with the reconciliation of participants in a criminal conflict when committing crimes against military service. The study of the normative foundations of this institution allows us to state the absence of a fundamental prohibition on the termination of criminal cases on this basis. Along with this, the theory of criminal law and the practice of applying criminal law is characterized by a lack of uniformity in assessing the possibility of exemption from criminal liability for crimes provided for in Chapter 33 of the Criminal Code due to their multiple subjects, which inevitably generates judicial discretion and may hinder the implementation of the principle of justice. It is summarized that this type of exemption from criminal liability is possible only in those crimes against military service where there is a person recognized as a victim in a criminal case, as well as the fulfillment of the requirements specified in Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation, provided that the damage to the main direct object, which is the established procedure for military service, is eliminated first of all services.

Key words: exemption from criminal liability, reconciliation with the victim, crimes against military service, multi-object crimes, judicial discretion, the principle of justice.

Институт освобождения от уголовной ответственности полноценно сформировался в том виде, в котором он существует, в действующем УК РФ, однако отдельные его виды были представлены в нормативных правовых актах еще советской эпохи. Так, ст. 50 УК РСФСР 1960 г. связывала освобождение от уголовной ответственности с утратой или изменением общественной опасности деяния или лица, его совершившего, вследствие изменения обстановки, а также с привлечением к административной ответственности, передачей дела в товарищеский суд и передаче лица на поруки общественной организации или трудовому коллективу. В данном кодексе также были предусмотрены специальные виды освобождения от уголовной ответственности, указанные в статьях Особенной части, которые не распространялись на воинские преступления. Обособленные в гл. 11 УК РФ виды освобождения от уголовной ответственности, при сохранении их прежней правовой природы, представляют собой новые обстоятельства, которые появились как альтернатива уголовному преследованию в целях экономии уголовной репрессии вследствие либерализации уголовного законодательства и защиты прав и свобод, декларированных Конституцией Российской Федерации.

Отмечая увеличение числа прекращённых российскими судами уголовных дел, председатель Верховного суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев, выступая 11 марта 2023 г. на 18-м Советании председателей верховных судов государств-членов ШОС в Дели, отметил, что это свидетельствует о реализации мер по гуманизации законодательства и правоприменения, а также исключению негативных социальных последствий судимости за преступления, не представляющие большой общественной опасности. Он обратил внимание, что с 1999 г. по 2022 г. количество лиц, в отношении которых дела прекращены судом, выросло с 2 % до 20 %¹.

¹ https://rapsinews.ru/judicial_news/20230310/308735826.html?ysclid=lfjkre1u71512024529 (дата обращения 29.03.2023)

Гл. 11 УК РФ предусматривает 5 видов освобождения от уголовной ответственности, три из которых носят диспозитивный характер — деятельное раскаяние, судебный штраф и примирение с потерпевшим. В данном исследовании автор хотел бы остановиться на примирении с потерпевшим, поскольку его, по нашему мнению, незаслуженно обходят стороной военные суды при оценке возможности применения ст. 76 УК РФ. Представители научного сообщества по-разному оценивают правовую природу данного основания. Так, некоторые авторы рассматривают примирение с потерпевшим как частный случай деятельного раскаяния, считая эти нормы дублирующими друг друга².

Ст. 76 УК РФ, регламентирующая основания освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, устанавливает следующие условия применения данной нормы:

- 1) преступление должно быть совершено впервые;
- 2) совершенное преступление должно относиться к категории небольшой или средней тяжести;
- 3) субъект преступления примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред.

Кроме того, как это явствует из Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации», лицо, совершившее тяжкое преступление, так же может претендовать на освобождение от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ, если суд сочтет необходимым снизить ему категорию преступления на одну ступень.

Статья 76 УК РФ, как это видно из ее содержания, распространяет свое действие на все преступления указанных выше категорий и не содержит запрета на ее применение в отношении конкретных видов деяний, исходя из их объектной направленности.

² Ким А.В. Примирение с потерпевшим и деятельное раскаяние как основания освобождения от уголовной ответственности: соотношение с принципом справедливости // Наукосфера. 2022. № 10-2. С. 404—410.

сти. В теории и практике не возникает разногласий относительно прекращения уголовных дел при посягательствах на личные права и свободы человека и гражданина, которые выступают основным непосредственным объектом. Иначе обстоит дело, когда деяния посягают на несколько объектов, в которых непосредственным объектом выступают публичные интересы. Редкое исследование, затрагивающее институт освобождения от уголовной ответственности, обходит стороной эти вопросы, причем мнения ученых и практиков разнятся кардинальным образом¹.

Так, С.Д. Захарчук выступает против прекращения уголовных дел по преступлениям против представителей власти как двухобъектных². Некоторые авторы полагают, что при посягательстве на публичные интересы возможно только освобождение в связи с деятельным раскаянием, а примирение с потерпевшим невозможно³. В.Н. Винокуров отмечает, что лицо не может быть освобождено в связи с примирением с потерпевшим при совершении хулиганства (ст. 213 УК РФ), поскольку помимо потерпевшего, в данном случае имеются и другие лица, которым причинен вред вследствие того, что преступление совершается в месте, куда имеет доступ неограниченное лицо людей⁴. А.С. Лукомская считает недопустимым применение ст. 76 УК РФ в отношении преступлений против государственной власти, поскольку примирение с должностным лицом компе-

тентного государственного органа как участником общественных отношений не может устранить вреда, причиненного основному объекту — интересам государства⁵, а А.П. Анисимов, указывает, что физическому лицу при совершении данных преступлений вред причиняется только потому, что он является представителем власти и исполняет определенные обязанности, а потому его волеизъявление о примирении не имеет правового значения⁶. Аналогично в отношении двухобъектных преступлений высказываются другие авторы⁷. Д.А. Гарбатович полагает, что возмещение потерпевшему ущерба не вернет непосредственный объект многообъектного посягательства в первоначальное состояние⁸. Я.М. Матвеева предлагает закрепить в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» запрет на освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим в отношении многообъектных деяний⁹.

И.Э. Звечаровский освобождение от уголовной ответственности в связи с при-

¹ Чукин Д.С. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против военной службы: вопросы судейского усмотрения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2022. № 6(299). С. 54—62.

² Захарчук С. Д. Возможно ли примирение с представителем власти по уголовному праву России? // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2018. — № 3(45). — С. 164—172.

³ Артеменко Н.В., Минькова А.М. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Российский судья. 2007. № 6.

⁴ Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Объект преступления и освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / В.Н. Винокуров, // Уголовное право. 2018. № 6. С. 16—21.

⁵ Лукомская А.С. Многообъектность преступных посягательств по делам об экологических преступлениях при принятии судами решений о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям // Лукомская // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1(52). С. 62—67.

⁶ Анисимов А.П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон // Законность. 2009. № 10.

⁷ Ларина Л.Ю. Некоторые аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 4. С. 10—13; Мешков М.В., Минулин Р.М. По каким преступлениям возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон? // Виктимология. 2022. Т. 9. № 1. С. 49—62.

⁸ Гарбатович Д.А. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Уголовное право. 2014. № 2. С. 31—36.

⁹ Матвеева Я.М. Актуальные проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 35. С. 137—145.

мирением с потерпевшим описывает как ситуацию, где личный интерес гражданина превалирует над государственным в реакции на совершенное преступление, в избрании способов восстановления справедливости¹. Я.М. Плошкина отмечает, что анализ судебной практики свидетельствует о возможности освобождения от уголовной ответственности, но констатирует отсутствие универсальных критериев, по которым можно прекращать уголовные дела в связи с примирением с потерпевшим².

Кроме того, возникает вопрос, кого признавать потерпевшим для целей ст. 76 УК РФ. В уголовном законодательстве отсутствует определение потерпевшего, поэтому правоприменитель традиционно обращается к УПК РФ, который в ст. 42 определяет потерпевшего как физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Между тем, как это явствует из содержания ст. 3 УК РФ, преступность и наказуемость деяния, а также иные уголовно-правовые последствия его совершения определяются только УК РФ, поэтому распространение положений уголовно-процессуального законодательства на область уголовно-правовых отношений представляется ошибочным³. П.В. Коробов утверждает, что включение в УПК РФ потерпевшего как юридического лица не

должно распространяться на уголовное законодательство, а потерпевшим должно выступать исключительно физическое лицо⁴.

Кроме того, данное условие освобождения по-разному именуется в законе. Ст. 76 УК РФ упоминает о примирении с потерпевшим, а ст. 25 УПК РФ — о примирении сторон. На некорректность этих формулировок указывает А.Д. Зотов, предлагая прийти к названию, указанному в уголовно-процессуальном законодательстве⁵. В этом случае правоприменитель в отношении многообъектных преступлений не будет руководствоваться изучением того, каким образом вред устранен потерпевшему — физическому лицу, а ориентироваться на то, каким образом устранен вред той стороне посягательства, которой могут выступать публичные интересы, что устранит формальное препятствие для освобождения от уголовной ответственности по указанному основанию.

Если подойти с точки зрения системного толкования и распространить положения УПК РФ на уголовно-правовую терминологию, можно принять гипотезу о том, что потерпевшим признается юридическое лицо. Юридическим лицом в соответствии с ч. 1 ст. 48 ГК РФ признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Таким образом, воинская часть вполне отвечает приведенным требованиям и может выступать в качестве юридического лица. В случае причинения вреда преступлением против военной службы ее имуществу и деловой репутации она признается потерпевшей. В этом случае ходатайство о прекращении уголовного дела должно быть заявлено

¹ Звечаровский И.Э. Освобождение от уголовной ответственности. // Уголовное право России: Общая часть : учебник. М., 2005.

² Плошкина Я.М. Возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и компенсацией вреда при совершении многообъектного уголовно наказуемого деяния по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 3(48). С. 92—101.

³ Коваленко Е.А., Шульга А.В. Проблемы применения нормы о примирении с потерпевшим // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований : Материалы X международной научно-практической конференции : в 2-х томах, North Charleston, USA, 7—8 ноября 2016 г. / Научно-издательский центр «Академический». Том 2. 2016. С. 168—171.

⁴ Коробов П.В. Трактовка понятия "потерпевший" в ст. 76 УК РФ в доктрине уголовного права последнего десятилетия // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 73. С. 13—21.

⁵ Зотов А.Д. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон // Дневник науки. 2020. № 7(43). С. 30.

представителем юридического лица¹. В законе отсутствует определение деловой репутации. Буквальное толкование данного словообразования не позволяет отнести вред воинскому правопорядку как вред деловой репутации, поскольку к последней можно отнести качественную оценку участниками гражданского оборота деятельности кредитной организации, а также действий ее реальных владельцев, аффилированных лиц, дочерних и зависимых организаций²; представление о деловых качествах, деловом поведении на рынке, деятельности конкретного юридического лица (его органов) в сфере общественно-экономического оборота³. Между тем, отдельные составы преступлений против военной службы, не имеющие потерпевшего — физического лица, посягают на порядок сбережения военного имущества (ст. 346—348 УК РФ), то есть причиняют вред имуществу юридического лица. Таким образом, формально, препятствия для того, чтобы прекратить уголовное дело по двухобъектному преступлению, при условии, что интересам военной службы в лице воинской части был компенсирован причиненный вред, отсутствуют.

В гл. 33 УК РФ специальные виды освобождения от уголовной ответственности распространяются лишь на ч. 1—4 ст. 337 и ч. 1 ст. 338, при этом отсутствует указание на условия, которые в соответствии со ст. 75, 76 УК РФ влекут освобождение от уголовной ответственности⁴.

Решения правоприменителя относительно возможности прекращения уголовных дел по преступлениям против военной

службы на основании примирения с потерпевшим также характеризуется отсутствием единообразия. Верховный Суд Российской Федерации в одном из обзоров отмечает, что в двухобъектных преступлениях потерпевший выступает дополнительным проявлением посягательства, поэтому не только невозможно достичь примирения с основным объектом, но и примирение с потерпевшим не устраняет вред, нанесенный этому основному объекту преступного посягательства, а значит преступление в целом не теряет своей общественной опасности и уголовное дело в отношении лица, его совершившего, не может быть прекращено. Но в том же обзоре указывается, что если по делам о двухобъектных преступлениях посягательство на основной, приоритетный объект в силу малозначительности может быть признано формальным, а с потерпевшим достигнуто примирение, то и они также могут быть прекращены за примирением с потерпевшим. Данное решение суд должен мотивировать в постановлении⁵. Принимая решение о возможности прекращения уголовного дела, необходимо оценить, соответствует ли это целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, а также отвечает ли требованиям справедливости и целям правосудия, отмечается в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». В кассационном определении от 26 февраля 2013 г. № 19-О13-8сп Верховный Суд Российской Федерации указал, что производство по делу о неуважении к суду (как двухобъектному посягательству) прекращено правомерно на основании ст. 25 УПК РФ в связи с примирением с потерпевшим, поскольку отсутствуют препятствия для применения ст. 76 УК РФ.

¹ Нагуляк М.В. Потерпевший как субъект института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 25(201). С. 46—50.

² П. 1.3 Письма Банка России от 30 июня 2005 г. № 92-Т «Об организации управления правовым риском и риском потери деловой репутации в кредитных организациях и банковских группах».

³ Слесарев С.А. Деловая репутация // СПС Консультант Плюс. 2021.

⁴ Ермолович Я.Н. Пробелы и противоречия военно-уголовного законодательства Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 4 (226). С. 78—85.

⁵ Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием. Утвержден Верховным Судом Российской Федерации от 1 июня 2005 г. // СПС Консультант Плюс.

Указание в законе на возможность освобождения от уголовной ответственности как на право, а не обязанность, не означает произвольного разрешения данного вопроса уполномоченным органом или должностным лицом, которые принимают соответствующее решение с учетом всей совокупности обстоятельств, включая вид уголовного преследования, особенности объекта преступного посягательства, наличие выраженного свободно, а не по принуждению волеизъявления потерпевшего, чье право, охраняемое уголовным законом, нарушено в результате преступления, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность подозреваемого, обвиняемого, а так же обстоятельств, смягчающие и отягчающие ответственность, отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 21 июня 2011 г. № 860-О-О.

Одним из условий применения ст. 76 УК РФ является заглаживание причиненного потерпевшему вреда. Таким образом, уголовный закон не содержит требования компенсации вреда никому, кроме потерпевшего. Это может толковать двояко: либо наличие принципиальной невозможности прекращения уголовных дел по указанному основанию в отношении преступлений против военной службы, поскольку примирение с потерпевшим не означает устранения вреда воинскому правопорядку; либо наоборот, отсутствие необходимости устранять вред воинскому правопорядку вследствие того, что условия заглаживание вреда касается только потерпевшего.

Еще одна проблема касается качественной оценки вреда от преступления. В случае причинения материального или физического вреда его объем определить трудно, а, следовательно, и видно, как его возмещать. Иначе дело обстоит с нематериальным или эвентуальным вредом, поэтому заглаживание вреда в преступлениях с составами опасности и формальными составами является наиболее сложным¹.

¹ Емликханов Р.Р. Заглаживание лицом вреда, причиненного потерпевшему, как условие освобождения от уголовной ответственности в

Я.А. Шараева отмечает, что главным условием прекращения уголовных дел в этом случае следует считать фактическое возмещение вреда не только потерпевшему, но и общественным интересам, разработав процедуру, где в двухобъектных преступлениях заинтересованным лицом будет выступать государство, что позволит обеспечить соблюдение баланса частных и публичных интересов².

Я.М. Плошкина, сравнивая российское и германское законодательство (как относящиеся к романо-германской правовой системе), также констатирует наличие проблемы при прекращении дел в связи с примирением сторон, когда совершаются посягательства на общеправовые ценности: при отсутствии конкретного потерпевшего примирение невозможно, однако когда посягательство на общественные интересы осуществляется через потерпевшего (допустим, полицейского), тогда прекращение дела допускается при компенсации причиненного ему вреда, что рекомендуется распространить и на российский уголовный процесс³. Получается, что восстановить справедливость можно только в том случае, если при совершении преступления обязательно будет лицо, признанное потерпевшим⁴.

Военные суды, освобождая от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по многообъектным преступлениям, которые не входят в гл. 33 УК РФ, не всегда указывают, каким образом устранен вред непосредственному

связи с примирением с потерпевшим // Огарёв-Online. 2022. № 1(170).

² Шараева Я.А. Обеспечение баланса интересов в институте примирения сторон // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1(29). С. 366—369.

³ Плошкина Я.М. Возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и компенсацией вреда при совершении многообъектного уголовно наказуемого деяния по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 3(48). С. 92—101.

⁴ Мартыненко Н.Э. Проблемы применения нормы о примирении с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4-1. С. 335—340.

объекту. Например, прекращая дела по ч. 1 ст. 264 УК РФ, суд аргументирует это тем, что потерпевшему заглажен причиненный моральный вред и имущественный ущерб, при этом указания на непосредственный объект отсутствует¹. В другом случае суд сослался на правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в Определении от 10 февраля 2022 г. № 188-О, согласно которой при решении вопроса о прекращении уголовного дела по указанному основанию следует учитывать всю совокупность обстоятельств, включая вид уголовного преследования, особенности объекта преступного посягательства, наличие выраженного свободно, а не по принуждению волеизъявления потерпевшего, чье право, охраняемое уголовным законом, нарушено в результате преступления, изменение степени общественной опасности деяния после заглаживания вреда, личность подозреваемого, обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Таким образом, несмотря на наличие двух объектов преступного посягательства, необходимые условия для освобождения подсудимого от уголовной ответственности соблюдены, и прекращение в отношении него уголовного дела в связи с примирением сторон в полной мере будет отвечать назначению уголовного судопроизводства и соответствовать целям и задачам защиты прав и законных интересов личности, общества и государства².

Следует отметить, что суды достаточно часто освобождают от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления против военной службы, с назначением судебного штрафа³ — по ч. 1 ст. 350 УК

РФ⁴, ч. 1 ст. 339 УК РФ⁵, а также по тем составам, где имеется конкретный потерпевший, например, ч. 1 ст. 335 УК РФ⁶. Е.В. Пчелкина полагает, что освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по многообъектным преступлениям возможно, в то время, как по примирению сторон — нет, поскольку это ущемляет государственные интересы⁷. Между тем, условия освобождения при назначении судебного штрафа во многом конкурируют с аналогичными основаниями при примирении с потерпевшим, однако уголовные дела в последнем случае прекращаются значительно реже.

Гарнизонный суд, рассматривая уголовное дело по ч. 1 ст. 335 УК РФ, где 3. унижил честь, достоинство потерпевшего и причинил ему закрытый перелом костей носа, который расценивается как легкий вред здоровью, указал, что, несмотря на то, что деяние является двухобъектным, в данном конкретном случае посягательство на порядок прохождения военной службы, нельзя признать существенным, и оно носит формальный характер, поскольку не привело к существенному нарушению порядка в воинской среде, а сам подсудимый как до, так и после совершения деяния, командованием характеризуется положительно и нареканий по службе не имеет. Таким образом, само по себе наличие в составе преступного деяния двух объектов посягательства, не является установленным законом основанием для неприменения ст. 25 УПК РФ и прекращения уго-

¹ Постановление Саратовского гарнизонного военного суда от 2 августа 2022 г. по делу № 1-49/2022; Постановление Московского гарнизонного военного суда от 25 июля 2022 г. по делу № 1-67/2022.

² Постановление 224-го гарнизонного военного суда от 10 ноября 2022 г. по делу № 1-90/2022.

³ Чукин Д.С. Судейское усмотрение при назначении судебного штрафа за совершение преступлений против военной службы // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2023. № 2(307). С. 90—97.

⁴ Постановление Знаменского гарнизонного военного суда от 27 января 2022 г. по делу № 1-3/2022.

⁵ Постановление Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 4 августа 2022 г. по делу № 1-55/2022.

⁶ Постановления Московского гарнизонного военного суда от 27 октября 2020 г. по делу № 1-59/2020 и от 27 октября 2020 г. по делу № 1-59/2020.

⁷ Пчелкина Е.В., Винник Д.Ю. Вопросы прекращения уголовных дел в порядке ст. 25 и 25.1 УПК РФ по двухобъектным преступлениям и преступлениям с формальным составом // Вестник Международного юридического института. 2019. № 2(69). С. 37—43.

ловного дела в связи с примирением с потерпевшим¹.

Прекращая уголовное преследование в связи с примирением сторон по п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ, суд также отметил положительную характеристику подсудимого и заглаживание им вреда, а также незначительного нарушения порядка прохождения им военной службы².

Таким образом, примирение с потерпевшим возможно при совершении не всех преступлений против военной службы. Например, составы, предусмотренные статьями 337—339 УК РФ, посягают лишь на один объект — порядок пребывания на военной службе, а поскольку в них отсутствует потерпевший, прекратить уголовное дело (помимо соблюдения тех условий, которые указаны в примечании к ст. 337 и 338 УК РФ) можно с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), а не по основанию, предусмотренному ст. 76 УК РФ.

Отсутствие единообразия в применении уголовного закона при прекращении уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим обуславливают необходимость правоприменителю действовать по своему усмотрению, что при отсутствии единого концептуального подхода к пониманию возможности или невозможности освобождения от уголовной ответственности по данному основанию может нарушать принцип справедливости, когда при одних и тех же условиях одни лица будут подлежать освобождению от уголовной ответственности, а другие — нет.

Итоги проведенного исследования позволяет констатировать, что уголовный закон не содержит запрета на освобождение от уголовной ответственности по основанию, указанному в ст. 76 УК РФ в отношении многообъектных преступлений, в частности, преступлений против военной службы. При этом уголовно-правовая доктрина и правоприменительная практика

характеризуется отсутствием единообразия при оценке подобной возможности. На наш взгляд, прекращение по указанному основанию возможно в тех составах преступлений против военной службы, где имеется потерпевший, которому заглажен причиненный преступлением вред при условии, что в первую очередь компенсирован вред порядку прохождения военной службы.

Библиография

1. Анисимов, А.П. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон / А.П. Анисимов // *Закононость*. — 2009. — № 10.
2. Артеменко, Н.В. Спорные вопросы применения нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Н.В. Артеменко, А.М. Минькова // *Российский судья*. — 2007. — № 6.
3. Винокуров, В.Н. Объект преступления и освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / В.Н. Винокуров, Е.А. Федорова // *Уголовное право*. — 2018. — № 6. — С. 16—21.
4. Гарбатович, Д.А. Освобождение лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Д.А. Гарбатович // *Уголовное право*. — 2014. — № 2. — С. 31—36.
5. Емликханов, Р.Р. Заглаживание лицом вреда, причиненного потерпевшему, как условие освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Р.Р. Емликханов // *Огарёв-Online*. — 2022. — № 1(170).
6. Ермолович, Я.Н. Пробелы и противоречия военно-уголовного законодательства Российской Федерации / Я.Н. Ермолович // *Право в Вооруженных Силах* — военно-правовое обозрение. — 2016. — № 4(226). — С. 78—85.
7. Захарчук, С.Д. Возможно ли примирение с представителем власти по уголовному праву России? / С.Д. Захарчук // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. — 2018. — № 3(45). — С. 164—172.
8. Звечаровский, И.Э. Освобождение от уголовной ответственности / И.Э. Звечаровский // *Уголовное право России: Общая часть* : учебник. — М., 2005. — 476 с.
9. Зотов, А.Д. Некоторые вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон / А.Д. Зотов // *Дневник науки*. — 2020. — № 7(43).
10. Ким, А.В. Примирение с потерпевшим и деятельное раскаяние как основания освобождения от уголовной ответственности: соотношение с принципом справедливости / А.В. Ким // *Наукосфера*. — 2022. — № 10-2. — С. 404—410.
11. Коваленко, Е.А. Проблемы применения нормы о примирении с потерпевшим / Е.А. Коваленко, А.В. Шульга // *Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований* :

¹ Постановление Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 7 апреля 2022 г. по делу № 1-25/2022.

² Постановления Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 30 сентября 2021 г. по делу № 1-91/2021 и от 9 сентября 2021 г. по делу № 1-88/2021.

Материалы X международной научно-практической конференции : в 2-х томах, North Charleston, USA, 7—8 ноября 2016 г. / Научно-издательский центр «Академический». Том 2. — 2016. — С. 168—171.

12. Коробов, П.В. Трактовка понятия "потерпевший" в ст. 76 УК РФ в доктрине уголовного права последнего десятилетия / П.В. Коробов // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2010. — № 73. — С. 13—21.

13. Ларина, Л.Ю. Некоторые аспекты освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим / Л.Ю. Ларина // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2015. — № 4. — С. 10—13.

14. Лукомская, А.С. Многообъектность преступных посягательств по делам об экологических преступлениях при принятии судами решений о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям / А.С. Лукомская // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2020. — № 1(52). — С. 62—67.

15. Мартыненко, Н.Э. Проблемы применения нормы о примирении с потерпевшим (ст. 76 УК РФ) / Н.Э. Мартыненко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2012. — № 4-1. — С. 335—340.

16. Мешков, М.В. По каким преступлениям возможно освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон? / М.В. Мешков, Р.М. Минулин // Викимология. — 2022. — Т. 9. — № 1. — С. 49—62.

17. Нагуляк, М.В. Потерпевший как субъект института прекращения уголовного дела в

связи с примирением сторон / М.В. Нагуляк // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2010. — № 25(201). — С. 46—50.

18. Плошкина, Я.М. Возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и компенсацией вреда при совершении многообъектного уголовно наказуемого деяния по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия / Я.М. Плошкина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. — 2022. — № 3(48). — С. 92—101.

19. Пчелкина, Е.В. Вопросы прекращения уголовных дел в порядке ст. 25 и 25.1 УПК РФ по двубъектным преступлениям и преступлениям с формальным составом / Е.В. Пчелкина, Д.Ю. Винник // Вестник Международного юридического института. — 2019. — № 2(69). — С. 37—43.

20. Чукин, Д. С. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против военной службы: вопросы судебного усмотрения / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2022. — № 6(299). — С. 54—62.

21. Чукин, Д.С. Судейское усмотрение при назначении судебного штрафа за совершение преступлений против военной службы / Д.С. Чукин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2023. — № 2(307). — С. 90—97.

22. Шараева, Я. А. Обеспечение баланса интересов в институте примирения сторон / Я. А. Шараева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 1(29). — С. 366—369.

Уголовно-процессуальные гарантии прав личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения

© Шевчук Анатолий Николаевич,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Теория права, гражданское
право и гражданский процесс» Российского
университета транспорта (РУТ (МИИТ)); доцент
30 кафедры ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского» Минобороны
России

Аннотация. В статье исследуются отдельные вопросы обеспечения прав личности, в том числе в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации, при избрании и применении мер уголовно-процессуального принуждения. Значительное внимание уделено наиболее строгой из мер пресечения – заключению под стражу. Отмечается недостаточный уровень гарантирования прав личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения, в связи с чем предлагаются меры по совершенствованию процессуальных гарантий прав подозреваемых, обвиняемых в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: процессуальные гарантии; меры уголовно-процессуального принуждения; заключение под стражу; суды общей юрисдикции; военные суды.

Criminal procedural guarantees of individual rights in the application of measures of criminal procedural coercion

© Shevchuk A.N.,
Candidate of Law, Professor, Professor of the
Department "Theory of Law, Civil Law and Civil
Procedure" Law Institute of the Russian University
of Transport (RUTH (MIIT)); Associate Professor of
the 30th Department of the Prince Alexander
Nevsky Military University of the Russian Ministry
of Defense

Annotation. The article examines certain issues of ensuring the rights of the individual, including in the conditions of the Armed Forces of the Russian Federation, in the election and application of measures of criminal procedural coercion. Considerable attention is paid to the strictest of the preventive measures – detention. There is an insufficient level of guaranteeing the rights of the individual when applying measures of criminal procedural coercion, in connection with which measures are proposed to improve the procedural guarantees of the rights of suspects accused in criminal proceedings.

Keywords: procedural guarantees; measures of criminal procedural coercion: detention; courts of general jurisdiction; military courts.

1. Заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения и существенным образом затрагивает ряд конституционных прав, свобод и законных интересов граждан. Отечественная правовая система и деятельность органов рас-

следования с введением судебного порядка заключения под стражу претерпели текто-

нические изменения¹. В первые годы действия данной нормы заключать под стражу подозреваемых и обвиняемых органы расследования стали в 6 раз меньше. При этом, несмотря на существенные изменения в отечественном законодательстве, порядке работы следователей и дознавателей относительно соблюдения порядка заключения под стражу, правоохранительная система не обрушилась, не перестала функционировать в соответствии с поставленными перед ней целями и задачами. Это свидетельствует о том, что обоснованных, вызываемых закономерностями развития общества и государства, работающих на совершенствование демократических процедур, изменений действующего законодательства опасаться не следует. Ключевой здесь видится момент в том, чтобы изменения были не ради самих поправок в законодательстве, а служили созданию надлежащих процессуальных гарантий прав личности, повышению эффективности деятельности государства в лице соответствующих органов в уголовно-процессуальной сфере.

В связи с этим вопросам избрания и применения данной меры пресечения обоснованно уделяется пристальное внимание теоретиков, практиков, правозащитников и общественности.

Как показывают данные судебной статистики², в ходе досудебного производства избрание заключения под стражу остается на значительном уровне. Хотя и наметилась неустойчивая тенденция к снижению числа лиц, заключаемых под стражу в ходе досудебного производства.

2. Среди мер пресечения, кроме заключения под стражу, имеются и иные меры пресечения, ограничивающие консти-

туционные права граждан существенным образом, и позволяющие при этом органам расследования выполнять возложенные на них задачи.

К ним относятся домашний арест и запрет определенных действий. Домашний арест в 2020 г. применялся в 6 948 случаях (при числе ходатайств следователей, дознавателей 8 064), в 2021 г. — в 6 828 случаях (при подаче 7 871 ходатайства). Запрет определенных действий в 2021 году применен судом в ходе предварительного расследования в 2 565 случаях (ходатайств было подано 2 924).

Статистические данные указывают на то, что среди мер пресечения, в наибольшей степени ограничивающих личные права и свободы граждан (заключение под стражу; домашний арест; запрет определенных действий), преобладает заключение под стражу. В сравнении, например, с домашним арестом, в 14 раз. Характер ограничений, предполагаемых при применении указанных мер пресечения, по ряду позиций схож — это относится к возможности общаться с другими лицами, встречаться с ними, обмениваться информацией; посещать определенные места; и т.д. Но заключение под стражу создает для гражданина дополнительные трудности, негативно влияет на физическое состояние, на психологический статус (особенно тех, кто осознал свою вину и готов исправляться).

Поэтому, на наш взгляд, следует развивать практику применения домашнего ареста и запрета определенных действий как альтернативу заключения под стражу. Это вызовет определенные трудности у следователей и дознавателей, потребует от них выяснения дополнительных обстоятельств, позволяющих не прибегать к заключению под стражу. Однако, как было отмечено, для перспективных целей исправления совершившего преступление, это было бы оправданным.

Избыточность применения заключения под стражу в сравнении с домашним арестом и запретом определенных действий объясняется и факторами организационными, техническими. Данные виды деятельности (по обеспечению реализации

¹ Подробнее об этом см.: Загорский Г.И., Кобзарев Ф.М., Шалумов, М.С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 42.

² См.: Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Судебная статистика. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. 2022. <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 10.03.2023).

указанных мер пресечения) являются в наших условиях относительно новыми, что требует:

— создания необходимых технических средств контроля за исполнением подозреваемыми и обвиняемыми ограничений в связи с применением домашнего ареста или запрета определенных действий;

— определения оптимального штата сотрудников соответствующих правоохранительных ведомств и обеспечения их профессиональной подготовки;

— совершенствования методики контроля за исполнением возложенных на подозреваемых и обвиняемых, ограничений.

№ п/п	Содержание ходатайств	2016 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
1	Рассм. х-в о закл. под стражу /удовлетворено/ вынесено частных определений в адрес органов расследования	136 580 / 123 296	113 141 / 102 165	104 866/ 94 633	96 727/ 84 917/ 220	99 301/ 87 905/ 280
2	Рассм. х-в о продлении срока содерж. под страж. /удовлетворено/ вынесено частных определений в адрес органов расследования	230 276 / 210 117	215 228 / 211 210	216 009/ 211 248	201 362/ 194 896/ 1 892	202 499/1 96 519/ 2 524
3	Рассм. х-в о применении домашнего ареста /удовлетворено/ вынесено частных определений в адрес органов расследования	7350 / 6 101	7 170 / 6 329	- / 3504	8 064/ 6 948/ 17	7 871/ 6 828/ 21

3. За 2021 г. 34 972 обвинительных приговоров вынесены за совершение особо тяжких преступлений и 141 621 — тяжких преступлений. Эти данные в определенной мере соотносятся с применением ежегодно около 100 тыс. заключений под стражу в ходе предварительного расследования и около 200 тыс. ежегодных продлений сроков содержания под стражей. Однако нередки случаи заключения под стражу, несмотря на наличие иных мер пресечения, предполагающих существенные ограничения прав и свобод личности в целях обеспечения надлежащего поведения подозреваемых (обвиняемых), следует установить общее правило:

— заключение под стражу применяется только при обвинении лица в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, в остальных случаях она может быть применена лишь при наличии исключитель-

ных обстоятельств, реально вызывающих необходимость ее применения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

4. Очевидно, что находящийся под стражей подозреваемый или обвиняемый может попасть под негативное влияние лиц, пребывающих вместе с ним в камере следственного изолятора или изолятора временного содержания. Законодатель, предвидя такую ситуацию, предписал содержать отдельно лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности, от ранее содержащихся в местах лишения свободы (абз. 4 п. 1 ч. 2 ст. 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»). На наш взгляд, такой подход обоснован и требует расширения круга лиц, с которыми не следует содержать лиц, впервые привлекаемых к уголовной ответственности.

Негативное воздействие могут оказывать не только те, кто пребывал ранее в местах лишения свободы, но и которые привлекались к ответственности, но уголовные дела (уголовные преследования) в отношении них были прекращены. Было бы правильным отдельно содержать под стражей тех, кто впервые совершил преступление и тех, кто привлекался к ответственности и был заключен под стражу, хотя в результате уголовное дело (уголовное преследование) было прекращено.

5. Согласно ч. 1 ст. 108 УПК РФ при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания.

По нашему мнению, в приведенных положениях УПК РФ налицо несовершенство законодательного регулирования обоснования судьей необходимости избрания заключения под стражу, поскольку законодатель не требует доказанности представленных следователем (дознавателем) обстоятельств, установленных в ходе расследования.

В связи с этим необходимо четко и однозначно предусмотреть в УПК РФ, что при избрании меры пресечения должны быть доказаны обстоятельства, послужившие основаниями для принятия такого решения, с возложением обязанности доказывания указанных фактов органами расследования.

6. Критической оценки требует правовое регулирование продления сроков содержания под стражей. Согласно действующему законодательству заключение под стражу первоначально применяется судьей районного (гарнизонного военного суда) на период до 2 месяцев. После этого судья этого же звена судебной системы судов общей юрисдикции вправе продлить содержание под стражей на срок до 6 месяцев, а судья областного и равного по компетенции суда

— до 12 месяцев по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях при особой сложности уголовного дела.

На наш взгляд, эти сроки следует пересмотреть. Продление срока содержания под стражей районным судом происходит не сразу на период до 6 месяцев, т.е., как правило, несколько раз данный вопрос слушается в одном и том же суде и нередко — одним и тем же судьей. Особенно в судах с незначительным штатным составом судей. Очевидно, что в такой ситуации велик риск создания у судьи предубеждения об однозначной безальтернативности заключения под стражу, а также формирования субъективной зависимости судьи от ранее принятого своего же решения, или решения коллеги-судьи.

Поэтому было бы правильным установить за районным судом право продления срока содержания под стражей до 4 месяцев, при этом исключить рассмотрение вопроса об избрании заключения под стражу, продлении срока содержания под стражей одним и тем же судьей, а за областным и равным по компетенции, в том числе военным судом округа (флота) — до 6 месяцев и выше, при коллегиальном составе суда (трое судей областного и равного по компетенции суда).

7. Процедура избрания заключения под стражу и обжалования решений суда об этом требует упорядочения. В связи с этим представляется необходимым в ст. 108 УПК РФ предусмотреть все особенности и процедуры избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и обжалования решений о её применении, о предоставлении подозреваемому или обвиняемому, их защитнику всех материалов дела по данному ходатайству для ознакомления¹, о рассмотрении указанного ходатайства, как правило, в открытом судебном заседании, с обязательным извещени-

¹ Андреева, О.И., Зайцев, О.А. О праве обвиняемого самостоятельно защищаться от уголовного преследования и пределах его ограничения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 32. С. 12—13.

ем потерпевшего и иных заинтересованных лиц, с разъяснением им прав на обжалование судебного решения, о соблюдении такой же процедуры при избрании в отношении подсудимого указанной меры пресечения непосредственно при рассмотрении уголовного дела в суде и др.

В ст. 109 УПК РФ было бы логичным последовательно изложить порядок продления сроков ареста (сроки, субъекты (участники), стадии, действия и решения уполномоченных органов и должностных лиц, порядок обжалования и др.), а в ст. 110 УПК РФ более четко и последовательно предусмотреть положения об отмене или изменении рассматриваемой меры пресечения (в том числе с указанием конкретных процессуальных полномочий прокурора (военного прокурора) в связи с применением и отменой данной меры пресечения).

8. В определенной степени резервом в вопросе укрепления прав личности является совершенствование процессуальных гарантий при обжаловании решений суда о заключении под стражу.

В настоящее время при обжаловании первоначального решения районного судьи (гарнизонного военного суда) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу жалоба рассматривается единолично судьей вышестоящего суда (п. 2 ч. 3 ст. 30 УПК РФ). Такое положение следует оставить в силе, а при любом дальнейшем продлении срока содержания под стражей жалоба на это решение должна рассматриваться только коллегиально в составе трех судей. Такой подход будет способствовать исключению одностороннего подхода в рассмотрении жалобы, повысит объективность выносимых решений, а также уровень доверия к выносимым судебной властью решений.

9. Нередко суды принимают решения о продлении срока содержания под стражей в ситуации, когда жалоба на решение об избрании меры пресечения еще не нашла своего окончательного разрешения. Поэтому было бы обоснованным

законодательно запретить судам рассматривать ходатайства о продлении срока содержания под стражей по любым мотивам, если поданная жалоба на избрание этой меры пресечения или ее продление не разрешена соответствующим судом.

10. При реализации заключения под стражу важным является обеспечение права подозреваемого (обвиняемого) на свидание с защитником. Здесь положительным эффектом было бы исполнение предписаний закона, а именно — необходимо добиться неукоснительного соблюдения следующих требований УПК РФ:

— о свидании адвоката с подозреваемым до его допроса наедине и конфиденциально (п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ);

— о порядке осуществления свидания защитника с обвиняемым: наедине, конфиденциально, без ограничения числа свиданий и продолжительности (п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Сейчас эти правила нередко нарушаются: существуют очереди для свиданий в СИЗО, сотрудники которого даже требуют разрешения следователя (дознателя) на свидание адвоката с подследственным, хотя нормы ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей ...» запрещают требовать подобные документы.

В связи с этим необходимо совершенствование подзаконных актов, регулирующих деятельность следственных изоляторов, а также принятие должных мер организационно-служебного характера по ориентированию сотрудников СИЗО на неукоснительное исполнение требований закона. Уместной в этом отношении была бы соответствующая работа надзирающего органа — прокуратуры.

11. После вступления приговора в законную силу в отношении лица, содержащегося в следственном изоляторе, осужденный направляется к месту отбывания наказания по этапу, который может длиться достаточно долго, от одного до трех месяцев. Осужденный фактически при этом находится в прежнем процессуальном положении и вынужден

обращаться с ходатайством в районный суд по месту отбывания наказания о зачете ему времени пребывания на этапе в срок назначенного наказания в порядке исполнения приговора в соответствии со ст. 103 УК РФ, что влечет неоправданный рост нагрузки судей и ущемление прав осужденного.

Поэтому было бы правильным максимально сократить сроки пребывания на этапе осужденных и оптимизировать маршруты этапирования, что способствовало бы также недопущению неоправданных расходов бюджетных средств.

12. При нахождении уголовного дела в суде действующий УПК РФ допускает избрание меры пресечения в виде заключения под стражу или продление срока содержания под стражей по инициативе суда. Данное положение, несмотря на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, противоречит принципам состязательности и равноправия сторон перед законом и судом. К тому же это не способствует формированию у граждан доверия к суду. Представляется правильным закрепить в законодательстве положение о том, что заключение под стражу (продление срока содержания под стражей) допускается исключительно по ходатайству стороны обвинения.

13. Возникают ситуации, когда органы расследования вынуждены обращаться в суд с ходатайством о заключении под стражу не по месту производства расследования.

В частности, нередко такая ситуация по известным причинам возникает в ходе деятельности военных следственных органов. Они согласно действующему законодательству должны подавать ходатайство в гарнизонный военный суд. Но не всегда это возможно реализовать с учетом особенностей размещения воинских частей и подразделений воинских формирований.

В связи с этим следует предусмотреть в УПК РФ право следователей военных следственных органов обратиться в районный суд с указанным ходатайством.

14. Проведение специальной военной операции на Украине показало, что военные следственные органы испытывают трудности при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по причине проблем с доступностью подачи обращений в военный суд. В связи с этим следует создавать постоянно действующие судебные присутствия гарнизонных военных судов в местах проведения подобных военных операций.

15. События военного характера последних лет показывают, что необходимо вернуться к обсуждению вопроса о введении военной службы в военных судах. Это будет способствовать решению проблемных аспектов в обеспечении надлежащего осуществления правосудия в военное время и в условиях боевой обстановки посредством деятельности военных судов.

16. Злободневной является ситуация с обеспечением услугами защитника подозреваемых и обвиняемых в условиях военного времени и в боевой обстановке. Представляется необходимым рассмотреть вопрос о принятии законодательства о формировании юридических консультаций, которые могли бы работать в условиях Вооруженных Сил Российской Федерации во время выполнения ими боевых задач.

Библиография

1. Андреева, О.И. О праве обвиняемого самостоятельно защищаться от уголовного преследования и пределах его ограничения / О.И. Андреева, О.А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 32. — С. 5—18.
2. Загорский, Г.И. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу и сроки содержания под стражей: некоторые теоретико-правовые вопросы / Г.И. Загорский, Ф.М. Кобзарев, М.С. Шалумов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2020. — № 38. — С. 42—50.

Военные проблемы международного права.
Зарубежное военное законодательство

Концептуальные и законодательные основы
взаимодействия между штабами объединений
Вооруженных Сил и органами территориального
управления Республики Армения

© Давтян Саград Суренович,
адъюнкт Военного учебно-научного центра
Сухопутных войск «Общевойсковая академия
Вооруженных Сил Российской Федерации»,
полковник

Аннотация. В статье предлагается общий обзор концептуальных, доктринальных и законодательных документов, объём и содержание которых способствуют реализации взаимодействия между штабами объединений и органами территориального управления Республики Армения в полном объёме.

Ключевые слова: взаимодействие, военная доктрина, объединение, орган территориального управления, система военной безопасности, Стратегия национальной безопасности, полномочия, правовой режим военного положения.

Conceptual and legislative bases of interaction between the
headquarters of the armed forces associations and the territorial
administration bodies of the Republic of Armenia

© Davtyan S.S.,
Adjunct of the Military Training and Research Center of the Ground Forces "Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation",
Colonel

Annotation. The article offers a general overview of conceptual, doctrinal and legislative documents, the scope and content of which contribute to the implementation of interaction between the headquarters of associations and the territorial administration bodies of the Republic of Armenia in full.

Keywords: Interaction, Military Doctrine, association, territorial administration body, Military Security System, National Security Strategy, powers, legal regime of martial law.

Важным аргументом современного геополитического устройства мира является применение военной силы в качестве решающего фактора в межгосударственной деятельности при полном игнорировании национальных интересов ряда государств.

В современных условиях развитие мирового сообщества охватывает почти все отрасли жизнедеятельности человечества, что увеличивает зависимость степени

национальной безопасности государства от стратегических возможностей в мире в целом.

Основываясь на соответствующих международно-правовых нормах (Всеобщая декларация прав человека, Устав ООН и др.) в оборонной политике государств отмечены приоритеты государственной политики, отдельные формулировки которых были реализованы в соответствии с

установленным порядком в законодательно-подзаконной сфере, направленные на организацию обороны Республики Армения и повышение ее эффективности.

Считается, что термин «национальная безопасность» в политическом лексиконе используется с начала XX в.

В 2020 г. была принята новая Стратегия национальной безопасности Республики Армения, главной целью которой является «определение ориентиров для обеспечения безопасного и поступательного развития и благосостояния Армении и граждан Республики Армения, опираясь на независимую, суверенную и сильную Республику Армения, как гаранта реализации этой цели и родины армян всего мира. Стратегия определяет национальные интересы Армении и стратегические направления их эффективной защиты»¹.

Военная доктрина Республики Армения представляет собой совокупность официальных концептуальных взглядов, включающих военно-политические, военно-стратегические, военно-экономические и военно-технические основы обеспечения военной безопасности Республики Армения. Военная доктрина Республики Армения основана на анализе: региональной и международной военно-политической обстановки; стратегических прогнозов; текущих и перспективных задач обеспечения военной безопасности; потребностей системы военной безопасности и реальных возможностей экономики; современных вызовов и угроз военной безопасности; характера вооруженных конфликтов; международных обязательств Республики Армения и возможностей, предоставленных сотрудничеством в этой сфере; отечественного и зарубежного опыта военного строительства и военного искусства².

¹ Стратегия Национальной безопасности Республики Армения // Решения Совета Безопасности Республики Армения от 10 июля 2020 г. // Электронный ресурс : официальный сайт правительства Республики Армения : <https://www.gov.am/ru> (дата обращения: 12.04.2023).

² Военная доктрина Республики Армения // Указ Президента Республики Армения № 308-Ն от 25

В соответствии с Законом Республики Армения «Об обороне» под понятием государственной системы военной безопасности понимается «совокупность законодательства Республики Армения в области обороны, органов государственного и территориального управления, местного самоуправления и должностных лиц, Вооруженных Сил, других войск, объединенных формирований Вооруженных Сил, сил гражданской обороны и уполномоченного государственного органа по чрезвычайным ситуациям, военно-промышленного комплекса и организаций Республики Армения, осуществляющих функции по решению задач военной безопасности, в том числе имеющих задания по мобилизации»³.

Таким образом, в нормативно-правовых актах Республики Армения определяется необходимость организации системы взаимодействия, включающей указанные элементы системы военной безопасности, взаимосвязи между ними в военное время, создаваемые, поддерживаемые и преобразуемые, исходя из постоянного анализа и учета изменений военно-политической обстановки и принципов организации обороны государства: «Оборона Республики Армения организуется и осуществляется на основе принципов законности, уважения прав и фундаментальных свобод человека, демократического и гражданского контроля за деятельностью Вооруженных Сил, привлечения органов государственного и территориального управления, местного самоуправления, физических и юридических лиц»³.

В процессе организации обороны государства законодательство определяет полномочия и функции соответствующих

декабря 2007. // Электронный ресурс : официальный сайт Президента Республики Армения : <https://www.president.am>. (дата обращения: 14.04.2023).

³ Закон Республики Армения «Об обороне» от 15 ноября 2017 г. // Электронный ресурс : официальный сайт Национального Собрания Республики Армения : <http://www.parliament.am>. (дата обращения: 18.04.2023).

органов невоенного компонента, в частности, государственных органов и организаций, которые являются неотъемлемой частью системы военной безопасности Республики Армения.

Законом «Об обороне» Республики Армения определены следующие полномочия органов государственного и территориального управления, которые: разрабатывают мобилизационные планы и обеспечивают их выполнение; создают мобилизационные органы и резервные пункты управления; планируют в своих сферах мероприятия по гражданской обороне и обеспечивают их осуществление; принимают участие в учебно-тренировочных сборах и занятиях, организуемых в рамках мобилизационной подготовки; осуществляют бронирование работающих в своих системах резервистов; обеспечивают перевод деятельности своих систем на рабочий режим военного периода; принимают участие в процессе воинского учета граждан и осуществлении мероприятий по подготовке резерва; содействуют военным комиссариатам в решении мобилизационных задач в рамках мобилизационной подготовки и во время мобилизации; обеспечивают во время мобилизации извещение граждан, подлежащих мобилизационному призыву, отправку транспортных средств на сборный пункт или воинские части, предоставление зданий, сооружений и земельных участков, средств коммуникации, транспортных и других материальных средств согласно мобилизационным планам; осуществляют обеспечение информационной безопасности своих систем; осуществляют другие полномочия, установленные другими законами в области обороны»¹.

В соответствии с Конституцией Республики Армения административно-

территориальными единицами Республики Армения являются области и общины⁴.

В соответствии с действующими концептуальными положениями, законодательными нормами необходимые дополнительные полномочия по вопросам взаимодействия могут устанавливаться подзаконными актами (постановлениями Правительства, решениями премьер-министра и др.), совместными и внутренними правовыми актами Республики Армения².

Подзаконные, совместные и внутренние правовые акты по организации и поддержанию взаимодействия должны соответствовать принципам правовой определенности: государственные органы и органы местного самоуправления, и должностные лица вправе совершать только те действия, на которые они уполномочены Конституцией или законами. В целях обеспечения их выполнения на основе законов, Конституции, органы, предусмотренные Конституцией, могут быть уполномочены законом принимать подзаконные акты. Нормы авторизации должны соответствовать принципу правовой определенности.

Эта необходимость особенно остро выражается после Нагорно-Карабахского конфликта 2020 г., поскольку реализация оборонных функций Республики Армения стала более сложной и затратной (по экономическим возможностям) в условиях резкого обострения обстановки, роста вероятности возникновения нового вооруженного конфликта.

Важность взаимодействия в исследуемой сфере объясняется тем, что объединения Вооруженных Сил действуют (выполняют определенные задачи) на административных территориях соответствующих органов территориального управления, что предполагает заблаговременное (в мирное время) обсуждение и согласование организационно-управленческих действий, вза-

¹ Конституция Республики Армения (принято всенародным голосованием от 06.12.2015 г.), ст. 2, 121. // Электронный ресурс // официальный сайт Национального Собрания Республики Армения : <http://www.parliament.am>. (дата обращения: 18.04.2023).

² Закон Республики Армения «О нормативно-правовых актах» от 21 марта 2018 г., ст. 2. // Электронный ресурс // официальный сайт правительства Республики Армения : <https://www.gov.am/ru>. (дата обращения: 12.04.2023).

имную координацию, а также решение других необходимых взаимосвязанных вопросов эффективности обороноспособности государства. Кроме того, вопросы взаимодействия между штабами объединений Вооруженных Сил и органов территориального управления также рассматриваются с точки зрения эффективной деятельности в условиях правового режима военного положения в государстве.

Законом Республики Армения «О правовом режиме военного положения» определены следующие мероприятия и временные ограничения во время военного положения: перевод Вооруженных Сил Республики Армения и других войск в состояние полной боевой готовности; комплектование подразделений спасательной службы Армении, перевод в полную готовность и выполнение мероприятий, определенных Законом Республики Армения «О гражданской обороне»; перевод органов государственной власти и местного самоуправления, объектов особого значения для обороны, государства и экономики на рабочий режим военного положения; ограничение свободы передвижения на территории, объявленной на военном положении, а также установление особого режима въезда и выезда с указанной территории, включающего ограничение въезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на данной территории; охрана объектов жизнеспособности населения, особо охраняемых объектов и объектов, обеспечивающих транспортную деятельность, а также представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья населения, окружающей среды; осуществление в соответствии с правовым режимом военного положения особой государственной финансовой, кредитной, налоговой, таможенной, пограничной и банковской политики, ограничения в отношении отдельных видов финансово-хозяйственной деятельности, включая оказание услуг, оборот товаров и финансовых средств; установление особого порядка продажи, приобретения и оборота пищевых продуктов, лекарствен-

ных средств и товаров первой необходимости; запрещение или ограничение проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и иных массовых мероприятий, запрещение забастовок и иных мероприятий по прекращению или приостановлению деятельности организаций, приостановление деятельности партий, общественных и религиозных организаций и объединений, ведущих в условиях военного положения агитацию и иную деятельность, направленную против обороны и безопасности Республики Армения, в порядке, установленном законом; проверка документов, удостоверяющих личность граждан, осуществление досмотра личных вещей, жилища и транспортных средств граждан, а также выдворение лиц, нарушивших правовой режим чрезвычайного положения и не проживающих на данной территории, за счет их средств, а в случае отсутствия таких средств — за счет расходов, произведенных из средств государственного бюджета Республики Армения, с условием их последующей компенсации; установление подлежащих исполнению организациями (независимо от их организационно-правовой формы) в первоочередном порядке заданий по производству продукции, имеющей важное значение для экономики, обороны и жизнедеятельности населения Республики Армения; установление комендантского часа, то есть запрещение нахождения в определенное время суток на улицах и в иных общественных местах без документов, удостоверяющих личность, и специальных разрешений; ограничение в установленном законом порядке свободы слова, а также изъятие или арест печатного оборудования, радиотрансляционных, звукоусилительных технических средств, множительной техники, установление особого порядка аккредитации журналистов, особых правил пользования средствами связи; ограничение или запрещение продажи оружия, боеприпасов, взрывчатых и ядовитых веществ, специальных средств, установление особого режима оборота лекарственных средств и

препаратов, содержащих наркотические, психотропные и сильнодействующие вещества, этилового спирта, алкогольных напитков, спиртосодержащей продукции, приостановление опасных производств, деятельности организаций, использующих взрывчатые, радиоактивные, химические и биологически опасные вещества. В случае необходимости допускается временное изъятие у граждан оружия и боеприпасов, ядовитых веществ, а у организаций — оружия, боеприпасов, боевой и учебной военной техники, взрывчатых и радиоактивных веществ; привлечение трудоспособного населения и транспортных средств в особых случаях, связанных с необходимостью осуществления и обеспечения оборонных, аварийно-восстановительных

и других неотложных работ; эвакуация населения, государственных органов и органов местного самоуправления, оборонных объектов, объектов, имеющих важное значение для деятельности государства и экономики, материальных и культурных ценностей на более безопасные территории (ст. 8 Закона Республики Армения «О правовом режиме военного положения» от 5 декабря 2006 г.)

Таким образом, официальные концептуальные взгляды и законодательные нормы формируют благоприятную основу для организации взаимодействия между военными и территориальными органами в общей системе военной безопасности Республики Армения.
